
РАЗГРОМ ЯПОНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В КИТАЕ, КОРЕЕ, НА САХАЛИНЕ И КУРИЛАХ

Маньчжурская стратегическая наступательная операция

9 августа 1945 г. около 1 часа ночи по хабаровскому времени передовые и разведывательные отряды Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов пересекли государственную границу и начали вклинение на территорию Маньчжурии; к боевым действиям приступил и Тихоокеанский флот. С рассветом в наступление перешли главные силы фронтов¹. Так началась советская Дальневосточная кампания, в которой блестяще проявились боевой опыт и военное искусство, накопленные в Великой Отечественной войне. 10 августа войну Японии объявила Монгольская Народная Республика. В этот же день всем вооруженным формированиям освобожденных районов Северного, Центрального и Южного Китая был отдан приказ «немедленно начать наступление на все важнейшие коммуникационные линии и центральные города, занятые врагом, и принудить японские войска и войска марионеточных правительств к капитуляции»².

Главным содержанием Дальневосточной кампании стала Маньчжурская стратегическая наступательная операция. Ее замысел состоял в том, чтобы силами трех фронтов во взаимодействии с флотом молниеносно разгромить Квантунскую группировку войск и овладеть важнейшими центрами Северо-Восточного Китая и Северной Кореей. Наступление советских войск развернулось одновременно на хингано-мукденском, харбино-гиринском и сунгарийском направлениях силами Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов под командованием соответственно Маршалов Советского Союза Р. Я. Малиновского, К. А. Мерецкова и генерала армии М. А. Пуркаева, каждый из которых имел к этому времени огромный полководческий опыт.

Наступление советских войск началось с мощного удара авиации по командным пунктам, штабам и узлам связи противника. В соответствии с планами фронтов с утра 9 августа бомбардировочная авиация нанесла сосредоточенные удары по важнейшим железнодорожным станциям и узлам, а также по военным объектам в городах Харбин, Чанчунь, Гирин. В результате этого удара, в котором участвовали сотни советских бомбардировщиков и штурмовиков, связь между штабами и формированиями японских войск в Маньчжурии в первые же часы войны была нарушена, и командование Квантунской группировки потеряло управление ими, что облегчило советским войскам решение поставленных перед ними задач.

Тихоокеанский флот начал подготовку к десантным операциям с целью овладения военно-морскими базами и портами противника на побережье Кореи. Одновременно его военно-воздушные силы и соединения торпедных катеров нанесли удары по кораблям, береговой обороне и другим объектам в северокорейских портах Юки, Расин, Сейсин.

Таким образом, Квантунская группировка войск была атакована на суше, с воздуха и моря на всем протяжении границы с Маньчжурией и на побережье Северной Кореи. Внезапность ударов позволила нашим войскам с самого начала захватить инициативу и максимально использовать первоначальный успех. Удары нашей авиации по железнодорожным узлам затруднили железнодорожное сообщение противника, что при слабой моторизации и механизации Квантунской группировки, действовавшей на столь обширном театре, резко уменьшало возможности ее маневра силами и средствами. Вслед за этим советские войска при поддержке Амурской военной флотилии и военно-воздушных сил успешно форсировали на широком фронте реки Амур и Уссури и, сломив в упорных боях ожесточенное сопротивление японцев в приграничных укрепленных районах, стали развивать наступление в глубину Маньчжурии.

Наступление войск 1-го Дальневосточного фронта на приморско-маньчжурском направлении началось под проливным дождем. Однако в течение первого дня соединения и части 1-й Краснознаменной армии под командованием генерала А. П. Белобородова и 5-й армии генерала Н. И. Крылова пробили брешь в укрепленных районах и продвинулись в глубь Маньчжурии до 20 км. Особенно смело и расчетливо при преодолении укрепленного района действовал батальон 215-й стрелковой дивизии 5-й армии, которым командовал Герой Советского Союза капитан Д. Е. Москалев. Подразделения батальона под покровом темноты выдвинулись на рубеж государственной границы и, используя промежутки в укреплениях, атаковали и блокировали доты и дзоты, разгромили гарнизон противника и еще до рассвета полностью нарушили оборону японцев на этом направлении. Подобным образом части советских войск преодолевали японскую оборону и на других направлениях.

На правом крыле фронта соединения и части 35-й армии 1-го Дальневосточного фронта перешли в наступление в направлении Хутоу и в районе западнее Павло-Федоровки. После артиллерийской и авиационной подготовки, проведенной по Хутоускому укрепленному району, и 15-минутного артиллерийского налета по району обороны противника западнее Павло-Федоровки главные силы армии форсировали реки Уссури и Сунгач. Сломив сопротивление неприятеля, они преодолели обширный болотистый район на западных берегах этих рек и развернули бои с целью расширения плацдармов и прорыва Хутоуского укрепленного района. К исходу дня соединения армии, продвинувшись на глубину 5–12 км, перерезали железную и шоссейную дороги в районе 14 км юго-западнее Хутоу.

Одновременно соединения 25-й армии обходили и блокировали узлы сопротивления Дуннинского и Дунсинчженьского укрепленных районов. К исходу дня они, углубившись в оборону противника до 10–12 км, перерезали дорогу Дуннин — Тумынь в пяти направлениях на всем ее протяжении и овладели рядом населенных пунктов. На левом крыле фронта части южной группировки 25-й армии при поддержке артиллерии кораблей Тихоокеанского флота начали штурм долговременных укреплений противника на границе с Кореей. В тот же день они форсировали реки Хуньчунхэ и Тумыньцзян и заняли в Северной Корее г. Кэйко.

10–12 августа основная группировка войск фронта, уничтожая узлы сопротивления, развивала наступление в общем направлении на Муданьцзян. На правом крыле фронта соединения и части 35-й армии, блокировав уцелевшие гарнизоны мощных дотов и казематов, овладели Хутоуским укрепленным районом и основными силами продолжали наступать в направлении на Мишань.

Соединения и части 1-й Краснознаменной армии 11 августа заняли города Лишучжень и Бамяньтун, а 12 августа во взаимодействии с войсками 35-й армии овладели г. Мишань и Мишаньским укрепленным районом. К исходу 12 августа передовые части 1-й Краснознаменной армии на дальних подступах к Муданьцзяну форсировали р. Мулинхэ, а соединения и части 5-й армии, овладев 11 августа г. Мулин, также вышли к этой реке. Одновременно

главные силы 25-й армии, преодолевая сопротивление противника, вели наступление на Ванцин. В районе Муданьцзян враг оказывал упорное сопротивление, переходя в яростные контратаки. Войска фронта, успешно отбивая эти контратаки, завязали бой на внешнем обводе муданьцзянских укреплений японцев.

Соединения левого фланга 25-й армии 11 августа с боем овладели Хуньчуньским укрепленным районом противника и, стремительно наступая вдоль побережья в направлении Сейсина, во взаимодействии с кораблями Тихоокеанского флота к исходу 12 августа овладели портами и городами Юки и Расин. В течение 13 и 14 августа наступление развивалось успешно. На правом крыле фронта соединения и части 35-й армии к исходу 13 августа овладели г. Дунань и, обеспечивая основную группировку войск фронта с севера, наступали в направлении Линькоу. 1-я Краснознаменная армия овладела г. Линькоу, ее соединения и части форсировали р. Муданьцзян и ворвались с северо-востока в г. Муданьцзян, где завязали упорные уличные бои. Соединения и части 5-й армии к исходу 14 августа также подошли к г. Муданьцзян с востока и вступили в уличные бои.

К исходу 14 августа войска 1-го Дальневосточного фронта в условиях труднопроходимой горно-таежной местности и яростного сопротивления противника продвинулись в глубину Маньчжурии на 120–150 км, прорвав сильно укрепленную полосу обороны. Войска фронта овладели семью мощными укрепленными районами (Хутоуским, Мишаньским, Пограничным, Дуннинским, Дунсинчженьским, Хуньчуньским и Кэнхынским), вышли к рубежу обороны, подготовленному противником по линии Линькоу — Муданьцзян, и завязали бои на внутреннем обводе сильно укрепленного опорного пункта противника — г. Муданьцзян, который запирали выходы в Центральную Маньчжурию со стороны Приморья.

Таким образом, и на харбино-гиринском направлении не оправдались надежды японского командования на то, что войска Красной армии застрянут в пограничной укрепленной полосе и труднодоступных горных хребтах Восточной Маньчжурии и будут здесь обескровлены относительно небольшими силами прикрытия. На этом направлении противнику не удалось вывести свои основные силы из-под удара советских войск и сосредоточить их на рубежах обороны, подготовленных в глубине Маньчжурии.

Обстановка для японского командования осложнялась тем, что и на харбино-гиринском направлении оно в первый же день войны потеряло управление и связь с большей частью своих соединений и гарнизонов. По показанию начальника штаба 3-й армии генерала Икэтанни Хандзиро, «в первый же день начала военных действий нарушилась связь с гарнизонами Чуньхуа, Уцзяцзы и Сиокаку, в результате чего армейское командование не могло узнать о действиях советских войск в этих районах»³. А японский генерал Масаки Горо эту же мысль выразил ярче: «Конкретных данных о ходе операции до сего времени нет, и нет возможности установить их». Начальник отделения прессы штаба Квантунской группировки полковник Хасэгава Уити по этому же поводу заявил, что уже примерно в 16 часов 9 августа «связи с войсками не было, поэтому действительное положение и подробности начала боев не были известны». Потеря управления вызвала еще большую дезорганизацию японской обороны, что позволило войскам 1-го Дальневосточного фронта увеличить темп наступления и усилить удары по врагу.

На забайкальско-маньчжурском направлении войска Забайкальского фронта сорвали планы противника втянуть советские соединения и части в изнурительные бои в приграничной зоне. На хингано-мукденском направлении войска Забайкальского фронта 9 августа в 00 часов 10 минут по местному времени без артиллерийской и авиационной подготовки начали боевые действия сильными передовыми отрядами. В 4 часа 30 минут на всех операционных направлениях перешли государственную границу и главные силы фронта. Ввиду того что главные силы Квантунской группировки войск были расположены далеко в глубине Маньчжурии, а оставленные в приграничной полосе соединения и части прикрытия не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления, войска фронта устремились к перевалам хребта Большой Хинган. К исходу дня на правом крыле и в центре они продвинулись общевойсковыми соединениями до 50 км и подвижными соединениями — на 120–150 км,

Бомбардировщики 1-го Дальневосточного фронта идут на выполнение боевого задания

Огонь советской артиллерии по позициям противника

Советские войска переходят границу Маньчжурии

а на левом крыле в ходе боя овладели Чжалайно́р-Маньчжу́рским укрепленным районом, крупными узлами дорог, городами и железнодорожными станциями Маньчжу́рия и Чжалайно́р, форсировали р. Аргунь на участке Богдановка — Старо-Цурухайтуй, продвинувшись на отдельных направлениях до 40 км.

Группа войск монгольской Народно-революционной армии главными силами (25-я мотострелковая и 43-я танковая бригады, 3-й отдельный танковый полк, 5, 6, 7, 8 и 59-я кавалерийские дивизии со средствами усиления) на долоннорском направлении продвинулась на 55 км, имея передовые части на подступах к Нарто-Сумэ, а часть сил (7-я бронебригада, 27-я мотострелковая бригада и 30-й мотоциклетный полк) выдвигалась вдоль государственной границы из района 25 км юго-восточнее Дзамыйн-Удэ в направлении на Эрлянь.

Соединения и части 17-й армии (278, 284 и 209-я стрелковые дивизии со средствами усиления) на чифынском направлении к исходу 9 августа продвинулись главными силами до 50 км, а передовыми частями — до 70 км, имея их в районе озера Табун-Нур.

В это же время 6-я гвардейская танковая армия (9-й гвардейский механизированный корпус, 7-й механизированный корпус и 5-й гвардейский танковый корпус, насчитывавшие механизированных бригад — 6, мотострелковых бригад — 1, танковых бригад — 5, мотострелковых дивизий — 2, мотоциклетный полк — 1 со средствами усиления), развивая наступление в общем направлении на Чанчунь, продвинулась на глубину до 150 км. Ее передовые части уже находились на подступах к перевалам Большого Хингана.

В первый день наступления войска Забайкальского фронта встретили сопротивление лишь на левом крыле, где японцы, опираясь на р. Аргунь и Чжалайно́р-Маньчжу́рский укрепленный район, пытались задержать наступление 36-й армии. Однако соединения и части армии преодолели вражеское сопротивление. На правом фланге они овладели Чжалайно́р-Маньчжу́рским укрепленным районом, а на левом фланге успешно форсировали крупную водную преграду — р. Аргунь и начали стремительно продвигаться к Хайлару. К исходу дня соединения армии на отдельных направлениях продвинулись до 40 км.

53-я армия, составляющая второй эшелон фронта, готовилась к выдвиганию за соединениями и частями 6-й гвардейской танковой армии.

12-я воздушная армия, поддерживая основную группировку войск фронта, в течение дня наносила массированные удары по железнодорожным узлам противника Халун-Аршан, Солунь, Хайлар и по станциям Учгаогу, Ньюфынтай, прикрывала наступавшие войска с воздуха. В течение дня 9 августа авиация фронта произвела около 500 самолето-вылетов. Авиация противника активности не проявляла.

Соединения и части 36-й армии под командованием генерала А. А. Лучинского и 39-й армии генерала И. И. Людникова при активной поддержке авиации овладели Чжалайно́р-Маньчжу́рским и Халун-Аршанским укрепленными районами и устремились вперед. В это же время 6-я гвардейская танковая армия генерала А. Г. Кравченко и советско-монгольская конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева разгромили войска прикрытия противника и повели наступление к Большому Хингану.

Японские войска, прикрываясь частью сил на угрожаемых направлениях, начали отходить на тыловой оборонительный рубеж, проходивший по железным дорогам Тумынь — Чанчунь и Чанчунь — Дайрэ́н, с целью организации на нем сопротивления наступавшим советским войскам. На линии этих дорог японцы предполагали контратаками задержать продвижение советских войск и подготовиться к ведению боевых действий в тыловых районах Маньчжурии. С этой целью 1-й фронт Квантунской группировки войск должен был отвести 3-ю и 5-ю армии на линию железной дороги Тумынь — Чанчунь, а 3-й фронт — отойти в район железной дороги Чанчунь — Дайрэ́н. 4-я армия получила задачу постепенно отойти через Харбин в район Гирина для занятия рубежа между войсками 1-го и 3-го фронтов.

Таким образом, когда войска Забайкальского фронта на всех операционных направлениях быстро продвигались к жизненно важным центрам Маньчжурии, японское командование приступило к отводу своих войск на рубеж Чанчунь — Дайрэ́н. Для прикрытия угрожаемых направлений оно оставило слабые силы, которые не могли оказать серьезного сопротивле-

ния войскам Забайкальского фронта и надежно обеспечить отход основной массы японских войск на тыловой рубеж обороны.

В 13 часов 9 августа командующий объединенной группировкой генерал Нотимия (Уси-року Дзюн) отдал приказ № 19 о подчинении всех войск Маньчжоу-Го японским армиям и соединениям, в полосах действий которых они находились. Этим же приказом 44-я армия получила задачу уничтожить советские войска в районах Бодунэ — Ачэн и Далай — Чженцзятунь (Ляоюань) и закрепиться на рубеже Далай — Чанцзятунь — Хоусиньцю. 30-й армии надлежало, сосредоточив основные силы в Чанчуне и часть сил в районах Гирин, Гунчжулин, Сыпингай и Кайюань, уничтожить наступавшие здесь войска Забайкальского фронта. Наибольшее сопротивление предполагалось оказать в районах Чанчунь — Биньцзян, Чанчунь — Бодунэ, Чанчунь — Тумынь и железной дороги Чанчунь — Дайрэн.

Высокие темпы наступления советских войск, достигнутые уже в первый день операции, поставили под угрозу выполнение плана японского командования об отводе главных сил Квантунской группировки войск на оборонительные рубежи, подготовленные в глубине Маньчжурии. Это потребовало принятия ряда мер. В нескольких приказах командующего объединенной группировкой войскам ставились задачи по организации партизанских действий на основных направлениях наступления советских войск, в частности на чифынском, чанчуньском направлениях и в районах Шанхайгуань, Цзиньчжоу, Ичжоу и Фусинь. Кроме того, в приказе № 19 от 9 августа от войск требовалось «немедленно разрушить основные участки железной дороги в районах Бодунэ и Ачэн».

В приказе № 34 войскам 3-го фронта указывалось: «Войска фронта должны своевременно разрушить все важные сооружения, находящиеся внутри района фронта. Командиру 108-й дивизии своевременно сжечь или разрушить в провинциях Жэхэ и Цзиньчжоу (исключая Ляохэ) такие объекты, как военные сооружения, сооружения связи, важные угольные шахты, общественные здания и т. д., и в частности все дорожные и железнодорожные мосты в долине реки Далинхэ»⁴. Командиру 136-й пехотной дивизии было приказано «немедленно разрушить дорожные мосты на р. Ляохэ, а также подготовить к разрушению железнодорожные мосты на реках Ляохэ и Хуньхэ». Командующим 30-й и 44-й армиями, а также начальнику отряда охраны Квантунской провинции предписывалось «подготовить к сожжению или взрыву такие объекты... как военные сооружения, сооружения связи, важные шахты, общественные здания и т. д.»⁵. Выполняя эти приказы, отходившие части противника взрывали мосты, склады, телеграфные линии и уничтожали (отравляли) источники воды. Однако все эти меры не принесли японцам ожидаемых результатов, потому что оказались запоздавшими и осуществлялись не повсеместно из-за нарушения управления войсками.

Забайкальский фронт продолжал стремительно продвигаться вперед. На калганском и долоннорском направлениях противник по-прежнему не смог оказать серьезного сопротивления. 11 августа танковые и механизированные соединения 6-й гвардейской танковой армии преодолели Большой Хинган и, продвинувшись за сутки до 180 км, неожиданно для японского командования вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину в район Лобэй. Ближайшая задача, поставленная перед Забайкальским фронтом, была выполнена в течение трех суток.

36-я армия овладела г. Хайлар. Блокировав сильный гарнизон Хайларского укрепленного района (около 6 тыс. человек), армия основными силами развивала наступление к перевалам хребта. Однако отдельные гарнизоны Хайларского укрепленного района, укрывшись в дотах, расположенных на высотах за чертой города, продолжали ожесточенно сопротивляться. Для их уничтожения 36-я армия подтягивала тяжелую артиллерию. 53-я армия продолжала выдвигаться за 6-й гвардейской танковой армией.

После того как войска Забайкальского фронта преодолели Большой Хинган, перед ними открылись новые возможности быстрого продвижения вперед. 6-я танковая армия овладела Таонанем и двинулась на Мукден и Чанчунь. Соединения 36-й армии, наступавшие в северной части Большого Хингана, вышли к г. Бухэду, тем самым отрезав пути сообщения основных сил Квантунской группировки от войск, находившихся в северном и северо-западном районах Маньчжурии.

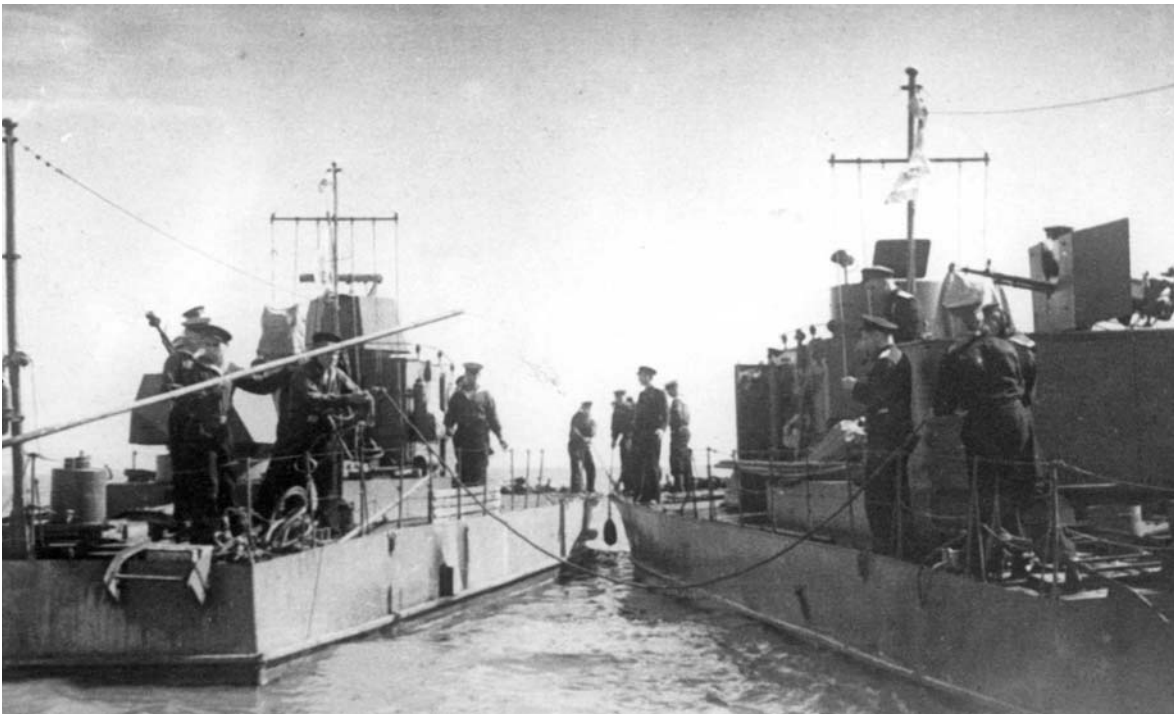
В атаку!

Командир отличившегося в боях в Маньчжурии пулеметного расчета А. Г. Галиулин

Воины 5-й армии 1-го Дальневосточного фронта, первыми вошедшие в город Мулин

Бронекатера Краснознаменной Амурской военной флотилии

В течение шести дней войска Забайкальского фронта, продвинувшись в глубину Маньчжурии на 250—400 км и развернув наступление на Центрально-Маньчжурской равнине, всеми своими силами вышли к основным военно-политическим и промышленным центрам — городам Калган, Жэхэ, Мукден, Чанчунь, Цицикар. 39-я армия, выдвинувшись в Центральную Маньчжурию, продолжала развивать наступление в юго-восточном, а затем и юго-западном направлениях с задачей 23 августа главными силами выйти в район Чейлинцзы.

Командование Квантунской группировки, потеряв централизованное управление своими войсками, беспорядочно бросало их в сражение разрозненными группами, но это уже не могло остановить стремительного наступления советских войск. Поэтому с 12 августа противник предпринял срочные меры по усилению наземной и противовоздушной обороны районов Чанчунь и Мукден. С этой целью он начал стягивать в указанные районы дополнительные силы пехоты и зенитной артиллерии. Контратаки, предпринятые японцами в период с 12 по 14 августа в районах Линьси, Солунь, Ванемяо, Бухэду, успеха не имели.

Таким образом, войска Забайкальского фронта глубоко проникли в оборону противника, расчленив Квантунскую группировку и отрезав ее значительную часть от войск, действовавших в Северо-Западной Маньчжурии. Замысел командования был выполнен полностью.

В иной обстановке, но также успешно проходило наступление войск 2-го Дальневосточного фронта под командованием генерала М. А. Пуркаева. Наступление фронта на приморско-маньчжурском направлении началось активными действиями Амурской военной флотилии против японских баз на р. Сунгари. Одновременно соединения и части 15-й армии генерала С. К. Мамонова форсировали Амур и своими передовыми частями захватили плацдарм на маньчжурском берегу.

В течение 9 и 10 августа соединения и части 15-й армии и 5-го отдельного стрелкового корпуса во взаимодействии с отрядами пограничников и соединениями кораблей Амурской военной флотилии форсировали реки Амур и Уссури, очистили от противника противоположные берега этих рек на участке протяженностью до 120 км (от устья р. Сунгари до устья р. Хор) и овладели городами Лобей, Тунцзян, Фуйюань, многими другими населенными пунктами, а также Гацзяским и Этушаньским узлами сопротивления Сунгарийского укрепленного района.

Левый берег р. Амур в районах, откуда удобнее и легче можно было форсировать реку и совершать короткие рейсы, представлял собой сильно заболоченную местность, почти недоступную даже для пехоты. Возможность сосредоточения здесь войск исключалась, поэтому командованию 15-й армии пришлось размещать войска для форсирования р. Амур в районах, удаленных от объектов атаки на 20—40 км вниз по течению. Разумеется, это увеличивало протяженность и продолжительность каждого рейса и потребовало использовать боевые корабли Амурской военной флотилии для переброски передовых отрядов и частей первого эшелона десантов. Использование для десантирования боевых кораблей с их артиллерией позволило перебросить десанты через широкую реку в минимальный срок, подавить огневые точки противника, особенно опасные при длинных рейсах, и обеспечить высадку, атаку и наступление десантов в прибрежной полосе.

Одновременно 5-й отдельный стрелковый корпус форсировал р. Уссури, сломил сопротивление незначительных сил прикрытия, оборонявших Жаохэйский укрепленный район, и, овладев городами Дунаньчжэнь и Жаохэ, а также рядом других населенных пунктов и Жаохэйским узлом сопротивления, к исходу 10 августа продвинулся на глубину 11—23 км на фронте свыше 80 км. Соединения корпуса, действуя в условиях сильнопересеченной заболоченной местности и бездорожья, к исходу 14 августа овладели г. Баоцин и продолжали развивать наступление в направлении Боли.

В связи с успешным наступлением на всех направлениях главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке принял решение о переходе 11 августа 2-го Дальневосточного фронта в наступление и на остальных участках фронта от Благовещенска до Бикина, а также на Сахалине и Курильских островах.

С утра 11 августа в наступление перешли соединения и части 2-й Краснознаменной армии. Ее передовые отряды во взаимодействии с Зее-Бурейской бригадой речных кораблей еще 9–10 августа форсировали р. Амур и захватили плацдармы на правом берегу. Армия вела наступление в двух направлениях: главными силами — на Цицикар, вспомогательной группировкой — на Бэйаньчжэнь. На цицикарском направлении, развивая наступление на Мэргэнь, она вела упорные бои по уничтожению частей противника, оборонявших узлы сопротивления Сахалинского укрепленного района. На бэйаньчжэньском направлении шли не менее ожесточенные бои с целью окружения частей 123-й пехотной дивизии и 6-го пограничного гарнизона противника, насчитывавших до 20 тыс. человек. Японские войска с боями отходили к городам Сунь и Сюньхэ, взрывая склады боеприпасов и мосты на дорогах. К исходу 11 августа соединения и части 2-й Краснознаменной армии овладели городами Сахалян, Айгунь, Цикэ, Сюньхэ и рядом других населенных пунктов. В течение 12–14 августа они нанесли поражение противнику в большей части узлов сопротивления Суньского укрепленного района и вышли к р. Суньбилахэ, захватив переправы через нее.

Соединения и части 15-й армии в течение 13–14 августа вели упорные бои по уничтожению отдельных узлов сопротивления Фуцзиньского укрепленного района, которые располагались в горах и прикрывали основные коммуникации к Цзямусы. К исходу 14 августа наши войска ликвидировали эти узлы сопротивления. 15-я армия получила возможность наступать на Цзямусы с севера и северо-востока.

Таким образом, к исходу 14 августа силами Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов Квантунская группировка была расчленена. Японское командование, потеряв в первые же дни управление войсками, не смогло организовать серьезного сопротивления ни на одном из направлений, также не удалось организовать оборону и на рубежах в глубине Маньчжурии. Советские войска на всех направлениях стремительно продвигались вперед.

В результате за шесть дней операции советские войска нанесли серьезное поражение войскам Квантунской группировки, овладели 16 из 17 укрепленных районов и продвинулись на разных направлениях на глубину от 50 до 400 км. Особенно успешно действовали войска Забайкальского фронта, которые, преодолев хребет Большой Хинган, вышли основными силами на Центрально-Маньчжурскую равнину и на глубине 250–400 км овладели городами Долоннор, Линьси, Таонань, Ванемяо. За это же время войска 1-го Дальневосточного фронта заняли города Линькоу, Мулин, Расин и продвинулись на 120–150 км. 2-й Дальневосточный фронт, овладев в Маньчжурии городами Сахалян, Хаоличжэнь, Баоцин, углубился на территорию противника на 50–200 км. Маньчжурская стратегическая наступательная операция, несмотря на огромные трудности, развивалась исключительно высокими темпами, которые обеспечивались созданием мощных ударных группировок, решительными действиями войск, широким использованием подвижных соединений и смелым выдвиганием их в первые эшелоны фронтов и армий.

Так было, например, в Забайкальском фронте, где подвижные войска составляли основное ядро первого эшелона фронта и армий. Они стремительно выходили на коммуникации противника, не встречая с его стороны сопротивления, как это имело место на калганском, долоннорском и чифынском направлениях, либо обходили укрепленные районы, не ввязываясь в затяжные бои (Хайлар, Халун-Аршань). Это обеспечило быстрое выдвигание основных сил фронта на Маньчжурскую равнину. Главные силы 6-й гвардейской танковой армии, входившей в состав Забайкальского фронта, преодолев 12 августа Большой Хинган, вырвались на Маньчжурскую равнину, вклинившись глубоко в тыл Квантунской группировки войск и упредив выход ее основных сил к этому горному хребту. За первые пять суток она прошла более 450 км и продолжала движение к ключевым городам Маньчжурии — Чанчуню и Мукдену.

Советские войска демонстрировали массовый героизм и самопожертвование, о чем свидетельствовали боевые донесения. Вот что говорилось в одном из них о действиях соединений и частей 53-й армии Забайкальского фронта: «Точно в установленный срок части и соединения армии подошли к Большому Хингану и тут же по горным верблюдьим тропам, по

совершенно неизвестной местности, где никогда не проходили войска, начали форсировать его, не имея при этом ни точных географических карт этого района, ни проводников... Путь пришлось прокладывать через горы и заболоченные узкие долины. Потребовались огромные усилия, люди по несколько суток работали без сна и отдыха на устройстве дорог, проходов, взрывали скалы, засыпали овраги, на себе тащили через горы, по болотам и пескам машины, пушки, повозки, на руках переносили боеприпасы»⁶.

За это же время войска 1-го Дальневосточного фронта в условиях труднопроходимой горно-таежной местности и наводнения, прорвав железобетонный узел укрепленных районов, продвинулись в глубь Маньчжурии на 120–150 км и завязали бои за крупный узел сопротивления — г. Муданьцзян. На сунгарийском направлении соединения и части 15-й армии генерала С. К. Мамонова (2-й Дальневосточный фронт) во взаимодействии с силами Амурской военной флотилии овладели городами Тунцзян (Ляхасусу), Фуцзинь (Фугдин) и продвигались по заболоченной пойме Сунгари к важному узлу дорог Цзямусы. В труднейших условиях бездорожья и разлившейся Сунгари советские пехотинцы, танкисты и моряки дрались самоотверженно и упорно.

Важную роль в наступлении советских войск на всех фронтах сыграли передовые отряды, которые создавались почти во всех корпусах и дивизиях первых эшелонов общевойсковых армий. В их состав включались до полка пехоты на автомашинах, один-два танковых батальона, дивизион самоходно-артиллерийских установок, до полка артиллерии и другие средства обеспечения. Эти отряды, обладая большой огневой и ударной силой, действовали внезапно, смело и решительно, на значительном удалении от главных сил стрелковых соединений. Последние, используя успех отрядов, в большинстве случаев продвигались в походных колоннах без непосредственной тактической связи между собой.

В результате сокрушительных ударов, наносимых Красной армией, мощные японские укрепленные линии, созданные по рекам Амур, Уссури и Большому Хинганскому хребту, были повсюду прорваны, а там, где японцы продолжали упорно сопротивляться, они были обойдены, блокированы и взяты в кольцо. Стремительные действия всех родов сухопутных войск, авиации и кораблей Военно-морского флота сорвали японские планы применения бактериологического оружия⁷.

Большую помощь советским войскам на сунгарийском, сахалинском и приморском (северо-корейском) операционных направлениях оказали моряки Амурской военной флотилии и Тихоокеанского флота. Амурская военная флотилия в составе трех бригад речных кораблей, поддерживая наступление 15-й и 2-й Краснознаменной армий 2-го Дальневосточного фронта, обеспечила переправу войск через водные рубежи, оказала им артиллерийскую поддержку и высадила несколько тактических десантов. Командующий войсками фронта генерал М. А. Пуркаев дал высокую оценку действиям Амурской военной флотилии.

На приморском направлении наступление войск 1-го Дальневосточного фронта с моря поддерживал Тихоокеанский флот, который в ходе первого этапа Маньчжурской стратегической наступательной операции с помощью морских десантов овладел японскими портами Юки и Расин и приступил к захвату Сейсина — крупной военно-морской базы в Корее, существенно ограничив возможности противника эвакуировать свои войска морем.

Высокое боевое мастерство и смелость проявили в боях соединения и части монгольской Народно-революционной армии, сражавшиеся бок о бок с советскими войсками. Танкисты полковника Нянтайсурэна, кавалеристы генерал-майора Доржпалама, полковников Одсурэна, Доржа и Цэдендаша успешно преследовали отходившего противника и на его плечах врвались в укрепленные опорные пункты и города.

В период с 12 по 14 августа в районах Чжанбэй, Таоань, Муданьцзян и на других участках фронта японские войска пытались предпринять ряд контратак с целью задержать наступление советских армий, обеспечить отвод своих основных сил на рубежи обороны, подготовленные в глубине Маньчжурии, и тем самым избежать их окружения. В тылу советских войск продолжали действовать многочисленные диверсионные группы врага. Однако эти

контратаки противника обычно не имели успеха, а диверсионные группы вылавливались и уничтожались. Советские же войска на всех направлениях неуклонно продвигались вперед на плечах отступавшего противника.

Быстрота и практически одновременный выход советских и монгольских войск на всех направлениях на Маньчжурскую равнину сорвали планы японского командования на длительную оборону и переход в контрнаступление. Видя безнадежное положение своих вооруженных сил в Маньчжурии, японское правительство 14 августа приняло решение о капитуляции на условиях Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. и уведомило об этом правительства США, СССР и Англии. Одновременно с заявлением японского правительства штаб Квантунской группировки 14 августа обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, но ни словом не обмолвился о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска продолжали сопротивление и не складывали оружия.

Верить слову японского правительства было трудно. Ведь еще 10 августа, когда в Токио решили обратиться к СССР, США, Англии и Китаю с заявлением о готовности принять условия Декларации, по свидетельству активного участника войны, а впоследствии японского военного историка Т. Хаттори, императорская ставка приказала главнокомандующему Квантунской группировкой войск «сосредоточить основные усилия против Советского Союза и разбить противника». И на этот раз, приняв решение о капитуляции, японское руководство предложило Квантунской группировке усилить сопротивление Красной армии, прекратив, однако, военные действия против американско-английских войск. Вечером 14 августа командование Квантунской группировки войск получило телеграмму с приказом генерального штаба японской армии уничтожить знамена, портреты императора, важные секретные документы. Приказа прекратить сопротивление так и не последовало⁸.

В связи с этим Генеральный штаб Красной армии выступил со специальным разъяснением, в котором подчеркивалось:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление.

2. Ввиду изложенного Вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии»⁹.

Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский 17 августа в радиোগрамме главнокомандующему войсками Квантунской группировки предложил «с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен... Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия»¹⁰. В радиোগрамме разъяснялось, что указанный выше срок давался для того, чтобы штаб Квантунской группировки мог довести приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск.

На втором этапе Маньчжурской стратегической наступательной операции (15–20 августа) был завершен разгром основных сил Квантунской группировки противника, освобождены важнейшие политические и экономические центры региона. Наступление Красной армии в Маньчжурии развивалось настолько стремительно, что противник оказался не в силах сдержать натиск советских войск. В течение недели общевойсковые объединения Красной армии при активной поддержке военно-воздушных и военно-морских сил смогли завершить расчленение и разгром стратегической группировки японских войск в Маньчжурии и Северной Корее и 20 августа заставить ее сложить оружие. Началась массовая капитуляция японских войск. Очаговое сопротивление некоторых гарнизонов противника, порой ожесточенное, уже не могло существенно повлиять на ситуацию в пределах континентальной части Дальневосточного ТВД.

Прорыв основных сил Забайкальского фронта на Центрально-Маньчжурскую равнину позволил советскому командованию 15 августа поставить войскам фронта новые задачи,

выполняя которые, советские войска к исходу 17 августа вышли на фронт Чжанбэй — Долоннор — Чифын — Кайлу — Тунляо — Кайтун — Чжаланьгун — Бухэду. Советско-монгольская конно-механизированная группа 15 августа продвинулась до 80 км. Ее передовые части вступили в Чжанбэй, где встретили упорное сопротивление пехоты и танков противника, поддержанных авиацией. В результате упорных трехдневных боев соединения конно-механизированной группы 17 августа полностью заняли Чжанбэй и завязали бои на подступах к Калгану. В районе Калгана и Чэндэ (Жэхэ) советские войска вошли в соприкосновение и организовали взаимодействие с войсками Народно-революционной армии Китая. Успешно наступала и 17-я армия. Только за 15 и 16 августа ее части преодолели расстояние до 90 км и заняли 16 августа Уданьчэн и 17 августа — Чифын.

6-я гвардейская танковая армия, не встречая организованного сопротивления со стороны отходивших частей 63-й, 117-й пехотных дивизий и кавалерийских частей Маньчжоу-Го, продвинулась в течение 16 и 17 августа на глубину 150—170 км. В полосе действий армии, как и на всем Хингане, прошли двухдневные ливневые дожди: дороги оказались размытыми, реки сильно разлились. Так, р. Ляохэ разлилась на 500 м, а уровень воды в ней повысился на 2 м. Многие мосты были снесены водой. Непролазная грязь на дорогах и бурные речные потоки крайне затрудняли движение войск. Сильно увеличился расход горючего, а тылы армии по-прежнему не справлялись с его подвозом и продолжали прибегать к помощи транспортной авиации. Соединения танковой армии вынуждены были искать обходные пути, уцелевшие переправы и отклоняться от заданных направлений. Чтобы не допустить снижения темпов наступления, некоторым частям пришлось продвигаться по полотну железной дороги.

39-я армия на правом фланге 16 августа заняла Таоань, а на левом фланге (в гористом районе восточнее Учагоу) вела упорные бои с частями 107-й пехотной дивизии, которая 9 августа получила приказ главнокомандующего Квантунской группировкой войск об отходе с боями к Чанчуню. Однако отойти ей не удалось, поскольку 12 августа подвижные соединения и части 39-й армии (а затем и стрелковые соединения), совершив глубокий обход с юга, перерезали шоссейную и железную дороги в районе северо-западнее Солуни. 13 августа они овладели Солунью, Ванемяо и вынудили части 107-й пехотной дивизии отходить не к Чанчуню, а на север, в горы, в общем направлении к Цицикару и далее на восток.

Противник, отступая, взорвал все мосты, а местами и пути на участке железной дороги Халун-Аршань — Солунь — Ванемяо. Это, а также необходимость перешкивки колеи маньчжурских железных дорог на союзную затрудняли подвоз и материальное обеспечение быстро продвигавшихся войск 39-й и 6-й гвардейской танковой армий.

36-я армия в районе Хайлара частью сил продолжала наносить поражение отдельным гарнизонам противника, засевшим в долговременных сооружениях Хайларского укрепленного района, а основными силами преодолела хребет Большой Хинган и 17 августа овладела городами Чаланьгунь, Ялу, Бухэду.

В результате стремительного продвижения соединений 6-й гвардейской танковой армии между правым флангом 17-й армии и левым флангом 39-й армии образовался разрыв протяженностью до 400 км, в который была введена из второго эшелона фронта 53-я армия. Ее соединения, продвигаясь за 6-й гвардейской танковой армией, преодолели хребет Большой Хинган и к исходу 17 августа находились в 80—90 км от Линьдуна и ставки местного князя — Арухорчин.

К 19—20 августа 1945 г. войска Забайкальского фронта, преодолев безводную пустыню и горно-таежную полосу, овладели Калганским и Хайларским укрепленными районами. Под прикрытием и при активном содействии 12-й воздушной армии под командованием маршала авиации С. А. Худякова и Забайкальской армии ПВО, которой командовал генерал П. Ф. Рожков, сухопутные войска продвинулись на 360—600 км. В районе Калгана и Жэхэ советские войска вошли в соприкосновение и организовали взаимодействие с частями Народно-революционной армии Китая.

Советско-монгольская конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева вышла в район Чжанбэй — Жэхэ; 17-я армия генерала А. И. Данилова — в район Чифына; 6-я

Продвижение советских войск вглубь Маньчжурии

гвардейская танковая армия генерала А. Г. Кравченко — в район Чанчунь — Мукден; 39-я армия генерала И. И. Людникова — в район Кайтуна; 36-я армия генерала А. А. Лучинского овладела городами Маомаоци и Цицикар¹¹.

Успешно вели наступательные действия силы 2-го Дальневосточного фронта. Японские войска, действовавшие перед ним, с выходом на их тылы сил Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов, стремясь избежать окружения, 15 и 16 августа начали отходить в общем направлении на Харбин.

Соединения и части 2-й Краснознаменной армии в течение 15–17 августа завершили окружение группировки противника в районе Сунью. К исходу 17 августа после упорного боя они разгромили и принудили капитулировать 123-ю пехотную дивизию, которая с частями усиления насчитывала до 20 тыс. солдат и офицеров. 17 августа армия овладела районом Кэлочжань и г. Сычжань. На бэйаньчжэньском направлении войска армии 19 августа вступили в Луньчжэнь.

Наступление 15-й армии вдоль р. Сунгари затруднялось распутицей. По-прежнему большую помощь сухопутным войскам оказывала Амурская военная флотилия. 17 августа армия овладела большим городом и крупным речным портом Цзямусы, а к исходу 19 августа разгромила 134-ю пехотную дивизию и овладела г. Саньсин, захватив большие трофеи. Как и на забайкальском и приморском направлениях, противник здесь продолжал отходить под ударами войск 2-го Дальневосточного фронта. Оказывая сопротивление, он разрушал мосты, переправы, поджигал города и другие населенные пункты. Но и на сунгарийском направлении остановить наступление советских войск враг уже не мог.

За период боевых действий с 15 по 19 августа войска 2-го Дальневосточного фронта, преодолев горно-таежную и крайне заболоченную местность, продвинулись на цицикарском направлении на 100–150 км, а на сунгарийском — до 300 км, нанеся серьезное поражение противнику. 2-я Краснознаменная армия генерала М. Ф. Терехина вышла в район Кэлочжань — Луньчжэнь, 15-я армия генерала С. К. Мамонова — в район Саньсина, а 5-й отдельный стрелковый корпус генерала И. З. Пашкова — в район Боли. В ходе боевых действий войскам фронта оказывали помощь 10-я воздушная армия генерала П. Ф. Жигарева и Приамурская армия ПВО под командованием генерала Я. К. Полякова. Успешно взаимодействовала с войсками фронта в ходе операции Амурская военная флотилия под командованием контр-адмирала Н. В. Антонова¹².

Успех наступления во многом зависел от умелого взаимодействия войск смежных фронтов. Так, 4-я армия противника в первые же дни операции попала под удар войск смежных флангов Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов, была сильно потрепана и вынуждена отойти в направлении Харбина, где к началу второй декады наступления советских войск капитулировала¹³.

Войска 1-го Дальневосточного фронта продолжали 15–16 августа развивать наступление на всех направлениях, за исключением района Муданьцзяна, где противник оказал наиболее упорное сопротивление. Город был сильно укреплен, на подступах к нему японцы возвели железобетонные доты. Муданьцзян — крупный узел железных и шоссейных дорог, административный и политический центр Маньчжурии — прикрывал направление на Харбин. Здесь находились штаб 1-го японского фронта и большое количество соединений и частей Квантунской группировки войск.

Соединения и части 35-й армии, подтянув артиллерию и тылы, с утра 14 августа продолжили наступление. 66-я стрелковая дивизия получила задачу наступать через хребет Кэнтэй-Алин и овладеть г. Боли — важным опорным пунктом и узлом дорог на харбинском направлении. 363-я стрелковая дивизия должна была наступать в направлении Цзиси и Линькоу и очистить от противника северный берег р. Мулинхэ, а 264-я стрелковая дивизия — сосредоточиться в районе Мишань. Подвижный отряд армии в составе танкового батальона, отдельного самоходно-артиллерийского дивизиона, истребительно-противотанкового артиллерийского полка и одного стрелкового батальона в 10 часов 15 августа выступил из Дунань с задачей с ходу ворваться в Боли. К исходу 15 августа, пройдя около 75–80 км, отряд встретил

Артиллеристы в боях за Мукден

Население Маньчжурии встречает советских военнослужащих

Советские бойцы-гвардейцы у здания железнодорожного вокзала в Харбине

на перевале через хребет Кэнтэй-Алин организованное сопротивление неприятеля силой до батальона пехоты с двумя-тремя батареями артиллерии. Подступы к перевалу японцы заминировали, а сама местность не позволяла развернуть и эффективно использовать все силы подвижного отряда. Бой длился в течение всей ночи на 16 августа. Противник успешно использовал чрезвычайно выгодную для обороны местность, несколько раз переходил в контратаки, доходившие до рукопашных схваток. Только к рассвету 16 августа подвижный отряд сломил сопротивление и овладел перевалом.

66-я стрелковая дивизия, наступавшая за подвижным отрядом, к исходу 15 августа продвинулась до 45 км и находилась в 18 км от перевала. 363-я стрелковая дивизия к этому времени вышла в район Дунань. Части 108-го полевого укрепленного района очищали район Хулинь от диверсионных групп противника. В Хутоуском узле сопротивления неприятель вел ожесточенный бой. Одна из высот, находившихся в районе этого узла, в течение 15 августа девять раз переходила из рук в руки.

К исходу 16 августа подвижный отряд армии с боями подошел к Боли и с ходу открыл артиллерийский огонь по выходам из города на запад. Навстречу советским войскам выехал с белым флагом командир 1-й пехотной дивизии армии Маньчжоу-Го и принял требование о безоговорочной капитуляции. Подвижный отряд вступил в город. Главные силы 66-й стрелковой дивизии к этому времени достигли перевала через хребет Кэнтэй-Алин (50 км северо-восточнее Боли). 363-я стрелковая дивизия находилась в 32 км юго-западнее Дунаня. 264-я стрелковая дивизия выводилась в резерв фронта в район Имана.

Таким образом, к исходу 16 августа соединения и части 35-й армии, надежно обеспечивая правый фланг главной группировки войск фронта, передовыми частями овладели г. Боли. С выходом 35-й армии в район Боли войска противника, отходившие перед 2-м Дальневосточным фронтом на юг, были отрезаны от его муданьцзянской группировки. Рокадную железную дорогу Цзямусы — Муданьцзян наши войска перерезали, и соединения 4-й отдельной армии противника теперь могли отходить только на Харбин.

Более серьезной оказалась обстановка в полосах наступления 1-й Краснознаменной и 5-й армий, которые вели наступление на Муданьцзян с северо-востока и востока. В течение 14–15 августа передовые части 26-го стрелкового корпуса 1-й Краснознаменной армии вели тяжелые бои на северо-восточных подступах к городу. Им пришлось отражать непрерывные контратаки крупных сил пехоты, танков противника и внезапные нападения сотен японских смертников. 15 августа японцы контратаками выбили передовые части корпуса из Муданьцзяна, наши войска отошли на восточный берег р. Муданьцзян, в район 5 км севернее станции Эхо. К исходу дня 22-я стрелковая дивизия этого корпуса форсировала главными силами р. Муданьцзян в 7 км севернее города, а 300-я стрелковая дивизия с 257-й танковой бригадой вышли на восточный берег реки в районе 5 км севернее станции Эхо.

Соединения и части 5-й армии в этот день вели бои за расширение фронта прорыва и наступали на г. Муданьцзян с востока. К исходу 15 августа главные силы армии преодолели хребет Лаозэлин и, спустившись в долину р. Муданьцзян, подошли к городу в районе станции Эхо. Тем самым армия получила возможность развивать наступление в юго-западном направлении на Нинань, Дуньхуа, Гирин. Войска 1-го фронта Квантунской группировки оказались рассеченными, а 5-я японская армия — изолированной от 3-й армии.

Выход части сил 1-й Краснознаменной армии на западный берег р. Муданьцзян позволял им во взаимодействии с 5-й армией овладеть городом путем одновременного нанесения ударов с трех направлений. 16 августа после перегруппировки войска 1-го Дальневосточного фронта при активной поддержке авиации нанесли совместный удар по муданьцзянской группировке противника. В 6 часов стрелковые части, форсировав реку, заняли исходное положение в 5 км севернее Муданьцзяна, а вскоре перешли в наступление. К 9 часам ими и танкистами 77-й бригады был взят г. Эхэ — пригород Муданьцзяна, а к 17 часам 16 августа соединениям и частям 5-й и 1-й Краснознаменной армий удалось очистить от противника весь город.

В боях за Муданьцзян были уничтожены основные силы 5-й японской армии. Захваченный в плен командующий этой армией трехзвездный генерал Н. Симидзу растерянно заявил: «Мы не ожидали, что русская армия пройдет через тайгу, и наступление внушительных сил русских со стороны труднодоступных районов казалось для нас совершенно невозможным. Потери 5-й армии составили более 40 тыс., т. е. около 2/3 ее состава. Оказывать дальнейшее сопротивление армия не могла. Как бы мы ни укрепляли Муданьцзян, отстоять его не представлялось возможным»¹⁴.

К исходу 16 августа войска 1-го Дальневосточного фронта продвинулись в глубину Маньчжурии и Северной Кореи на 150–250 км. В ходе боев с 9 по 16 августа они полностью разгромили 5-ю японскую армию (124, 126 и 135-я пехотные дивизии)¹⁵, нанесли большие потери 3-й японской армии (79, 112 и 127-я пехотные дивизии), а также 122-й и 128-й пехотным дивизиям, 132-й пехотной бригаде и 1-й моторизованной бригаде смертников, входившим в резерв 1-го фронта Квантунской группировки войск. 1-я пехотная дивизия Маньчжоу-Го была разоружена и пленена в районе Боли. 22-я пехотная бригада этой же армии понесла большие потери, была отброшена в заболоченный район к северу от р. Мулинхэ и вследствие этого в дальнейшем не могла принять участия в боевых действиях.

Остатки японских войск, разбитых под Муданьцзяном, стали отходить на запад и юго-запад. Однако к исходу 19 августа войска 1-го Дальневосточного фронта под прикрытием и при активном содействии 9-й воздушной армии генерала И. М. Соколова и Приморской армии ПВО под командованием генерала А. В. Герасимова, прорвав подготовленные в глубине обороны противника рубежи, нанесли сокрушительное поражение 1-му и 17-му фронтам японских войск и, преодолев резко пересеченную горно-таежную местность, вышли в намеченные районы: 35-я армия генерала Н. Д. Захватаева — Линькоу, 1-я Краснознаменная армия генерала А. П. Белобородова — Вэйхэ, 5-я армия генерала Н. И. Крылова — Эму, 10-й механизированный корпус генерала И. Д. Васильева — Дуньхау, 25-я армия генерала И. М. Чистякова — Яньцзы и Ранан (Корея).

Сопротивление японских войск было окончательно сломлено. Видя бесперспективность дальнейшего противостояния, главнокомандующий Квантунской группировкой четырехзвездный генерал О. Ямада вынужден был 17 августа отдать приказ о прекращении боевых действий и сдаче оружия Красной армии. В 17 часов была принята радиограмма японского главнокомандующего о том, что им отдан приказ войскам о немедленном прекращении военных действий и сдаче оружия советским войскам. В 18 часов 05 минут был перехвачен переданный по радио японским войскам упомянутый приказ. В 19 часов 05 минут в распоряжение войск 1-го Дальневосточного фронта с японского самолета были сброшены два вымпела с обращением штаба 1-го фронта Квантунской группировки и отряда № 14/48 о прекращении военных действий.

Таким образом, японское главнокомандование и штабы не скупилась на заявления о готовности прекратить военные действия, однако японские войска 17, 18 и 19 августа на многих участках фронта еще продолжали оказывать сопротивление. Лишь в районе Боли и перевала Тайпинлин части противника начали сдаваться в плен.

Одновременно с разоружением и приемом капитулировавших войск Квантунской группировки Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты вынуждены были продолжать освобождение от японских захватчиков Маньчжурии и Северной Кореи. Многие японские части и соединения все еще оказывали сопротивление, поэтому советские войска, не снижая темпов наступления, продвигались вперед, стремясь не допустить уничтожения противником важнейших объектов и ценного оборудования, а также вывоза их в метрополию.

В 10 часов утра 18 августа главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский отдал командующим Забайкальским и 1-м Дальневосточным фронтами приказ следующего содержания: «В связи с тем что сопротивление японцев сломлено, а тяжелое состояние дорог сильно препятствует быстрому продвижению главных сил наших войск при выполнении поставленных задач, необходимо для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гирин и Харбин перейти к действиям специально сформиро-

Японские военнопленные, захваченные в ходе боев в Маньчжурии

ванных, быстроподвижных и хорошо оснащенных отрядов. Эти же отряды или подобные им использовать и для решения последующих задач, не боясь резкого отрыва их от своих главных сил»¹⁶.

Противник в тот день, прикрываясь небольшими отрядами, в основном продолжал отходить в глубину Маньчжурии, но на ряде участков фронта японские войска с утра приступили к выполнению требований советского командования о капитуляции. Так было в полосе действий 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта, где соединения и части 3-й и частично 5-й японских армий начали складывать оружие и сдаваться в плен. Учитывая это, Ставка Верховного главнокомандования приказала: «На тех участках, где японские войска складывают оружие и сдаются в плен, боевые действия прекратить». В 22 часа 45 минут главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке довел до войск эту директиву Ставки ВГК и потребовал от командующих фронтами организовать подвижные отряды и воздушные десанты для захвата важных городов, пунктов, баз, железнодорожных эшелонов и линий. Директива разрешала командирам дивизий и бригад самостоятельно, в пределах своих разграничительных линий, устанавливать порядок приема и разоружения войск противника.

Чтобы ускорить освобождение Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи, быстро разоружить капитулировавшие войска противника, предотвратить возможные разрушения промышленных предприятий и других важных объектов, а также не допустить вывоза и уничтожения материальных ценностей, все армии получили конкретные указания о формировании небольших, но хорошо обеспеченных боеприпасами и горючим сильных подвижных отрядов. Эти отряды состояли из стрелковых подразделений, посаженных на автомашины, танковых рот и батальонов, дивизионов самоходной артиллерии, истребительно-противотанковых артиллерийских батарей и дивизионной артиллерии на механической тяге. Для организации управления в занятых городах и населенных пунктах в состав каждого из таких отрядов включалось необходимое число специально выделенных офицеров. Связь с отрядами поддерживалась по радио и самолетами.

Выполняя поставленные задачи, передовые отряды, а за ними и главные силы армий 19 августа быстро продвигались вперед на всех направлениях: войска Забайкальского фронта заняли города Жэхэ (Чэндэ), Синьминь, Ляоюань и Цицикар; войска 2-го Дальневосточного фронта овладели крупным речным портом Саньсин, а войска 1-го Дальневосточного фронта — городами Вэхэ и Яньцзи.

Неприятель на большей части территорий Маньчжурии и Северной Кореи прекратил сопротивление. Началась массовая сдача в плен соединений и частей Квантунской группировки войск. Войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и Тихоокеанского флота начали разоружение и прием капитулировавших войск противника. В городах назначались советские коменданты, восстанавливался порядок.

Авиация принимала активное участие в разгроме Квантунской группировки войск. В первые же часы 9 августа, когда войска фронтов приступили к боевым действиям, 76 самолетов 19-го бомбардировочного авиакорпуса 9-й воздушной армии подвергли ударам военные объекты в Чанчуне и Харбине. На рассвете включились в борьбу другие авиационные объединения, соединения и части.

Большую помощь оказывала авиация войскам фронтов при прорыве обороны противника. На поддержку наступавших войск и удары по укрепленным районам соединения 9-й и 10-й воздушных армий затратили соответственно 76% и 78% всех самолето-вылетов, произведенных бомбардировочной и штурмовой авиацией. Налеты на укрепленные районы совершались как крупными группами самолетов (90–100 в каждой), так и небольшими подразделениями. Наиболее эффективны были сосредоточенные и массированные удары, которые не только причиняли врагу значительный урон в живой силе и боевой технике, но и подавляли его морально. При активной поддержке авиации советские войска овладели Хутоуским, Дуннинским и многими другими укрепленными районами. После овладения Дуннинским укрепленным районом в результате осмотра местности было установлено, что бомбами крупных ка-

Летчики-штурмовики уточняют боевое задание

либров советские летчики разрушили четыре дота, два дзота, взорвали склад боеприпасов, уничтожили 130 вражеских солдат и офицеров¹⁷.

Чтобы парализовать работу коммуникаций, нарушить управление войсками, посеять панику в тылу противника и подавить его авиацию на аэродромах, летчики воздушных армий нанесли бомбовые удары по железнодорожным узлам, военным предприятиям и аэродромам в Халун-Аршане, Хайларе, Цицикаре, Солуне, Харбине, Чанчуне, Гирине, Мукдене, а также по плавсредствам на р. Сунгари. Несмотря на дождь и туман, они в первый день боевых действий совершили до 2 тыс. самолето-вылетов и причинили врагу большой урон.

Наносившиеся в течение пяти суток по железнодорожным объектам противника удары советской авиации парализовали их работу. Японское командование не смогло вовремя подтянуть резервы с Маньчжурской равнины, где находилось две трети сил Квантунской группировки войск, и занять перевалы через Большой Хинган. Оно не сумело также вывести войска из-под ударов советских подвижных соединений, организовать эвакуацию материальных средств из приграничной зоны. Районы прорыва обороны оказались изолированными от притока свежих сил противника. Всего в борьбе с железнодорожными перевозками и для уничтожения вражеских резервов советские ВВС совершили 1782 самолето-вылета, что составило 12,3% всех произведенных в операции боевых вылетов¹⁸.

Авиация противника почти не проявляла активности. Стремясь уберечь свои военно-воздушные силы от полного разгрома, сохранить их для обороны метрополии, японское командование перебазировало авиачасти на аэродромы Японии и Южной Кореи. Поэтому советская авиация безраздельно господствовала в воздухе и активно содействовала осуществлению наступательной операции сухопутных войск.

Неясность обстановки, сложившейся в начале операции, отсутствие точных данных о противнике потребовали привлечения крупных сил советской авиации для ведения воздушной разведки. Для этого использовались не только самолеты-разведчики, но и бомбардировщики, штурмовики и истребители. В среднем на ведение разведки ежедневно совершалось до 30% всех самолето-вылетов. Так, 12-я воздушная армия затратила на разведку 33% всех

произведенных боевых вылетов, 10-я — 27%, 9-я — 21%. Разведка осуществлялась на широком фронте и на большую глубину. Например, самолеты-разведчики 12-й воздушной армии действовали в полосе шириной более 1500 км и на глубину 600—700 км. Разведывательные данные немедленно передавались с борта самолета по радио, что давало возможность советскому командованию своевременно реагировать на все изменения обстановки, принимать обоснованные решения¹⁹.

Значительный интерес представляют действия советской авиации по обеспечению наступления 6-й гвардейской танковой армии. Она надежно поддерживала подвижные соединения с воздуха, уничтожая живую силу и боевую технику противника на поле боя, вела борьбу с его подходящими резервами, осуществляла воздушную разведку. Когда танковая армия, стремительно наступая, вышла на Маньчжурскую равнину и оторвалась от своих баз снабжения на 450 км, для подвоза ей горючего и боеприпасов были выделены две транспортные авиадивизии 12-й воздушной армии (54-я и 21-я гвардейская). Летчикам пришлось действовать в сложных метеоусловиях, при отсутствии аэродромов и посадочных площадок в горных районах. Несмотря на все трудности, они ежедневно совершали 160—170 самолето-вылетов и за 10—22 августа доставили танкистам из Тамцаг-Булака в районы боевых действий 940 тонн горючего и смазочных материалов. Получив вовремя все необходимое, танковая армия продолжила успешное наступление на Мукден и Чанчунь. В других воздушных армиях для доставки по воздуху боевых и материальных средств использовались транспортные самолеты эскадрилий связи. Всего в течение Дальневосточной кампании они произвели 3483 самолето-вылета и перевезли более 4800 тонн горючего, боеприпасов и других грузов²⁰.

На заключительном этапе Дальневосточной кампании советское командование поставило задачу как можно быстрее овладеть стратегическими центрами и военными объектами в глубоком тылу противника с тем, чтобы обеспечить разоружение японских гарнизонов и не допустить уничтожения материальных ценностей. С этой целью с 18 по 27 августа были высажены посадочным способом многочисленные воздушные десанты в Маньчжурии, Северной Корее, а также на островах Сахалин и Итуруп.

Десантные отряды, выделявшиеся в основном из состава 6-й гвардейской танковой армии и Тихоокеанского флота, захватывали и удерживали аэродромы, железнодорожные узлы и мосты, а также другие важные объекты, участвовали в разоружении японских гарнизонов. С 17 по 27 августа в девятнадцать городах были выброшены воздушные десанты силой от 35 до 300 человек. 17 августа на харбинском аэродроме высадился первый воздушный десант (120 человек); 19 августа — в городах Ляоюань (разведрота), Чанчунь (200 человек), Мукден (225 человек), Харбин (158 человек), Гирин (200 человек); 20 августа — в Харбине, где находился штаб Квантунской группировки войск, дополнительно было высажено 213 человек; 22 августа — в Порт-Артуре (200 человек) и Дайрэне (250 человек); 23 августа — в Яньцзи (238 человек); 24 августа — в Тойохаре, Отиае, Сакаэхаме и Отомари на Южном Сахалине (по 35 человек), Хэйдзио (166 человек) и Канко (134 человека). Кроме того, воздушный десант был высажен 27 августа на острове Итуруп Курильской гряды²¹.

Высадка воздушных десантов на аэродромы Харбина, Гирина, Чанчуна, Мукдена, Дайрэна и Порт-Артура была сопряжена с большим риском, поскольку в этих городах находились крупные вражеские гарнизоны. Для разведки, сопровождения транспортных самолетов, их прикрытия и подавления средств ПВО противника выделялась истребительная и штурмовая авиация. Над районом высадки десантов патрулировали группы истребителей и бомбардировщиков, которые в любую минуту могли оказать поддержку десантным отрядам. Вместе с десантами высаживались авиационные представители с радиосредствами. Они постоянно держали связь с командующими воздушными армиями и своими дивизиями и при необходимости могли вызвать боевые самолеты для поддержки десантников.

Воздушные десанты сыграли большую роль в завершении разгрома Квантунской группировки войск. Захват важных административно-политических и промышленных центров Маньчжурии передовыми отрядами сухопутных войск и воздушными десантами оконча-

тельно дезорганизовал управление войсками противника. Всего для десантирования войск летчики транспортной авиации совершили 1644 самолето-вылета и перевезли в тыл врага 16 497 человек с легким стрелковым вооружением²².

В целом ВВС вместе с авиацией Тихоокеанского флота совершили более 22 тыс. самолето-вылетов²³, нанесли врагу огромный урон в живой силе и боевой технике. Авиация являлась мощным, самым дальнобойным и наиболее маневренным средством вооруженной борьбы, оказавшим существенное влияние на ход и в конечном счете — исход военных действий против миллионной группировки противника, внося тем самым большой вклад в победу над милитаристской Японией.

В войне против Японии советские авиаторы показали образцы мужества и высокого боевого мастерства. Талантливыми организаторами боевых действий авиации являлись: командующий ВВС Красной армии А. А. Новиков, командующие воздушными армиями П. Ф. Жигарев, И. М. Соколов и С. А. Худяков, начальники штабов Н. П. Дагаев, С. А. Лаврик, Н. Г. Селезнев, А. В. Степанов, командиры соединений И. М. Горский, А. А. Ерохин, М. Н. Калинушкин, В. Х. Макаров, И. П. Скок, В. А. Ушаков, К. Т. Цедрик, В. А. Шелкин и многие другие. Родина высоко оценила подвиги своих соколов. Многие авиаторы были награждены боевыми орденами, а наиболее отличившимся присвоены звания Героя Советского Союза.

Танковые войска также сыграли значительную роль в достижении быстрого разгрома Квантунской группировки противника. Важнейшей особенностью боевого применения танковых войск Забайкальского фронта было использование всех соединений и частей (кроме одной танковой дивизии и одной танковой бригады) в первом эшелоне или в качестве передовых отрядов. Это обуславливалось тем, что в полосе наступления войск фронта противник не имел подготовленной обороны и крупных группировок сил, а также стремлением советского командования, используя высокую подвижность танковых войск, упредить врага в захвате горных перевалов Большого Хингана.

6-й гвардейской танковой армии, действовавшей в первом эшелоне оперативного построения войск фронта, предстояло нанести стремительный удар по противнику из района Тамцаг-Булака в общем направлении на Лобэй, преодолеть считавшийся неприступным Большой Хинган и не позднее пятого дня операции овладеть рубежом Лобэй — Туцюань (глубина 350 км). В дальнейшем, развивая наступление, ее главные силы должны были выйти на рубеж Мукден — Чанчунь на глубину фронтовой операции (800 км). После этого армию предполагалось использовать для стремительного выхода на Ляодунский полуостров и овладения портами Дайрэн и Порт-Артур. Общая глубина задачи армии составляла более 1 тыс. км. Средний темп наступления планировался в пределах 80–100 км в сутки²⁴.

Гвардейской армии предстояло вести боевые действия по двум изолированным направлениям, удаленным друг от друга на 70–80 км. Ее главная группировка была создана на правом фланге, где в первом эшелоне наступал 9-й гвардейский механизированный корпус, а во втором — 5-й гвардейский танковый корпус; 7-й механизированный корпус должен был наступать на левом фланге. Мехкорпуса усиливались мотострелковой дивизией, самоходно-артиллерийской бригадой, двумя отдельными танковыми батальонами каждый. Всего в корпусе имелось 19 батальонов мотопехоты, до 400 танков и САУ и около 450 орудий и минометов.

61-я танковая дивизия и все отдельные танковые бригады и полки также действовали впереди общевойсковых соединений, составляя их подвижные передовые отряды. 111-я танковая дивизия и 201-я танковая бригада оставались в резерве командующего войсками Забайкальского фронта в готовности развить успех 36-й или 39-й армий²⁵.

Такое применение танковых войск Забайкальского фронта полностью отвечало требованиям Ставки ВГК построить операцию на внезапности удара и использовании одного из главных преимуществ — подвижности войск, в первую очередь 6-й гвардейской танковой армии, для быстрого продвижения вперед, рассеяния и уничтожения группировки противника.

Наступление войск 6-й гвардейской танковой армии сразу же приняло стремительный характер. Главные силы корпусов продвигались преимущественно в колоннах, без развертывания в боевые порядки. Это достигалось за счет сильных передовых отрядов, которые успешно преодолевали сопротивление мелких групп противника и обеспечивали беспрепятственное продвижение главных сил.

По указанию командующего армией генерала А. Г. Кравченко части механизированных корпусов были перестроены из двух колонн в бригадные и даже батальонные, что более соответствовало условиям местности. В результате войска армии вместо двух колонн, предусмотренных планом операции, могли двигаться по 6–8 параллельным маршрутам в полосе шириной 15–20 км.

К исходу первых суток войска армии по бездорожью, преодолевая солончаки и песчаные барханы, продвинулись на 120–150 км и главными силами вышли в район обозначенного на картах населенного пункта Баян-Хошун-Сумэ. Здесь движение войск было остановлено: ощущалась сильная усталость людей. Однако поиск какого-либо жилья ни к чему не привел: обнаружены были лишь поросшие степной растительностью развалины. Не удалось найти и источников воды. Впереди лежало большое солончаковое плато, совершенно непроходимое для машин любой категории, поэтому вместо отдыха и осмотра материальной части в ночь на 10 августа пришлось искать пути обхода солончаков и уточнять маршруты дальнейшего движения. С рассветом войска двинулись к хребту Большого Хингана и уже к середине дня достигли его, выполнив задачу третьего дня операции.

Преодоление Большого Хингана стало одной из сложнейших задач, решавшихся гвардейцами-танкистами в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции. Протяженность горного хребта Большого Хингана достигает 1200 км, ширина — 250–400 км, высота — 1700 м. Хребет покрыт густым, непроходимым лесом, на его вершинах вечные льды, он весь изрезан глубокими ущельями. Эти препятствия, а также имеющиеся на этом горном массиве верховые болота, крутые подъемы и спуски, узкие дороги, многочисленные повороты создавали значительные трудности для продвижения войск, требовали проведения специальных работ саперными подразделениями и частями. Со всеми этими задачами танкисты успешно справились.

В связи с высокими темпами продвижения 6-й гвардейской танковой армии командующий войсками Забайкальского фронта в середине дня 10 августа изменил сроки выполнения армией ближайшей задачи, приказав ей выйти на рубеж Лобэй — Тушоань к исходу 12 августа. Во исполнение этого приказа командующий армией в первый эшелон выдвинул 5-й гвардейский танковый корпус, который получил задачу преодолеть хребет через перевалы Корохон и Цаган-Дабо и, действуя по долине р. Судгин-Гол, к исходу 11 августа овладеть г. Лобэй. 9-й гвардейский механизированный корпус должен был преодолеть горный хребет по долинам рек Хорэн-Гол и Талыр и к исходу 11 августа выйти в район г. Лобэй.

Такое решение командующего танковой армией объяснялось тем, что 5-й гвардейский танковый корпус имел на вооружении танки Т-34, обладавшие лучшей проходимостью в условиях горных дорог, чем танки «шерман» механизированного корпуса. Кроме того, в 9-м гвардейском механизированном корпусе остро ощущался недостаток топлива.

К исходу 10 августа главные силы 5-го гвардейского танкового и 9-го гвардейского механизированного корпусов втянулись колоннами в предгорья хребта Большой Хинган. Для обеспечения продвижения войск вслед за передовым отрядом 5-го гвардейского танкового корпуса командующий армией генерал А. Г. Кравченко приказал вывести вперед в полном составе армейской саперную бригаду, которая к утру 11 августа должна была обеспечить пути движения на перевалах Корохон и Цаган-Дабо.

В значительной степени успешному форсированию хребта способствовали своевременная разведка направлений, напряженная работа специальных войск и особенно инженерных частей. Так, разведывательный отряд в составе 14-го мотоциклетного батальона 9-го гвардейского механизированного корпуса при преодолении хребта Большой Хинган обнаружил непроходимый участок дороги. Высланные боковые дозоры своевременно разведали обход

Танкисты преодолевают хребет Большой Хинган

этого участка, что позволило корпусу беспрепятственно продолжать движение. Разведка также способствовала уверенному вождению колонн в горной местности. Трудно было ориентироваться в горах, тем более что топографические карты этого района оказались устаревшими и неточными. Без основательной разведки маршрутов войска, двигавшиеся по долинам горных рек, попадали в тупики, выход из которых обычно был чрезвычайно сложным и требовал много времени.

При преодолении хребта войска вынуждены были прокладывать дороги, строить мосты, оборудовать броды, срезать твердую породу из-за ее крутизны. Основная тяжесть этих работ ложилась на инженерные части и подразделения. Так, саперы 5-го гвардейского танкового корпуса срезали крутой косогор на протяжении 1000 метров и капитально отремонтировали до 1400 погонных метров дороги, уложив при этом 120 кубометров камня.

В тяжелейших условиях выполняли свои задачи в горах инженерные подразделения 9-го гвардейского механизированного корпуса. Саперы корпуса проложили в горах дороги общей протяженностью около 5 км, оборудовали семь бродов через реки и построили один мост грузоподъемностью в 45 тонн.

Из-за бездорожья вследствие начавшихся дождей личный состав частей 7-го механизированного корпуса был вынужден сойти с автомашин и действовать десантом на танках. В этих условиях саперные части оборудовали семь бродов через р. Хорэн-Гол и десять объездов в заболоченной пойме этой горной реки. Здесь особенно отличилась рота под командованием старшего лейтенанта И. В. Романенко. Саперы Гусаров, Бердинов, Григорьев по пояс в воде, под проливным дождем в течение многих часов прокладывали дно р. Хорэн-Гол камнями и другими подручными средствами²⁶.

Для повышения проходимости техники на труднодоступных участках еще до начала операции принимались меры к тому, чтобы на каждом танке и САУ было несколько бревен и фашин, а на автомашине — два мата. Все это позволяло войскам армии успешно форсировать и горные заслоны, и речные стремнины.

Не менее сложным, чем подъем и преодоление перевалов, оказался спуск с Большого Хингана на Центрально-Маньчжурскую равнину, который начался в 6 часов утра 11 августа. 5-й гвардейский танковый корпус был вынужден перестроиться в одну колонну и продолжать спуск по наиболее удобному маршруту. В 7-м механизированном корпусе спуск происходил под сильным дождем, долины рек быстро заполнились водой и превращались в серьезные преграды на пути движения колонн. Вследствие этого на отдельных, наиболее крутых участках приходилось спускать машины на тросах: задние машины с помощью троса тормозили спуск впереди идущих. Ощущался острый недостаток в средствах эвакуации. В корпусе при спуске застряло на маршруте движения около 100 автомашин. Тяжелые условия движения потребовали более чем двойного расхода горюче-смазочных материалов против расчетных норм. Подача же горючего автотранспортом из-за начавшихся дождей была почти полностью нарушена.

И все же к 18 часам 11 августа передовой отряд 5-го гвардейского танкового корпуса (подразделения 20-й и 22-й гвардейских танковых бригад) овладел первым на равнине городом — Лобэем. Вслед за ним в город вошел и штаб армии. К исходу дня на равнину вышли 30-я и 31-я гвардейские механизированные бригады и 14-й гвардейский мотоциклетный батальон 9-го гвардейского механизированного корпуса.

Итак, всего трое суток понадобилось передовым отрядам Забайкальского фронта, чтобы форсировать Большой Хинган. В результате главные силы 5-го гвардейского танкового и 9-го гвардейского механизированного корпусов, выполнив задачу пятого дня операции, устремились к Чанчуню и Мукдену²⁷.

Важнейшими предпосылками стремительного наступления 6-й гвардейской танковой армии являлись: искусный выбор направлений ее действий, умелое построение походных порядков корпусов и бригад, широкое использование сильных передовых отрядов, организация глубокой разведки, тщательная подготовка войск и штабов, надежное инженерное, материально-техническое обеспечение, особенно горючим и смазочными материалами,

а также водой, тесное взаимодействие с авиацией и воздушными десантами, действия отдельными усиленными бригадами сразу после преодоления Большого Хингана, надежное управление войсками армии в ходе наступления (широкое применение радио и самолетов, максимальное приближение командных пунктов к боевым порядкам).

К утру 13 августа отрыв главных сил танковой армии от остальных войск Забайкальского фронта достигал более 300 км. Внезапный и быстрый захват перевалов через Большой Хинган, считавшихся недоступными для крупных войсковых соединений и современной боевой техники, лишил японское командование возможности использовать этот важный стратегический рубеж для организации прочной обороны в горах и обеспечил в короткие сроки вторжение главных сил фронта в центральный район Маньчжурии. Тем самым основные силы Квантунской группировки войск были поставлены в критическое положение.

Сложившаяся обстановка требовала от войск фронта, особенно бронетанковых, развития стремительного наступления с целью завершения разгрома главных сил противника и недопущения их отхода в Северный Китай и на Ляодунский полуостров. И эта задача была успешно решена танкистами-забайкальцами.

Соединения и части армии возобновили движение и следовали по мере подвоза горючего и дозаправки машин за передовыми отрядами. Важную роль при этом играли разведчики. Особенность действий разведывательных отрядов заключалась в том, что они не только вели разведку, но в ряде случаев выполняли задачи по захвату важных объектов. Так, 14 августа разведывательный отряд 7-го механизированного корпуса продвинулся на глубину более 100 км, овладев во взаимодействии с передовым отрядом корпуса г. Таонань. При этом были уничтожены около 200 оказавших сопротивление солдат и офицеров 117-й пехотной дивизии противника.

15-й отдельный мотоциклетный батальон, составлявший разведывательный отряд 5-го гвардейского танкового корпуса, ведя разведку в направлении Лобэй — Кайлу — Тунляо — Мукден, с 14 по 16 августа находился от главных сил корпуса на расстоянии около 120 км. Днем 14 августа этот разведывательный отряд в результате короткого боя нанес поражение вражескому гарнизону в Кайлу, захватив аэродром и взяв в плен около 280 солдат и офицеров противника. К исходу дня отряд вышел в район Тунляо, овладел мостом через р. Ляохэ и аэродромом, а к исходу 16 августа полностью занял город²⁸.

Главные силы армии по мере получения горючего продвигались вслед за передовыми отрядами и с выходом в течение 16—19 августа в районы Тунляо, Кайтун и Туцюань отрезали японские войска, находившиеся в северной и северо-западной частях Маньчжурии, от их штабов и баз снабжения. Войска 3-го фронта японцев были расчленены и поставлены под угрозу уничтожения по частям. Однако для того, чтобы полностью окружить главные силы Квантунской группировки и вынудить ее к капитуляции, требовалось стремительное развитие наступления в юго-восточном направлении с целью захвата крупных административных и экономических центров Маньчжурии, а также важнейших тыловых районов противника.

Однако дальнейшее движение главных сил армии из района Тунляо из-за бездорожья оказалось невозможным даже для танков. Проливные дожди, непрерывно шедшие в течение нескольких суток, образовали на обширной Центрально-Маньчжурской равнине нечто вроде искусственного моря. В этой критической обстановке, когда дорог был каждый час, единственно выполнимым решением стало пройти затопленную равнину по узкой насыпи железнодорожного полотна от Тунляо до Чжанью. Этот 100-километровый участок войска армии преодолели за сутки. Передовой отряд 5-го гвардейского танкового корпуса в составе 21-й гвардейской танковой бригады под командованием подполковника И. Л. Третьяка к утру 19 августа овладел г. Чжанью.

Не обошлось и без потерь. Во время движения передового отряда по железнодорожному полотну 18 августа над ним неожиданно появились шесть японских самолетов, по которым был открыт огонь из всех видов оружия. Управляемые летчиками-смертниками самолеты ринулись друг за другом в сторону движущейся колонны. Через мгновение пылали все шесть самолетов, но горели также и советские танк и одна автомашина²⁹.

18 и 19 августа командование Забайкальского фронта приняло важные решения, которые привели в последующем к значительным оперативно-стратегическим результатам на всем театре военных действий. В соответствии с этими решениями главной группировке войск фронта, прежде всего 6-й гвардейской танковой армии, ставилась задача как можно быстрее выйти к побережью Китая, обращенному к Тихому океану. Достижение этой цели могло быть осуществлено лишь с использованием воздушных десантов.

Специально подготовленных десантных войск во фронте не было. Поэтому состав десантируемых войск определялся решением командующего танковой армией. Для быстрого захвата важных железнодорожных узлов, аэродромов, военных, политических и экономических центров страны Чанчуня и Мукдена, а также морских портов на побережье Тихого океана Дайрэна и Порт-Артура были высажены воздушные десанты. 19 августа с целью высадки десанта в столицу Маньчжурии г. Чанчунь в Туляо была сформирована группа в составе 200 человек от 30-й гвардейской механизированной бригады под командованием заместителя командира бригады Героя Советского Союза гвардии майора П. Н. Авраменко. Руководителем десанта был назначен заместитель начальника разведывательного отдела армии гвардии подполковник М. И. Мельниченко, который во главе группы разведчиков в составе 18 человек вылетел в заданный район первым. В 11 часов 30 минут его самолет приземлился на аэродроме Чанчуня. Группа быстро овладела аэродромом. Мельниченко по радио дал команду остальным десантникам на вылет в Чанчунь.

Высадившиеся в 14 часов того же дня главные силы десанта быстро захватили железнодорожную станцию, почту, телеграф, банк, электростанцию. Гарнизону противника был предъявлен ультиматум, принятый безоговорочно. Ко времени подхода главных сил танковой армии в Чанчуне были обезоружены 40 тыс. японских солдат и офицеров, в том числе 17 генералов.

19 августа в 13 часов 15 минут в Мукдене высадился 2-й батальон 6-й гвардейской мотострелковой бригады 5-го гвардейского танкового корпуса в составе 225 человек под командованием гвардии майора П. Е. Челышева. Управление действиями десанта возлагалось на начальника разведывательного отдела армии гвардии полковника Я. М. Скрынникова. Десант захватил важные объекты в городе и разоружил гарнизон японцев, взяв при этом в плен много солдат, офицеров и генералов, а также интернировал императора Маньчжоу-Го Пу И, пытавшегося улететь в Японию³⁰. В этот же день разведывательная рота 5-го гвардейского танкового корпуса была высажена авиадесантом в г. Ляоюань.

К исходу 20 августа несколько танков передового отряда 5-го гвардейского танкового корпуса вошли в Мукден. Передовой отряд 7-го механизированного корпуса к исходу этого же дня в районе Фаньцзятуня перерезал железную дорогу Чанчунь — Мукден и на следующий день вошел в Чанчунь. Затем эти отряды совместно с ранее высадившимися воздушными десантами приступили к приему пленных японских войск.

Таким образом, 6-я гвардейская танковая армия, продвинувшись на глубину 750—800 км и уже на 10-й день операции выйдя к жизненно важным районам Маньчжурии, обеспечила расчленение главных сил Квантунской группировки на изолированные части и принуждение противника к отказу от дальнейшего сопротивления и прекращению военных действий на огромной территории континентальной части Китая. Тем самым она внесла огромный вклад в выполнение крупной военно-политической и стратегической задачи.

22 августа, в соответствии с распоряжением командующего фронтом от 18 августа по захвату портов на Ляодунском полуострове, в Порт-Артуре был высажен авиадесант от 9-го гвардейского механизированного корпуса во главе с заместителем начальника оперативного отдела штаба корпуса гвардии майором И. К. Белодедом. После высадки десант, насчитывавший 200 человек, захватил портовые сооружения, крупные склады и базы и разоружил гарнизон в составе более 5 тыс. солдат, офицеров и генералов. Один из японских офицеров торжественно передал И. К. Белодеду тяжелую связку ключей от Порт-Артура, отобранного в начале века Японией у России. К вечеру 23 августа в город прибыла 21-я танковая бригада

Колонна танков 7-го механизированного корпуса 6-й гвардейской танковой армии
на улицах китайского города Далянь

Самоходная установка с десантом на броне

6-й гвардейской танковой армии во главе с подполковником И. Л. Третьяком, а еще через два дня в порт вошли корабли советского Тихоокеанского флота.

22 августа 1945 г. в г. Дайрэн от 9-го гвардейского механизированного корпуса был высажен десант в количестве 150 человек под командованием начальника разведки корпуса гвардии подполковника Б. С. Лихачева, который захватил портовые сооружения, склады, базы и разоружил 10-тысячный японский гарнизон³¹. К исходу 23 августа войска 6-й гвардейской танковой армии полностью заняли Ляодунский полуостров и освободили Чанчунь, Мукден, Тунляо, Дайрэн, Порт-Артур и другие города северо-востока Китая.

С 24 по 29 августа главные силы танковой армии сосредоточивались в районах Мукден, Фусинь, Дайрэн и Порт-Артур. По распоряжению командующего войсками Забайкальского фронта маршала Р. Я. Малиновского части 5-го гвардейского танкового и 9-го гвардейского механизированного корпусов были оставлены в районах Тунляо и Мукден. Для дальнейшего продвижения на Ляодунский полуостров предназначался 7-й механизированный корпус, в последующем выведенный из состава 6-й гвардейской танковой армии и переданный 39-й армии генерала И. И. Людникова, которой и было поручено сосредоточиться в пределах Ляодунского полуострова. Так блестяще завершилась последняя операция 6-й гвардейской танковой армии.

Иначе применялись танковые войска 1-го Дальневосточного фронта, в полосе наступления которого противник имел сильную, глубоко эшелонированную оборону. Все танковые бригады, усиленные самоходно-артиллерийскими полками, придавались здесь стрелковым дивизиям для непосредственной поддержки пехоты. После прорыва обороны противника они использовались в качестве передовых отрядов общевойсковых соединений. Некоторые танковые бригады 1-й Краснознаменной армии, кроме того, получили задачу прокладывать колонные пути через тайгу.

В качестве подвижной группы фронта использовался 10-й механизированный корпус. Ввод его в сражение осуществлялся в полосе 5-й армии на глубине около 150 км, после овладения ею тыловым оборонительным рубежом на р. Муданьцзян. Затем мехкорпус приступил к стремительному развитию наступления на Гирин и во взаимодействии с 6-й гвардейской танковой армией забайкальцев завершил окружение главных сил Квантунской группировки. Глубина задачи корпуса составила более 600 км при среднесуточном темпе продвижения 90–100 км³².

Высокий темп, решительность и натиск достигались нередко за счет инициативы и творческого подхода к задачам. Так, в конце первой декады наступления штаб 1-го Дальневосточного фронта потребовал от 1-й Краснознаменной армии как можно скорее занять Харбин, обеспечить охрану многочисленных городских промышленных предприятий и других важных объектов, в том числе двух больших железнодорожных мостов на основной коммуникационной линии между севером и югом Маньчжурии. Но подвижная армейская группа генерала А. А. Максимова запаздывала. Грунтовая дорога вдоль КВЖД от станции Яблоня до Харбина из-за дождей после прохода по ней отступавших японских колонн пришла в непригодное состояние, мосты были разрушены. Начальник штаба группы генерал Е. Я. Юстерник, который шел с танкистами в составе передового отряда, принял верное решение. Вечером 19 августа он доложил по радио: «Грузись на поезд, в Харбине буду утром 20.8.45 г.»³³.

Рано утром следующего дня танки генерала Юстерника, выгрузившись на станции Старый Харбин, вступили в город. Это была существенная поддержка для особоуполномоченного Военного совета фронта генерала Г. А. Шелахова, который уже более полутора суток со своим маленьким десантным отрядом, высадившимся в Харбине 18 августа, обеспечивал охрану мостов, электростанций, аэродрома и некоторых других объектов. Японский гарнизон (две пехотные дивизии и другие части) оставался неразоруженным, многочисленные военные склады и громадные арсеналы не были взяты под контроль. С приходом танкистов и появлением в городе практически одновременно с ними моряков Амурской военной флотилии

во главе с контр-адмиралом Н. В. Антоновым³⁴ задачи по разоружению гарнизона Харбина были быстро решены.

Командование японских войск не ожидало, что наступление Красной армии будет столь стремительным и ошеломляющим. Ни яростное сопротивление противника, ни железобетонные пограничные укрепления, ни труднейшие условия местности не могли остановить наступательного порыва советских танкистов, неудержимо рвавшихся вперед. Имена многих из них вошли навечно в историю Дальнего Востока. В бою за г. Муданьцзян особое мужество проявили воины 77-й танковой бригады. Так, в ходе атаки прямым попаданием вражеского снаряда в один из танков были выведены из строя пушка и пулемет, тяжело ранены командир, башенный стрелок и стрелок-радист. Остался невредимым лишь механик-водитель Антоненко. На предельной скорости он повел машину на позиции врага. Уничтожив четыре орудия противника, танк Антоненко первым ворвался в пригород Муданьцзяна — Эхэ. Здесь японцы окружили танк и потребовали сдаться. В ответ отважный танкист открыл автоматный огонь и бросил через люк несколько гранат. Видя, что советского воина не удастся взять живым, японцы подошли к танку. Контуженный взрывной волной, израненный осколками брони танка, Антоненко продолжал вести бой в горящей машине и продержался до подхода главных сил бригады³⁵.

В боях против японцев продолжили свою семейную ратную летопись девять братьев-танкистов Михеевых — Виктор, Павел, Федор, Владимир, Иван, Александр, Михаил, Семен и Петр. Еще накануне войны пятеро из них закончили Ульяновское танковое училище; с разрешения наркома обороны была создана михеевская танковая рота, в которой служили шестеро старших братьев. Командиром роты стал Виктор, его заместителем — Владимир, а Павел, Федор и Иван были назначены командирами взводов, Александр в этой роте выполнял обязанности механика-водителя. С первых же дней войны с фашистской Германией рота братьев Михеевых громила врага, смелостью и отвагой они не раз отличились в боях. Погиб командир взвода Иван Михеев, а затем другой брат — механик-водитель Александр. Четверо Михеевых продолжали бить фашистских захватчиков. Командиром тяжелого танкового батальона стал Виктор, а его заместителем — Павел. За умелые боевые действия Владимир и Федор были назначены командирами рот. Отважно сражались братья Михеевы летом 1942 г. под Барвенково и Харьковом. В этих боях Виктор был тяжело ранен, а Владимир контужен. Затем братья-танкисты воевали на разных фронтах Великой Отечественной. Славные боевые традиции старших продолжил танковый экипаж, состоявший из младших братьев Михеевых. Михаил, Семен и Петр отлично сражались в боях с японцами. Их танк прошел почти всю Маньчжурию в составе войск 1-го Дальневосточного фронта, участвовал в освобождении нескольких городов. За мужество и отвагу в боях по разгрому фашистской Германии и милитаристской Японии девять братьев Михеевых были награждены в общей сложности 85 боевыми орденами и медалями СССР³⁶.

Соединения и части танковых войск 2-го Дальневосточного фронта, кроме 214-й танковой бригады 16-й армии, использовались в качестве передовых отрядов общевойсковых армий и 5-го отдельного стрелкового корпуса. После форсирования рек Амур и Уссури эти отряды должны были стремительно продвигаться вперед и захватывать важные объекты в глубине обороны противника. Особое значение при этом фронтом придавалось достижению высоких темпов наступления, которые не дали бы противнику возможности отвести основные силы своей группировки в Северный Китай, Корею и к портам Ляодунского полуострова. Решение этой задачи обеспечивалось действиями танковых соединений.

Вот один из эпизодов боевых действий танкистов. Вдоль р. Сунгари наступал передовой отряд 15-й армии в составе 171-й танковой бригады. В боях за г. Фуцзинь мужественно и умело действовал экипаж танка, командиром которого был лейтенант Николай Романов. Поддерживая штурмовую группу 455-го стрелкового полка, экипаж в уличных боях уничтожил артиллерийское орудие вместе с расчетом, подавил четыре дота и истребил шесть снайперов. Продолжая громить врага, танк лейтенанта Романова вырвался далеко вперед, но на подходе к г. Цзямусы подорвался на mine. Японцы бросились к боевой машине, надеясь захватить

экипаж живым, но танкисты открыли огонь. В течение шести часов, до подхода основных сил бригады, экипаж Романова отбивал яростные атаки врага, уничтожил до 30 японских солдат и вышел из тяжелого положения победителем. За храбрость и мужество, инициативные и смелые действия лейтенанту Николаю Федоровичу Романову было присвоено звание Героя Советского Союза³⁷.

Самостоятельность, быстрота действий многих частей, соединений и объединений танковых войск, большой отрыв их от стрелковых частей и баз снабжения требовали принятия необходимых мер боевого, инженерного, дорожного и материально-технического обеспечения, для того чтобы, наступая на отдельных направлениях, нередко вне дороги, они могли действовать автономно.

С учетом опыта совершенного еще до начала войны марша и условий, в которых предстояло действовать танковым войскам, для организации технического замыкания в ходе наступления выделялось значительно больше сил и средств, чем при следовании в выжидательный район. Во всех танковых частях в состав технического замыкания входили две-три мастерские типа «А», мастерская типа «Б», две машины с запасными частями и две-три машины с горючим и смазочными материалами. Техническое замыкание колонны главных сил каждого корпуса осуществляла ремонтно-эвакуационная группа в составе корпусной подвижной танкоремонтной базы, ремонтной роты армейского танкоремонтного батальона, эвакуаторы и летучки склада бронетанкового имущества. В этих группах были созданы два отделения технической разведки, в задачу которых входило поддержание связи между ремонтными подразделениями корпуса, установление мест выхода из строя машин, определение степени ремонта и количества необходимых запасных деталей и механизмов. Всё делалось для того, чтобы обеспечить своевременное восстановление материальной части непосредственно на месте выхода ее из строя. Однако для производства ремонта, требовавшего продолжительного времени, в корпусах через каждые 75–100 км намечались сборные пункты аварийных машин.

Малая населенность и слабое экономическое развитие ряда районов на направлении наступательных действий, например, 6-й гвардейской танковой армии, вызвали необходимость создания запасов материальных средств на весь период боевых действий армии. Выполнение этой задачи было связано с серьезными трудностями. С выходом соединений в выжидательный район усложнилась организация подвоза, так как удаление этого района от станции снабжения, расположенной в монгольском г. Чойбалсан, составляло более 300 км, а транспортных средств было недостаточно. Поэтому для подвоза необходимых запасов основных видов довольствия использовались весь транспорт корпусов, армейские средства подвоза, частично узкоколейная железная дорога очень низкой пропускной способности, проходившая от Чойбалсана до Тамцаг-Булака. Во время боевых действий для снабжения танковой армии водой и горючим привлекалась и транспортная авиация.

На местности, отличавшейся отсутствием лесной растительности и других горючих материалов, потребовалось заблаговременно создать в войсках необходимые запасы топлива для приготовления пищи. В целях решения проблемы водоснабжения в условиях пустынной и степной местности еще до начала операции пришлось создавать запасы воды, выделять транспортные средства для их перевозки, готовить специальные команды для разведки и оборудования источников. Такие команды, обеспеченные материалами для сооружения колодезных срубов, заранее высылались в районы предстоящего размещения войск, места привалов с задачей восстановить старые и оборудовать новые колодцы. На каждую часть выделялось не менее двух-трех источников воды с дебитом воды в каждом из них около 400 литров в час. В ходе операции устанавливалось твердое нормирование расхода воды, запасы которой хранились в установленных на специальных машинах бочках емкостью 150–200 литров, а также танках, САУ, различных видах транспорта. Весь личный состав имел фляги на 1,5 литра. За соблюдением питьевого режима осуществлялся строгий контроль. Запасы воды использовались только во время передвижения. Минимальный суточный расход их составлял около 5 литров на человека, до 100 — на танк, 25 литров — на другие машины³⁸.

Таким образом, военная кампания на Дальнем Востоке, подготовленная и проведенная с учетом опыта войны с немецко-фашистскими захватчиками, внесла новый вклад в развитие теории и практики применения танковых войск.

Амурская военная флотилия приняла активное участие в разгроме противника на Дальнем Востоке. Она являлась одной из сильнейших среди военных речных объединений СССР периода Великой Отечественной войны. Созданная в 1906 г., флотилия имела большой боевой опыт и богатые традиции. Принимая активное участие в боевых действиях в ходе советско-китайского вооруженного конфликта 1929 г., она уничтожила Сунгарийскую флотилию противника. В годы Великой Отечественной войны ряд подразделений и бригада морской пехоты, сформированные из моряков флотилии, сражались на многих фронтах.

К началу войны против Японии флотилия насчитывала в своем составе около 220 боевых кораблей различных классов, в том числе восемь мониторов, 11 канонерских лодок, 52 бронекатера, 12 тральщиков, 36 катеров-тральщиков, семь минных катеров, минный заградитель, сетевой заградитель, пять плавучих зенитных батарей, 15 полуглиссеров, три сторожевых катера, три плавучие базы и штабной корабль. С началом войны против Японии флотилии были переданы все сторожевые катера пограничной охраны на реках Амур и Уссури и 106 мобилизованных гражданских судов. В составе флотилии имелось 70 самолетов, главным образом истребителей и самолетов связи³⁹. Возглавил флотилию контр-адмирал Н. В. Антонов, который до этого командовал Онежской военной флотилией и обладал большим боевым опытом управления речными силами.

С началом военных действий флотилия была оперативно подчинена командующему войсками 2-го Дальневосточного фронта, а отдельный Уссурийский отряд бронекатеров — командующему войсками 1-го Дальневосточного фронта. Она располагала довольно широкой сетью операционных и маневренных баз на Амуре и его притоках — Уссури, Зее, Бурее, Шилке и других. Главная база и штаб флотилии размещались в Хабаровске. Многие офицеры, старшины и матросы, направленные в Амурскую военную флотилию накануне войны с Японией с других речных военных флотилий, прошли к тому времени суровую школу войны с фашистскими захватчиками. Флотилия была хорошо подготовлена к совместным действиям с сухопутными войсками. Взаимодействие с войсками она отработывала с учетом опыта Великой Отечественной войны и географических особенностей Амурского театра.

Наступление Красной армии началось 9 августа с форсирования рек Амур и Уссури одновременно на всех намеченных операционных направлениях на широком фронте и в нескольких пунктах с целью затруднить для японцев борьбу с переправлявшимися войсками. Высадка первых эшелонов войск производилась с боевых кораблей и носила характер десантных действий, а для перевозки войск последующих эшелонов с техникой и тылами создавались постоянно действующие переправы. Важной задачей Амурской военной флотилии была поддержка наступления советских войск в приречных направлениях.

На первом этапе (с 9 по 14 августа) наступательных операций 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов действия флотилии были нацелены на поддержку войск в боях на речных рубежах Амура, Уссури, Сунгари и на озере Ханка корабельной артиллерией, организацией переправ, а также на завоевание полного господства над речными силами противника.

В дальнейшем основным содержанием боевых действий флотилии было высадкой десантов и огнем корабельной артиллерии помочь войскам фронтов в наступлении и форсировании водных преград, разгроме и захвате японских опорных пунктов и узлов сопротивления⁴⁰.

Сунгарийская наступательная операция развивалась на главном, харбинском направлении 2-го Дальневосточного фронта. Войска фронта наносили здесь рассекающий удар по Квантунской группировке противника с задачей сокрушить японскую оборону и уничтожить совместно с войсками 1-го Дальневосточного фронта приморскую группировку сухопутных войск Японии на континенте.

Харбинское операционное направление проходило по правому берегу р. Сунгари вдоль дорог Лобэй — Таньюань и Жаохэ — Фуцзинь. Оно ограничивалось справа хребтом Малый

Хинган, слева — хребтом Нандань-Лалинь. На этой территории протекают такие большие реки, как Амур, Сунгари, Уссури и Муданьцзян, имеются обширные заболоченные пространства, горно-лесистые полосы (в районе Саньсин) и незначительное количество дорог.

Форсирование войсками 15-й армии Амура в районе между устьем Сунгари и Хабаровском было сопряжено с большими трудностями. Ширина Амура на этом участке местами достигает 205 м. Однако географические особенности местности, занятой противником, диктовали необходимость наступать на Харбин именно вдоль долины р. Сунгари, так как вследствие бездорожья реки являлись не только естественными оборонительными рубежами, но и путями для передвижения. Между тем ливни и вызванный ими разлив размыли и затопили прибрежные дороги, движение по ним стало почти невозможным, что резко замедляло темпы операции. Это обстоятельство в значительной степени повышало роль в ней кораблей Амурской военной флотилии.

Оборона противника на направлении главного удара 2-го Дальневосточного фронта состояла из долговременных оборонительных сооружений, расположенных на правом берегу Амура и вдоль р. Сунгари. Укрепленные районы Гуюань, Циндели, Эту, Гайцзы, Тунцзян, Цзямусы, Саньсин создавали мощный барьер на подходах к устью Сунгари, в самом устье и в глубине операционного направления. Для противодействия переправе советских войск противник мог использовать также свою Сунгарийскую речную флотилию, которая в любое время могла появиться на Амуре. Существовала также опасность со стороны плавающих мин, которые противник имел возможность по течению Сунгари забрасывать в Амур.

С учетом всего этого командование 2-го Дальневосточного фронта совместно с командованием Амурской военной флотилии приняло решение форсировать Амур на фронте протяженностью 190 км одновременно в нескольких пунктах, чтобы максимально затруднить неприятелю организацию противодействия переправе советских войск на правый берег реки.

Для действий на сунгарийском направлении были выделены: 15-я армия и 5-й стрелковый корпус с частями усиления, составлявшие ударную группу войск 2-го Дальневосточного фронта; 102-й укрепленный район; 1-я и 2-я бригады речных кораблей, в состав которых входили основные силы Амурской военной флотилии; к этой операции были также привлечены 3-я бригада и часть сил Зей-Бурейской бригады, 10-я воздушная армия 2-го Дальневосточного фронта, базировавшаяся на аэродромах Хабаровского аэродромного узла⁴¹.

Замысел операции предусматривал создание плацдарма на правом берегу Амура, переправу войск на широком фронте, стремительное продвижение вверх по Сунгари и вдоль обоих ее берегов с последовательным захватом укрепленных районов и Харбина. Планировался и одновременный вспомогательный удар войсками 5-го стрелкового корпуса при содействии 3-й бригады речных кораблей из района Бикина через р. Уссури на Дунаньчжэнь и Жаохэ с последующим выходом к району Цзямусы — Саньсин для соединения с войсками 15-й армии, завершения окружения группировки противника, расположенной в выступе между реками Сунгари и Уссури, и дальнейшего совместного наступления на Харбин⁴².

Форсирование Амура проводилось по заранее разработанному плану на боевых кораблях и транспортных средствах флотилии и обеспечивалось отрядом корабельного прикрытия, в который входили мониторы, канонерские лодки и бронекатера. Отряд развертывался в месте впадения Сунгари в Амур и должен был прикрывать переправы на случай появления японской Сунгарийской военной флотилии. Эта же задача ставилась береговой артиллерии 102-го пограничного укрепленного района и истребительной авиации, которая должна была прикрывать переправы с воздуха.

Планом форсирования реки предусматривалось: распределение кораблей и транспортных средств между переправами; прикрытие переправ от нападения речных сил противника; распределение между кораблями и береговой артиллерией береговых огневых целей, подлежащих уничтожению в первую очередь; уничтожение минных и других заграждений в районе переправ; обеспечение переправ зенитной артиллерией войск ПВО и кораблей, а также истребительной авиацией.

Высадка десанта с монитора Амурской военной флотилии на реке Сунгари

В результате всесторонней и хорошо продуманной с учетом опыта Великой Отечественной войны подготовки, а также благодаря господству фронтовой авиации и кораблей Амурской военной флотилии в зоне боевых действий советские войска успешно форсировали р. Амур на всех направлениях, предусмотренных планом операции.

В 6 часов 55 минут 9 августа мониторы, заняв назначенные для них позиции, открыли артиллерийский огонь по дотам, дзотам, наблюдательным пунктам и казармам укрепленного фуюаньского сектора. Под прикрытием корабельной артиллерии и истребителей 307-го авиаполка полковника Горелова корабли подошли к правому берегу Амура и успешно высадили десант в районе г. Фуюань.

Одновременно с 1-й бригадой начала боевые действия 2-я бригада речных кораблей. Первоочередной задачей бригады являлась высадка на правый берег Амура 388-й стрелковой дивизии для овладения узлами сопротивления противника на участке от Хабаровска до устья Сунгари, которая была успешно выполнена. Вместе с солдатами и офицерами подразделений стрелковых войск на берег высадились две группы моряков. Одной из них командовал старшина 1-й статьи Н. Н. Голубков. Вскоре дорогу этой группе преградил вражеский дзот, находившийся примерно в 70 метрах от десантников на склоне сопки. Перед ним была открытая ровная местность. Кому-то надо было совершить рывок и забросать дзот гранатами, и это сделал Голубков. Он уничтожил вражескую огневую точку, но и сам получил смертельную рану. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 г. Николаю Николаевичу Голубкову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. На месте, где он совершил подвиг, жители Фуюаня поставили памятник и высекли на нем слова: «Человеку, победившему дракона»⁴³.

Заняв Фуюань, корабли флотилии с 1-м и 2-м батальонами 630-го стрелкового полка на борту отправились вверх по Амуру. Им предстояло овладеть узлами сопротивления в районах Циндели, Эту, Гайцзы, с захватом которых были бы полностью ликвидированы японские укрепления на правом берегу Амура. В итоге к исходу второго дня наступления правобережье Амура между устьями Уссури и Сунгари было очищено от противника. Быстрому и успешному решению этой задачи 1-й и 2-й бригадами речных кораблей и частями 361-й и 388-й стрелковых дивизий способствовали внезапность действий, а также отсутствие в этих районах авиационных частей и кораблей противника. Застигнутые врасплох японцы не смогли использовать даже минное оружие, хотя имели значительные его запасы.

В эти же дни 3-я бригада речных кораблей, развернутая в низовье р. Уссури, обеспечивала форсирование реки войсками 5-го стрелкового корпуса, наносившего вспомогательный удар в наступательной операции 15-й армии 2-го Дальневосточного фронта. 9 августа корабли 3-й бригады оказали высадкой десанта содействие частям 513-го стрелкового полка в овладении г. Дунаньчжэнь на левом берегу Уссури. На следующий день основные силы этой бригады перешли к сильно укрепленному японскому г. Жаохэ, который к 10 часам утра 10 августа был взят при поддержке их частями 5-го стрелкового корпуса. Японцы, не ожидавшие столь стремительных действий советских войск и кораблей, поспешно покинули Жаохэ и отступили к Баоцину⁴⁴.

На втором этапе этой операции активное участие в боевых действиях принимали основные силы Амурской военной флотилии в составе трех бригад речных кораблей и полка истребительной авиации под непосредственным руководством командующего флотилией контр-адмирала Н. В. Антонова, который держал свой флаг на штабном корабле «Амур»⁴⁵.

Соединениям и частям 15-й армии совместно с силами Амурской военной флотилии в ходе Сунгарийской наступательной операции, конечной целью которой являлось овладение Харбином, предстояло преодолеть целый каскад сильно укрепленных узлов обороны противника, созданных на правом берегу р. Сунгари: Фуцзинь, Цзямусы, Саньсин, Мулань и укрепленный район Харбина.

Учитывая, что на р. Сунгари японцы имели довольно сильную речную флотилию и по-прежнему не исключена была возможность использования ими минного оружия и авиации, командование 2-го Дальневосточного фронта и Амурской военной флотилии решило создать сильную группировку, состоящую из разнородных сил — сухопутных войск, кораблей и авиации. В состав этой ударной группировки были включены пять мониторов, семь канонерских лодок, 30 бронекатеров и минных катеров, 20 тральщиков и катеров-тральщиков. На корабли этой группы были приняты десантные войска численностью до двух полков, состоявших из частей морской пехоты флотилии и подразделений 15-й армии. Для прикрытия кораблей с воздуха и поддержки их действий против укрепленных японских городов на Сунгари выделялись истребительный полк флотилии и самолеты фронтовой авиации⁴⁶.

По замыслу советского командования, эта необычная ударная группировка, состоявшая из корабельных, сухопутных и воздушных сил и предназначенная для действий в приречном районе, должна была служить в качестве авангарда 15-й армии. В ее задачу входило с помощью корабельной артиллерии, высадки тактических десантов и бомбоштурмовых ударов авиации подавлять оборону противника с целью овладения его опорными пунктами и узлами сопротивления на берегу реки, а также вести борьбу с речными силами японской флотилии и минной опасностью и тем самым способствовать наступлению войск 15-й армии на сунгарийском направлении⁴⁷.

Первым важным узлом обороны противника на правом берегу Сунгари, которым предстояло овладеть соединениям и частям армии и Амурской военной флотилии, был г. Фуцзинь, являвшийся армейской базой японских войск и речной базой Сунгарийской флотилии. Задача по овладению Фуцзинем была возложена на 1-ю бригаду речных кораблей, на которых находились два батальона 364-го стрелкового полка и штурмовая рота, предназначенные для высадки десанта⁴⁸.

В 7 часов 20 минут дозорно-разведывательный отряд бронекатеров, шедший в 30 кабельтовых впереди мониторов, первым ворвался на рейд Фуцзиня и открыл огонь по дотам и дзотам противника. Японская артиллерия и минометы открыли сильный ответный огонь. Вскоре в бой за высадку десанта включились мониторы, которые вели огонь из 130-мм орудий. Первой в порту высадилась штурмовая рота, вместе с которой на берег десантировались специальные группы, корректировавшие огонь мониторов и бронекатеров. В напряженном артиллерийском бою особенно отличился монитор «Сунь Ятсен», которым командовал капитан 3 ранга В. Д. Корнер. Артиллеристы монитора в этом бою уничтожили и подавили пять дотов, 12 дзотов, шесть минометных батарей, уничтожили склад с боеприпасами и большое количество японских солдат и офицеров⁴⁹. Через час после начала артиллерийской дуэли с монитора «Сунь Ятсен» всего за четыре минуты был высажен батальон 364-го полка, который при поддержке корабельной артиллерии захватил прибрежную полосу и начал продвижение в город.

13 августа после ожесточенного боя Фуцзиньский укрепленный район пал⁵⁰. В тот же день корабли, пополнив запасы топлива, снарядов и продовольствия, а также выделив топливо для заправки танковой бригады, приступили к подготовке захвата укрепленного района и г. Цзямуся.

Победное завершение Сунгарийской операции было достигнуто прежде всего в результате четкого взаимодействия сухопутных войск и кораблей флотилии. Все задачи, которые ставились перед частями 15-й армии и взаимодействовавшими с ними кораблями, удалось выполнить, хотя времени на непосредственную подготовку к операции практически не было. Опыт боевых действий показал, что успех совместных усилий флотилии и войск находится в прямой зависимости от того, насколько хорошо отработаны подобные боевые задачи в мирное время. То, что флотилия и части 15-й армии перед войной вместе участвовали в учениях, благотворно сказалось на их совместных действиях в боевой обстановке.

В ходе Сунгарийской наступательной операции корабли были единственным средством, обеспечивавшим высокий темп продвижения сухопутных войск. Они постоянно находились в авангарде наступавших частей и за двенадцать суток прошли с боями от Фуюаня до Харбина 930 км, из них свыше 700 км — по Сунгари⁵¹.

Сахалинское операционное направление, ведущее к крупным политическим и административным центрам Маньчжурии — Харбину и Цицикару, проходило вдоль автомобильного тракта Сахал — Цицикар, далее по железнодорожной линии Сахалин — Луньчжень — Харбин, по реке Амур от Хума до поселка Уюнь. Значение его определялось тем, что с выходом советских войск на КВЖД северная и южная группировки японских войск в Маньчжурии разобщались, а работа всех железных дорог Северной Маньчжурии нарушалась. Кроме того, успешное наступление советских войск на этом направлении ставило под угрозу окружения всю группировку японских войск в районе Хайлара.

Противник прикрывал сахалинское направление системой оборонительных сооружений, основу которой составляли Сахалинский и Цикэйский укрепленные районы и несколько опорных пунктов. Сахалинский укрепрайон, расположенный на берегу Амура, имел протяженность 85 км по фронту, 10–20 км в глубину и насчитывал 254 долговременных сооружения, в том числе 136 дотов и 80 дзотов с артиллерией калибром до 200 мм. Цикэйский укрепленный район также располагался на берегу Амура, на правом фланге Сахалинского укрепрайона. Он имел протяженность по фронту 100 км, в глубину — 10–40 км, насчитывал 134 оборонительных сооружения, из них 77 дотов и 53 дзота. Этот район прикрывал немногочисленные шоссе и железную дороги, ведущие в глубину маньчжурской территории⁵². В целом на правом берегу Амура непосредственно против Благовещенска располагалась хорошо развитая система обороны противника, опиравшаяся на мощные укрепленные районы. Сахалинский и Цикэйский укрепрайоны взаимодействовали с Мачанским укрепленным сектором.

В условиях широкого разлива рек и полного бездорожья, вызванных прошедшими проливными дождями, наступление 2-й Краснознаменной армии (командующий генерал

М. Ф. Терехин), как того требовал приказ командующего войсками 2-го Дальневосточного фронта, могло быть предпринято только в случае овладения плацдармом на правом берегу Амура и создания надежной переправы. Это и обуславливало замысел совместной операции 2-й Краснознаменной армии и Зeya-Бурейской бригады речных кораблей, заключавшийся в том, чтобы овладеть системой укреплений Сахалин — Цикэ с целью создания плацдарма на правом берегу Амура для последующего наступления на Бэйаньчжэнь — Цицикар по идущим от Сахалина железной и шоссейной дорогам.

Операцию предполагалось провести в несколько этапов: первый — набег кораблей на Сахалинский рейд с целью разведки боем, выявления огневых точек противника, уничтожения его плавсредств; второй — захват городов Сахалин, Айгунь, Хадаян и Цикэ, создание плацдарма на правом берегу Амура и организация переправ; третий — переправа главных сил 2-й Краснознаменной армии и частей 101-го укрепленного района и занятие исходного положения для последующего наступления в направлении на Цицикар.

В операции принимали участие: 2-я Краснознаменная армия, артиллерия и войска 101-го (Благовещенского) укрепленного района (комендант генерал А. А. Казарян), истребительная авиация 10-й воздушной армии (командующий генерал П. Ф. Жигарев), Зeya-Бурейская бригада речных кораблей (командир капитан 1 ранга М. Г. Воронков) в составе монитора, пяти канонерских лодок, вооруженных артиллерией главного калибра 102 мм и 100 мм, 16 бронекатеров с 76,2-мм пушками и реактивными установками, 10 речных катеров-тральщиков, девяти глиссеров, штабного корабля ПБ-2 и других обеспечивающих кораблей и судов. Кроме того, бригаде были приданы катера пограничного речного дивизиона, суда Верхне-Амурского речного пароходства и Сретенский отдельный дивизион речных кораблей. В состав Сретенского дивизиона (командир капитан 3 ранга А. Н. Гундорин) входили восемь бронекатеров, два глиссера и плавбаза ПБ-4. Общая численность кораблей, катеров и судов Зeya-Бурейской бригады вместе с приданными составляла 177 вымпелов⁵³. Все корабли находились в готовности решать поставленные задачи и могли немедленно вступить в бой, так как документация по взаимодействию между кораблями и с частями сухопутных войск была отработана и проверена в ходе боевой учебы.

Задачами выделенных в операцию сил были определены: боевым кораблям Зeya-Бурейской бригады прорваться в Амур, овладеть Сахалинским рейдом, высадить десант в районе Сахалинской пристани и к востоку от нее, занять железнодорожную станцию, город и систему укреплений Айгунь, захватить плацдарм восточнее города, в районе селения Хадаян, и укрепленный сектор Цикэ, затем сразу же высадить второй эшелон из состава войск 101-го укрепленного района в Сахалин и по усиленному стрелковому батальону в Айгунь и Цикэ; артиллерии канонерских лодок во взаимодействии с крупнокалиберной артиллерией 101-го укрепленного района предвять высадку мощными огневыми налетами; после овладения плацдармом бригаде приступить к перевозке и переправе главных сил 2-й Краснознаменной армии, на командном пункте которой постоянно находился офицер связи штаба бригады со своими средствами связи, и подвижных войск 101-го укрепленного района. Сахалинскую операцию должны были обеспечивать истребительная авиация 2-го Дальневосточного фронта, артиллерия 101-го укрепленного района и Сретенский отдельный дивизион, которому совместно с частями пограничников и 368-м горнострелковым полком надлежало очистить правый берег Верхнеамурского плеса и захватить г. Мохэ на крайнем правом фланге фронта.

Руководство операцией было возложено на командующего 2-й Краснознаменной армией, а высадка десантов и организация переправ — на командира Зeya-Бурейской бригады.

Сахалинская операция началась в ночь на 10 августа в условиях сплошной облачности с осадками, при видимости менее 0,5 кабельтовых. К 3 часам утра 10 августа 1-й и 2-й отряды глиссеров (три глиссера и три полуглиссера) и дивизион катеров-дымозавесчиков заняли исходное положение у острова Затонский. В целях скрытности глиссеры и полуглиссеры подошли самосплавом. В 3 часа 30 минут 2-й отряд 1-го отдельного и 2-й отряд 2-го отдельного дивизионов бронекатеров вышли из Зеи и в 4 часа 05 минут скрытно, имея выхлоп под воду, вошли на рейд Сахалина.

Через час после выхода с острова Затонский по сигналу командира бригады, находившегося на флагманском бронекатере, 2-й отряд 1-го дивизиона, а через пять минут, в 4 часа 35 минут, 2-й отряд 2-го дивизиона, не меняя курса, открыли огонь по берегу. Первый залп бронекатеров служил сигналом к открытию огня артиллерией 101-го укрепленного района. Огневые задачи были распределены так, что корабли поражали только непосредственно наблюдаемые цели, преимущественно плавсредства, а артиллерия укрепленного района вела огонь по невидимым целям противника, в том числе по 206-мм артиллерийским установкам. Японская 4-орудийная батарея открыла ответный огонь через десять минут, но он оказался неэффективным. Только один бронекатер № 74 получил незначительные повреждения. Когда от зажигательной пули загорелся бензобак, к нему бросился заметивший пламя пулеметчик Сергей Андрианов. Не раздумывая, он накрыл языки пламени своим телом и ликвидировал опасность.

10 августа в 11 часов 45 минут 2-й отряд 1-го отдельного и 2-й отряд 2-го отдельного дивизионов бронекатеров высадили корабельные десанты на набережной г. Сахалин. Через двадцать минут сюда же с катером 56-го пограничного речного дивизиона прибыли пограничники. В 12 часов 30 минут, получив донесение командира Зeya-Бурейской бригады речных кораблей об овладении Сахалином, командующий 2-й Краснознаменной армией отдал бригаде приказ сосредоточить плавсредства в Благовещенске для переброски в Сахалин мотострелкового батальона танковой бригады и ее последующих частей. Спустя 25 минут командующий армией приказал командиру бригады срочно подготовить силы и захватить г. Айгунь (35 км ниже Сахалина). Захват этого укрепленного сектора позволял создать вспомогательный плацдарм для наступления соединений и частей 2-й Краснознаменной армии на укрепленный сектор Ляньцзытунь и обеспечить поддержку наступавших частей огнем корабельной артиллерии. Переброска частей танковой бригады в Сахалин началась в 14 часов 20 минут. В дальнейшем Сахалинская переправа действовала вплоть до капитуляции Квантунской группировки войск. За период с 10 августа по 1 сентября здесь было перевезено: личного состава — 22 845, орудий и минометов — 429, танков и бронемашин — 277, автомашин — 1459, лошадей — 1574, боезапаса — 118 тонн, а также много других грузов⁵⁴.

Впоследствии Зeya-Бурейская бригада Амурской военной флотилии участвовала в захвате крупных узлов сопротивления в городах Айгунь, Цикэ и Мохэ.

Таким образом, в результате совместной операции, проведенной Зeya-Бурейской бригадой, частями 2-й Краснознаменной армии и 101-м пограничным укрепленным районом, все побережье Верхнего и Среднего Амура было очищено от противника, созданы плацдармы для дальнейшего наступления войск 2-го Дальневосточного фронта на цичикарском направлении, обеспечено свободное плавание по реке кораблям флотилии.

Отличительными чертами Сахалинской операции являются ее широкий размах и темп. Береговая черта протяженностью в 1500 км была очищена от противника в течение нескольких суток. Действия Зeya-Бурейской бригады свидетельствуют об отличном усвоении ее личным составом опыта Великой Отечественной войны, умении офицеров, старшин и матросов использовать в конкретных условиях боевой обстановки наиболее выгодные тактические приемы. Так, при организации сахалинской и константиновской переправ был использован богатый опыт Волжской военной флотилии (битва за Сталинград), Дунайской военной флотилии (Будапештская операция), Ладожской, Онежской и других озерных военных флотилий. Вместе с тем в действиях Зeya-Бурейской бригады отмечались и некоторые просчеты. Если бы во время ночного налета 10 августа была произведена более тщательная разведка, стало бы ясно, что плацдарм мог быть занят силами только корабельных десантов. Это сократило бы сроки операции не менее чем на 6–8 часов. Ничем не был оправдан и расчет на возможность прорыва бронекатеров в устье р. Гунбелаха.

В целом же четкая организация взаимодействия частей Зeya-Бурейской бригады речных кораблей между собой и с сухопутными частями, боевой порыв и героизм личного состава, стремившегося любой ценой выполнить поставленные задачи, способствовали быстрому достижению победы над врагом. Одним из ее определяющих моментов явилась также пра-

вильная организация боевой подготовки в предвоенный период, особенно в 1944–1945 гг., когда отрабатывались задачи, нашедшие в ходе боевых действий реализацию на практике.

18 августа 1945 г. командование разгромленной советскими войсками Квантунской группировки войск заявило о готовности капитулировать. Утром 20 августа все три бригады речных кораблей Амурской военной флотилии вошли в речной порт Харбина — крупнейшего города Маньчжурии с населением 650 тыс. человек — и участвовали в пленении и разоружении личного состава японской Сунгарийской военной флотилии.

Моряками Амурской военной флотилии были захвачены: четыре башенные канонерские лодки, девять бронекатеров, восемь сторожевых катеров, свыше 30 буксирных пароходов, 20 грузопассажирских пароходов и свыше 100 барж и других плавсредств⁵⁵.

С самого начала боевых действий Амурская военная флотилия полностью господствовала на всем речном театре. Захваченный врасплох противник не предпринял попыток к активным действиям своими речными силами в операционной зоне флотилии. Корабли японской Сунгарийской речной флотилии оставались в своей главной базе — Харбине.

Амурская военная флотилия обеспечила успешное форсирование войсками 2-го Дальневосточного фронта рек Амур, Уссури и Сунгари на всех операционных направлениях и своим артиллерийским огнем и высадкой тактических десантов содействовала наступлению соединений и частей 15-й и 2-й Краснознаменной армий в Сунгарийской и Сахалянской наступательных операциях.

Командующий войсками 2-го Дальневосточного фронта генерал М. А. Пуркаев высоко оценил боевые действия Амурской военной флотилии в Маньчжурской стратегической наступательной операции. В своем итоговом приказе по фронту он указывал: «Корабли и части флотилии на всех этапах войны с честью справились с поставленными перед ними боевыми задачами. Личный состав при выполнении боевых задач показал высокую воинскую выучку, дисциплинированность, отвагу и свою беспредельную преданность советскому народу»⁵⁶.

Тихоокеанский флот активно содействовал войскам 1-го Дальневосточного фронта в наступлении в сторону Северной Кореи, который силами 25-й армии в первый же день своего наступления в результате упорных боев разгромил японские части прикрытия и прорвал оборону противника в Приморье.

Японское командование, стремясь спасти свои войска от полного разгрома, пыталось отвести их в северокорейские базы и порты Юки, Расин, Сейсин, Одэжжин и Гензан (Вонсан), которые могли быть использованы для стабилизации фронта, подготовки контрнаступления или эвакуации войск в Японию. Чтобы лишить японцев такой возможности, советское командование поставило перед Тихоокеанским флотом задачу овладеть вышеуказанными базами и портами противника в Северной Корее. На первом этапе Военный совет Тихоокеанского флота принял решение захватить Юки, Расин и Сейсин с помощью морских десантов, используя для этой цели быстроходные корабли, в том числе торпедные катера, способные обеспечивать стремительность десантных действий.

Замысел командования флотом заключался в том, чтобы под прикрытием подводных лодок, развернутых у северного побережья Кореи, авиации и артиллерии сторожевых кораблей, используя быстроходные корабли, стремительно высадить морских пехотинцев непосредственно в северокорейские порты и внезапным ударом с моря захватить их. Последовательная высадка десантов с минимальными временными интервалами в Юки, Расин и Сейсин давала возможность советским морякам в ходе операции использовать освободившиеся японские базы для нанесения последующих ударов по более удаленным базам и портам противника на побережье Кореи.

Командование флотом приняло решение нанести по указанным базам и портам мощные воздушные удары с целью уничтожения сосредоточенных в них транспортных средств. Налеты авиации должны были сочетаться с набеговыми действиями торпедных катеров. В соответствии с этим решением командующий флотом адмирал И. С. Юмашев приказал командующему военно-воздушными силами флота генерал-лейтенанту авиации П. Н. Лемешко в течение

ночи на 10 августа самостоятельными действиями авиации уничтожить корабли в базах Юки и Расин, а с рассветом 10 августа прикрыть с воздуха торпедные катера 1-й бригады. Командиру 1-й бригады торпедных катеров было одновременно приказано произвести поиск и уничтожение кораблей противника в районе, ограниченном мысом Казакова — устьем р. Тумэнь-Ула, имея для поддержки в заливе Посьет один отряд торпедных катеров.

В общей сложности в период с 9 по 11 августа авиация Тихоокеанского флота совершила 552 самолето-вылета, в том числе 504 — на объекты портов Расин и Юки. Наиболее сильным бомбардировкам подверглись транспорты, береговые объекты и портовые сооружения в Расине. В этих налетах, составивших 418 самолето-вылетов, были задействованы 199 бомбардировщиков, 61 штурмовик и 158 истребителей. На объекты города и порта было сброшено около 1,5 тыс. различных авиационных бомб. В результате этих ударов, как отмечалось выше, было уничтожено и повреждено до 20 транспортов и других судов, которые неприятель мог использовать для переброски морем своих сухопутных сил. Авиация флота разрушила железнодорожную станцию, депо, железнодорожное полотно, причалы, склады, портовые сооружения, подавила огонь пяти зенитных батарей и двух мелкокалиберных батарей зенитной артиллерии, сбивла японский истребитель. За два дня авиация ТОФ потеряла над Расином восемь самолетов, из них шесть Ил-10 и по одному Ил-2 и Ил-4. Основные потери были от огня зенитной артиллерии противника.

В ночь на 11 августа была произведена разведка района залива Гашкевича и порта Юки торпедными катерами 3-го дивизиона 1-й бригады торпедных катеров. Два торпедных катера под брейд-вымпелом капитана 3 ранга С. Кострицкого в 1 час 32 минуты вышли из гавани Силач и в 4 часа 20 минут вошли в залив Гашкевича. Сила ветра и состояние моря оценивались в 2 балла, видимость — нулевая. Около 5 часов утра катера вошли в порт Юки. Здесь никакого движения противника не наблюдалось. В городе было обнаружено шесть очагов пожара, в порту на фоне огня хорошо просматривались затопленные (или поврежденные) транспорты. Один из них стоял в середине акватории порта. Два других — у причала слева от входа в гавань. В результате разведки был сделан вывод о том, что залив Гашкевича и порт Юки покинуты противником и высадка может быть проведена без серьезных помех.

В 15 часов 11 августа из бухты Новик (о. Русский) первая группа первого броска десанта вышла на двух торпедных катерах. Через два часа также на двух торпедных катерах вышла вторая группа. Переход обеих групп проходил при юго-восточном ветре в 5 баллов и волнении моря в 4 балла. К 19 часам 10 минутам разведчики достигли порта Юки и высадились. Здесь они установили, что оборона порта и города подавлена действиями советских бомбардировщиков, и войска, предназначенные для обороны базы, еще 10 августа были выдвинуты японским командованием в северном направлении на удаление 10–15 км от города для поддержки отходивших частей.

Таким образом, задача по овладению портом Юки была решена десантом успешно, без каких-либо потерь с его стороны. Этому способствовали эффективные предварительные действия авиации и торпедных катеров, сломившие сопротивление неприятеля, деморализовавшие его и вынудившие покинуть Юки еще до того, как им овладели десантники. В свою очередь, высадка обеспечила быстроту продвижения сухопутных частей, которые, не задерживаясь в Юки, устремились к Расину. Занятие порта Юки позволило командованию Тихоокеанского флота перебазировать в него 13 торпедных катеров и сразу же приступить, упредив сухопутные войска, к высадке десанта в Расине.

Для высадки в этот порт десанта численностью около 1 тыс. морских пехотинцев были выделены фрегат, два тральщика, два больших охотника, шесть сторожевых катеров и два торпедения первого броска десанта должны были доставить в порт Расин первая и вторая группы кораблей, состоявших из двух больших охотников и двух торпедных катеров. Третья группа, в которую вошли сторожевой корабль ЭК-5, два тральщика типа АМ и шесть сторожевых катеров, предназначалась для высадки основных сил десанта. Задачи тактической разведки, прикрытия десанта на переходе морем и поддержки его действий на берегу были возложены на авиацию флота. Командиром высадки был назначен капитан

1 ранга Е. Е. Полтавский, начальником штаба — З. В. Еремеев. Общее руководство действиями по захвату порта Расин оставил за собой командующий флотом адмирал И. С. Юмашев.

И при высадке десанта, и при дальнейшем использовании порта Расин серьезным препятствием для кораблей Тихоокеанского флота и судов являлась минная опасность. Всего с 12 июля по 11 августа самолеты 20-го бомбардировочного командования США поставили у портов Расин, Сейсин и Гензан 780 неконтактных мин⁵⁸.

12 августа в 15 часов 20 минут подорвались на mine ТКА-568 и ТКА-567. Взрыв произошел, когда торпедные катера выходили из Расина для следования в бухту Улисс, имея на борту снятый с Расина разведывательный отряд. Предполагалось, что торпедные катера взорвались на акустической mine. ТКА-568 получил серьезные повреждения, кроме того, взрывной волной были выброшены за борт и утонули два человека из состава разведотряда. Второй катер получил незначительные повреждения. Этим, однако, дело не ограничилось. 13 августа в 12 часов 58 минут взорвалась mine за кормой ТЩ-279, следовавшего к острову Масеми для несения дозора. Поврежденный тральщик не получил, но все же к нему были направлены два катера, а сам он встал на якорь.

Взрывы мин должны были не просто насторожить, а потребовать принятия срочных эффективных мер противоминной обороны. Между тем сделано это не было до тех пор, пока на следующий день вновь не подорвались корабли и транспорты. 14 августа в 12 часов двум тральщикам (ТЩ-279 и ТЩ-281) было приказано открыть артиллерийский огонь для поддержки высадки десанта на остров Хам. При выполнении этой задачи в 12 часов 55 минут ТЩ-279 подорвался одновременно на трех минах. Корабль потерял ход, вышли из строя рулевое управление, навигационное оборудование и радиоаппаратура. Имелись потери в личном составе: двое убитых, двадцать тяжелораненых и семь человек, получивших легкие ранения. Корабль был отбуксирован к молу.

Только после этого приняли чрезвычайные и экстренные меры по борьбе с минами. Прежде всего 16 августа в 11 часов 20 минут было дано оповещение по флоту о том, что ввиду минной опасности бухта Расин закрыта для плавания кораблей и судов. Перевозка грузов в это время должна была осуществляться морем до порта Юки, а затем по суше на Расин. Одновременно был сформирован специальный отряд траления в составе пяти тральщиков, трех катеров-тральщиков, двух сетевых заградителей («Зея» и «Бурея»), тралбаржи и самоходной станции размагничивания.

Несмотря на принятые меры, при овладении Расином на минах подорвался и затонул торпедный катер, получили повреждения тральщик, два транспорта, танкер и сторожевой катер, в течение длительного времени не было возможности использовать порт. Только 29 августа было закончено траление фарватера в бухте Расин, где торпедные катера уничтожили 116 неконтактных мин, и порт открыли для плавания всех судов. Таким образом, была успешно решена задача по овладению портом и городом Расин. Этому в значительной степени способствовали эффективные действия авиации, стойкость и мужество моряков-десантников.

Овладев портами Юки и Расин, Тихоокеанский флот сразу же приступил к захвату крупного и важного узла обороны противника — города и порта Сейсин, который был хорошо укреплен и имел сильный гарнизон, насчитывавший, по оценкам, не менее дивизии. Поэтому командование флота для овладения этим портом, использовавшимся в качестве военно-морской базы, выделило силы более крупные, чем для взятия Юки и Расина.

Рано утром 11 августа, когда завершились последние приготовления к высадке десанта в порты Юки и Расин, командующий Тихоокеанским флотом получил директиву главного командующего советскими войсками на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского об организации десанта в Сейсин. Эта директива предписывала к исходу 11 августа подготовить морской десант в составе 335-й стрелковой дивизии и 13-й бригады морской пехоты для высадки в Сейсин. Указывалось, что одновременно на Юки и Расин будет наступать стрелковый корпус.

В 7 часов 35 минут это предписание было продублировано телеграммой Военного совета 1-го Дальневосточного фронта. Выход десанта назначался по особому указанию команду-

Корабли Тихоокеанского флота в боевом походе

ющего войсками фронта. В телеграмме предлагалось соображения и расчеты по операции представить в Военный совет 1-го Дальневосточного фронта телеграфом к 10 часам 11 августа.

Неожиданно для тихоокеанцев на следующий день директива о высадке морского десанта в Сейсин телеграммой маршала К. А. Мерецкова была отменена⁵⁹, однако Военный совет Тихоокеанского флота, исходя из конкретных условий обстановки, считал необходимым продолжить подготовку к высадке. Маршал А. М. Василевский согласился с этим мнением⁶⁰.

Ввиду особого значения для противника Сейсина, которое резко повышалось в сложившейся обстановке, при захвате порта можно было ожидать серьезного противодействия японцев. Именно из этого первоначально и исходил штаб Тихоокеанского флота при разработке и подготовке операции, рассчитывая овладеть Сейсином, высадив десант оперативного масштаба. Это подтверждается рядом документов, в том числе оперативным приказом № 31/оп, который был принят и подписан Военным советом ТОФ еще утром 11 августа. В этом приказе предусматривалось провести высадку в Сейсине 13-й бригады морской пехоты и 335-й стрелковой дивизии с боевых кораблей, быстроходных десантных судов и транспортов. Она должна была обеспечиваться многочисленной разнородной авиацией флота и кораблями отряда легких сил. Общее руководство операцией командующий флотом адмирал И. С. Юмашев брал на себя. В соответствии с этим приказом развернулась широкая подготовка к операции. Уже 11 августа к пунктам посадки в районе главной базы были подтянуты и частично посажены на транспорты десантные войска.

Командующий флотом адмирал И. С. Юмашев в ночь на 12 августа на лидере «Тбилиси» вышел из Владивостока в Хасан, чтобы на месте лично проверить готовность к решению задач по высадке десантов.

Однако по мере нарастания усилий по разгрому противника и в расчете на то, что флот уже имел опыт десантных действий в северных портах Кореи, штаб флота пришел к ошибочному мнению, что высадка в Сейсине, как и высадка в Юки и Расине, не встретит серьезного сопротивления, а поэтому полагал, что решить задачу можно будет силами одного разведывательного отряда и роты автоматчиков, которые ранее высаживались в Юки и Расине. Военный совет Тихоокеанского флота решил высадить десант с быстроходных кораблей, катеров и десантных судов непосредственно в порт, на причалы и пирсы. Высадку должны были предварить удары авиации по огневым точкам и оборонительным сооружениям порта и города, внезапные атаки торпедных катеров по находившимся в порту вражеским транспортам с целью предотвращения попыток японцев использовать Сейсин для перевозок. Однако эти расчеты оказались поспешными, и для овладения Сейсином потребовались значительно большие силы.

Важная, если не решающая роль при овладении Сейсином выпала на долю авиации флота, действия которой фактически начались еще до решения о высадке десанта. С 9 по 10 августа включительно морская авиация серией ударов по порту (было сделано 63 самолето-вылета) лишила противника возможности использовать Сейсин для перевозок и базирования своих сил⁶¹, а 11–17 августа поддерживала десант, уничтожая живую силу и технику неприятеля.

12 августа в 11 часов 20 минут четыре торпедных катера под командованием капитана 3 ранга С. П. Кострицкого вышли из бухты Троицы в порт Сейсин с задачей разведать обстановку в порту, выявить наличие в нем вражеских кораблей и транспортов, расположение оборонительных объектов. В 20 милях южнее мыса Колокольцева катера легли в дрейф в ожидании сумерек, но были обнаружены неприятельским самолетом, с которым вступили в бой. В 20 часов 30 минут со скоростью 12,5 узла они вошли в порт Сейсин. Вскоре капитан 3 ранга Кострицкий доложил, что двухчасовое обследование порта не встретило организованного сопротивления со стороны противника, японских надводных кораблей и транспортов не обнаружено, за исключением одного поврежденного судна. С получением этого донесения командование флота приняло решение произвести разведку боем на большую глубину обороны Сейсина и в случае благоприятной обстановки закрепиться. Выполнение этой задачи возлагалось на первый бросок десанта в составе 140-го разведывательного отряда и

роты автоматчиков 390-го отдельного батальона морской пехоты. При этом имелось в виду усилить высаженный на берег первый бросок ротой 62-го пулеметного батальона.

На рассвете 13 августа шесть торпедных катеров под командованием капитан-лейтенанта В. И. Марковского вышли из бухты Новик, имея на борту личный состав первого броска (181 человек) и полный запас торпед и бомб.

Разведотряд Героя Советского Союза старшего лейтенанта В. Н. Леонова, разделенный на две группы, встретил ожесточенное сопротивление и попал в окружение. Особенно в тяжелом положении оказались разведчики группы, возглавляемой самим В. Н. Леоновым: у них уже кончился боезапас, а японцы продолжали яростные атаки. На случай своей гибели отважные разведчики написали письмо: «Дорогие товарищи, мы, моряки отряда Леонова — старший санинструктор Тарасов, краснофлотец Ермаков, краснофлотец Кедяров, краснофлотец Кальниченко, краснофлотец Баев, краснофлотец Грищенко — выполнили свою задачу... Мы умираем, но знаем, что за нас отомстят. Прощайте, товарищи, помните о нас»⁶². Но разведчики не погибли, им удалось прорваться из окружения и соединиться со своим отрядом.

В ночь на 14 августа в Сейсин прорвался отряд кораблей, возглавляемый командиром дивизиона фрегатов капитаном 3 ранга М. Г. Быкаловым, в составе сторожевого корабля ЭК-2 и ТЩ-278 (типа АМ), которыми командовали соответственно капитан-лейтенант Л. С. Миронов и старший лейтенант С. И. Попов, и утром высадил в порт первый эшелон десанта в составе 355-го отдельного батальона морской пехоты (710 человек) во главе с майором М. П. Бараболько. 14 августа в 5 часов 40 минут корабли с десантом вошли в порт Сейсин и приступили к высадке морской пехоты, которая была закончена в 6 часов 10 минут. На берегу оказалось много не выявленных ранее огневых точек, которые вели интенсивный огонь по десантникам.

В крайне тяжелый момент боев за Сейсин общее руководство высаженными подразделениями морской пехоты, корабельным десантом и кораблями поддержки приняли на себя командир бригады сторожевых кораблей капитан 3 ранга М. Г. Беспалов и начальник штаба бригады капитан 3 ранга Б. Д. Яшин, которые серией донесений командованию Тихоокеанского флота показали всю сложность положения десантников и потребовали срочно выслать поддержку.

В целях облегчения положения десантников до того, как они получат подкрепление, Военный совет Тихоокеанского флота решил прервать сообщения, в первую очередь железнодорожное, сейсинской группировки противника с Рананским укрепленным районом и г. Фуней, расположенным северо-восточнее Сейсина. Добиться этого предполагалось действиями бомбардировочной авиации. 13 августа в 17 часов 50 минут 30 самолетов Пе-2 под прикрытием 20 самолетов Як-9 вылетели на бомбардировку боевых порядков японских войск, но вследствие сплошной низкой облачности в районе целей через 40 минут возвратились на свои аэродромы⁶³.

В это критическое для десантников, отражавших натиск превосходящих японских сил, время штаб Тихоокеанского флота принимал срочные меры по скорейшему разгрому врага. Прежде всего активизировались действия авиации. Однако решающей мерой должна была явиться высадка 13-й бригады морской пехоты (командир бригады генерал-майор В. П. Трушин). Еще 10 августа бригада без артиллерийских и минометных дивизионов и без тылов сосредоточилась на острове Русский, где в течение трех суток доукомплектовывалась и пополнялась. 13 августа в 21 час командир бригады получил задачу высадить основные силы бригады в порту Сейсин, закрепиться и удерживать его до подхода войск 1-го Дальневосточного фронта.

Постановка задач, посадка и переход десанта проводились в крайне ограниченное время, однако все делалось четко и организованно. В состав высаживаемых в первую очередь основных сил десанта было выделено пять батальонов, роты противотанковых ружей, ПВО, связи, разведывательная, медико-санитарная, инженерная и саперная. Во вторую очередь высаживались два артиллерийских, минометный дивизионы, автомобильная рота и тыловые части бригады. Общая численность десанта составляла свыше 5 тыс. человек⁶⁴.

15 августа к 3 часам 25 минутам десантный отряд был на подходе к Сейсину, а через час началась высадка групп майора М. П. Бараболокко и начальника разведки ТОФ полковника А. З. Денисина, сопровождавшаяся огневой поддержкой корабельной артиллерии и подавлением огневых точек противника, противодействовавшего высадке второго эшелона.

По окончании высадки все десантные суда в сопровождении трех фрегатов и двух тральщиков, а затем и корабли М. Г. Беспалова вышли во Владивосток. В Сейсине остались с задачей огневой поддержки десанта фрегат, два сторожевых корабля и поврежденный большой охотник.

Высадившиеся первыми штурмовые группы при поддержке артиллерийского огня кораблей сломали сопротивление противника, уничтожили его отдельные огневые точки в районе порта и к 6 часам завязали бой за город.

Подошедшие части 13-й бригады морской пехоты совместно с 355-м отдельным батальоном морской пехоты и ротой 62-го отдельного пулеметного батальона к 8 часам овладели первой линией обороны противника и подошли ко второй линии, на которой располагались основные его силы и имелось большое количество инженерных сооружений⁶⁵. Оборона японцев в Сейсине осуществлялась укрепленным районом, созданным на окружающих его высотах. Фланги представляли собой систему дотов и дзотов, траншей, ходов сообщений, блиндажей и складов с боеприпасами.

15 августа в 19 часов 05 минут 12 самолетов Пе-2 55-го отдельного авиаполка, ведомые Героем Советского Союза майором Ф. Н. Радусом, под прикрытием 10 самолетов Як-9 19-го авиаполка с высоты 2000 м с горизонтального полета звеньями атаковали станцию и железнодорожный городок Хокодо в Сейсине. По наблюдениям экипажей и фотоснимкам были отмечены разрывы бомб на железнодорожной станции, в районе железнодорожного городка и примыкающих к нему кварталов. Бомбардировка объектов в Сейсине оказывала существенную помощь десанту, к тому же она непосредственно поддерживала морских пехотинцев, атакуя живую силу и технику противника на обороняемых им рубежах.

15 августа днем командир 1-й бригады торпедных катеров, чтобы заставить японцев прекратить обстрел кораблей, приказал оперативно подчиненной ему 63-й отдельной авиаэскадрилье уничтожить огневые точки противника в Сейсине. В 19 часов два МБР-2 сбросили бомбы на вражескую батарею на мысе Колокольцава. Возвращаясь на аэродром, один самолет в условиях низкой видимости разбился в районе мыса Гамова.

В разгаре боев в ночь на 16 августа генерал В. П. Трушин запросил разрешение командующего флотом на то, чтобы в 7 часов был произведен бомбовый удар по железной дороге северо-западной окраины железнодорожного городка и по центру Хокодо. Задача нанесения массированного бомбового удара по сопротивлявшимся в районе железнодорожной станции и на западной окраине города частям неприятеля была возложена командующим военно-воздушными силами ТОФ генералом П. Н. Лемешко на 2-ю и 10-ю авиадивизии. Самолеты одной только 10-й авиадивизии 15 и 16 августа произвели 345 боевых вылетов, сбросив бомбы на укрепления, боевые порядки и скопления живой силы и боевой техники противника в порту и городе Сейсине, на железнодорожных станциях Ранан и Фуней. В результате ударов авиации флота по Сейсину был поврежден досаждавший десанникам бронепоезд, отмечены попадания бомб в расположение войск, разрушена железнодорожная станция.

Удары по противнику с воздуха дополнялись действиями корабельной артиллерии. 16 августа с 15 часов минный заградитель «Аргунь» перенес огонь на здание электростанции, где засели японцы. С 16 часов 20 минут эскадренный миноносец «Войков», сторожевые корабли «Метель» и «Вьюга», а также минный заградитель «Аргунь» обстреляли металлургический завод и скопление войск противника в районе жиркомбината. Всего в период с 14 по 16 августа корабли (в общей сложности более 10 единиц) провели свыше 65 стрельб по береговым целям, в результате которых было уничтожено до двух батальонов японской пехоты, 13 огневых точек, восемь дзотов, различная боевая техника, разрушен шоссе мост, подавлены две зенитные 75-мм батареи, 13 артиллерийских и минометных батарей и более 15 огневых точек, неоднократно подавлялись светящиеся прожекторы, были рассеяны

до трех рот пехоты и отдельные колонны, поврежден бронепоезд противника. Особенно отличился фрегат ЭК-9, которым командовал капитан-лейтенант В. В. Михайлин, ставший впоследствии адмиралом⁶⁶. Авиация флота произвела в этот же период 429 самолето-вылетов для нанесения по японским позициям бомбштурмовых ударов⁶⁷.

В результате совместных действий частей морской пехоты, авиации и кораблей Тихоокеанского флота военно-морская база Сейсин во второй половине 16 августа была в основном очищена от противника. На следующий день в 11 часов десантники, действовавшие на западной окраине железнодорожного городка, соединились с передовым отрядом 393-й стрелковой дивизии 1-го Дальневосточного фронта, шедшей на Ранан. К исходу дня дивизия вошла в Сейсин⁶⁸.

17 августа в 14 часов 25 минут генерал В. П. Трушин доложил военному совету ТОФ о том, что Сейсин полностью занят. В боях за Сейсин японцы потеряли убитыми, ранеными и пленными более 3 тыс. солдат и офицеров (в том числе около 2 тыс. убитыми), два самолета и 27 транспортов и танкеров, находившихся в порту⁶⁹. У десантников после высадки частей усиления второго эшелона потерь не было.

Сейсинская десантная операция имела, несмотря на общий успех, ряд серьезных недочетов, главный из которых — чрезмерно растянутая по времени высадка войск, связанная с недооценкой командованием флота способности гарнизона Сейсина к сопротивлению и недостатком времени на подготовку операции. Нарастивание сил происходило крайне медленно, что ставило высадившиеся войска в крайне тяжелое положение. Недостаточно была организована и противоминная оборона кораблей.

Освободив Сейсин, моряки-тихоокеанцы и части сухопутных войск вышли в тыл основным силам правифланговой группировки отходивших японских войск. В руках советских войск оказались прибрежная линия сообщений противника и конечные пункты всех железных дорог в Северной Корее — Юки, Расин и Сейсин.

Остатки разгромленных в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции японских войск могли покинуть Корею только через находившиеся в зоне ответственности вооруженных сил США порты Одэжжин и Гензан, что требовало их нейтрализации. Однако эти порты все еще были в руках противника, поэтому 18 августа маршал А. М. Василевский принял решение о переносе линии разграничения боевых действий вооруженных сил СССР и США в Корею с параллели 40 градуса на параллель 38 градуса⁷⁰, что не противоречило ранее достигнутым договоренностям союзников.

Таким образом, Тихоокеанский флот, развернув наступательные боевые действия на приморском направлении, в течение 10 дней овладел с помощью десантов японскими базами и портами Юки, Расин, Сейсин, Одэжжин и Гензан, выполнив тем самым поставленную перед ним задачу по содействию сухопутным войскам в освобождении Северной Кореи.

Войска НКВД в период войны с милитаристской Японией выполняли ответственные задачи по охране советской границы, тыла 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Дальневосточной и Приморской железных дорог, конвоированию военнопленных. Охрана тыла действующей армии на Дальнем Востоке была организована по такому же принципу, что и на фронтах войны против немецких захватчиков, но имела ряд особенностей. Руководящими органами охраны тыла были оперативные группы на Забайкальском, 1-м и 2-м Дальневосточных фронтах, в подчинение которых выделялись внутренние и пограничные войска, а общее руководство осуществляла оперативная группа войск НКВД при главнокомандующем советскими войсками на Дальнем Востоке.

Заблаговременно на Дальний Восток наряду с частями и соединениями Красной армии была переброшена 3-я стрелковая дивизия внутренних войск, дислоцированная ранее в Средней Азии. Части этой дивизии обеспечивали безопасность тыла 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов.

Пограничные войска НКВД с первых минут развертывания Маньчжурской стратегической наступательной операции участвовали в прорыве передовых линий японской обороны,

а остальные войска во взаимодействии с ними и боевыми частями действующей армии вели борьбу с сопротивляющимися подразделениями, диверсионными группами противника на территории Маньчжурии, задерживали и разоружали японских солдат и офицеров, помогали военным комендатурам в охране порядка, организации местного самоуправления, несли гарнизонную службу. Немаловажную роль сыграли в войне с милитаристской Японией войска НКВД по охране железных дорог.

Непосредственное участие в разгроме Квантунской группировки противника принимали войска НКВД Забайкальского, Хабаровского и Приморского пограничных округов, переданных в оперативное подчинение командованию действующей армии (соответственно генералы П. И. Зырянов, А. А. Никифоров, И. Н. Шишкарев). При этом около двух третей частей и соединений округов действовали в составе армейских объединений или решали боевые задачи самостоятельно. Остальные части обеспечивали охрану и оборону границы на межоперационных направлениях, прикрывали стыки и открытые фланги войск, вышедших в исходное положение для наступления, совместно с личным составом укрепленных районов уничтожали диверсионные, разведывательные и войсковые группы противника, вели борьбу со шпионами и диверсантами. При всем многообразии решаемых задач охрана государственной границы оставалась для пограничников первоочередной, ставшей важной составной частью наступательной операции советских войск.

В ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции специально созданные из пограничников отряды нападения и оперативные группы уничтожали полицейские пограничные кордоны и передовые вражеские гарнизоны на операционных и межоперационных направлениях и тем способствовали успешному наступлению войск Красной армии.

В период боевых действий на территории Маньчжурии пограничные войска дальневосточных округов уничтожили 222 погранполицейских отряда, кордона и поста, 33 гарнизона, семь узлов сопротивления и четыре опорных пункта. Они заняли 191 населенный пункт, в том числе приняли активное участие в овладении городами Сахалин, Айгунь, Мохэ, Оупу⁷¹.

На всех фронтах в составе передовых отрядов действовали пограничники, хорошо знавшие местность и сложившуюся обстановку. Вот как описывались в газете 1-го Дальневосточного фронта действия пограничников в районе Волынского узла сопротивления неприятеля: «В ту ночь даже зверь не вылез из своей норы, потоки воды лились с неба. Гроза дикая, какая бывает только в Приамурье, неистовая, грохочущая бушевала над фронтом, и в этот час наш солдат начал штурм... Впереди ползли пограничники, знавшие тайные тропы к вражеским дотам. Они тянули за собой веревки, за них держалась пехота, чтобы не сбиться с пути. Японцы не слышали ничего, штурм нахлынул на них в раскатах грома, в сверкании молний... Штурмовые группы... застали японцев врасплох. Гранаты! Рукопашные схватки во мгле! Бетон преодолели без помощи пушек. В первые бреши рванулась пехота...»⁷²

Пограничники-дальневосточники, проявляя мужество и героизм, действовали смело и решительно. Так, 9 августа ефрейтор 6-й заставы Нерзаводского погранотряда Я. В. Перфишин огнем из автомата уничтожил восемь вражеских солдат и офицеров, в том числе расчет ручного пулемета. Несмотря на тяжелое ранение, он до последнего продолжал вести огонь. Имя ефрейтора Я. В. Перфишина присвоено заставе, на которой он служил.

В тот же день пограничник заставы Сопочная Хасанского погранотряда младший сержант П. И. Овчинников первым ворвался в расположение японского погранполицейского поста. Вражеские солдаты, укрывшиеся в одном из дотов, открыли огонь из пулемета. Тогда отважный воин бросился с противотанковой гранатой к доту. Огневая точка врага была уничтожена, но Овчинников получил смертельное ранение. Герой-пограничник спас жизнь многим своим товарищам и способствовал успешному выполнению боевого задания⁷³.

При помощи пограничников было захвачено большое число вражеских разведывательных и контрразведывательных пунктов, что не позволило японской разведке развернуть активную подрывную деятельность в тылу нашей действующей армии. На территории Маньчжурии пограничные части обезвредили 826 агентов противника. Пограничники уничтожали оставшиеся на флангах и в тылу наступающих войск неподавленные очаги сопротивления врага,

диверсионно-бандитские группы, которые выходили на коммуникации советских войск и нападали на подразделения, штабы. За время боев они ликвидировали 51 диверсионно-бандитскую группу и 33 войсковые группы численностью от 10 до 150 человек каждая.

Речные пограничные дивизионы оказывали армейским частям содействие в преодолении рек и других водных преград. Они перебросили на вражеский берег около 27 тыс. бойцов и офицеров, большое количество техники, боеприпасов и других грузов.

Активно действовали в период наступательных операций авиационные и морские части пограничных войск. Летчики четырех авиационных полков пограничных округов вели боевую разведку, помогали наземным войскам уничтожать погранполицейские гарнизоны и вооруженные группы противника, поддерживали связь с оперативно-войсковыми группами пограничников, перебрасывали личный состав и грузы в районы боевых действий. За время операции они произвели 531 самолето-вылет, в том числе 355 — на разведку и штурмовые действия.

Пограничные корабли и катера помогали войскам в овладении корейским портом Расин, городами и населенными пунктами, расположенными по берегам Амура и Уссури, а в ходе Южно-Сахалинской наступательной и Курильской десантной операций участвовали в высадке Тихоокеанским флотом десантов на Южный Сахалин и Курильские острова. Кроме того, они вели разведку, несли службу охранения, конвоя, перевозили личный состав.

Важной задачей пограничников была организация и несение комендантской службы на территории Маньчжурии. Они составляли основу военных комендатур, организуемых для поддержания прифронтового режима, порядка среди гражданского населения, оказания помощи вновь созданным органам местной власти, ликвидации бандитских групп и диверсантов. Чтобы не допустить проникновения вражеской агентуры, незаконного ввоза в СССР контрабандных материалов, на государственной границе была введена контрольно-пропускная система. Хабаровский пограничный округ, например, создал восемь контрольно-пропускных пунктов численностью до 22 человек каждый. КПП сыграли положительную роль в охране границы. Они служили надежным заслоном от всякого рода происков, навели строгий порядок в передвижении частей, подразделений и отдельных военнослужащих, а также транспорта и грузов через государственную границу.

Решали пограничные войска и другие присущие им задачи. Как отмечал Маршал Советского Союза А. М. Василевский, «пограничники внесли немалый вклад в дело разгрома японского агрессора. В час, когда Родина позвала советские войска покончить навсегда с разбойничьим японским империализмом, пограничники Забайкальского, Хабаровского и Приморского округов по приказу командования первыми обрушились на врага и в короткий срок ликвидировали большинство пограничных полицейских кордонов и мелких гарнизонов японцев... Ставя перед погранвойсками Дальнего Востока боевые задачи, командование твердо верило, что они выполнят их отлично»⁷⁴.

Боевые действия погранвойск получили высокую оценку советского правительства и Верховного главнокомандования. Свыше 3 тыс. пограничников были награждены орденами и медалями Советского Союза. Орденов были удостоены 13 пограничных частей, а ряду частей присвоены почетные наименования⁷⁵.

Непосредственное участие в боевых действиях против японских милитаристов и в обеспечении успешных операций Красной армии на Дальнем Востоке принял личный состав 27-й дивизии войск НКВД в составе 63, 71, 72, 107-го полков, 37-го и 48-го отдельных бронепоездов, дивизионной школы сержантского состава; 29-й дивизии войск НКВД в составе 67-го и 68-го полков, 4-го отдельного батальона, 41-го и 43-го бронепоездов, дивизионной школы сержантского состава; 32-й бригады войск НКВД в составе 70-го полка, 7-го и 22-го батальонов, 38-го и 40-го бронепоездов, бригадной школы сержантского состава и 33-й горнострелковой бригады⁷⁶.

Войска НКВД по охране тыла фронтов на Дальнем Востоке при выполнении задач нередко сталкивались с группами противника в тылу советских войск. Личный состав показал при этом высокое профессиональное мастерство, проявил самоотверженность, мужество и

отвагу. Так, 2-й батальон 289-го стрелкового полка при прочесывании местности в районе северо-западнее г. Таньюань встретился с группой вражеских войск численностью свыше тысячи человек. В течение 6-часового боя батальон разгромил врага. Японцы потеряли свыше 300 солдат и офицеров. В период с 5 по 9 сентября 1945 г. 3-й батальон (командир капитан Г. К. Богадистый) 26-го стрелкового полка северо-западнее г. Муданьцзян разгромил три группы солдат противника общей численностью 550 человек⁷⁷.

Всего же за период с 20 августа по 17 сентября 1945 г. подразделения и отдельные разведгруппы внутренних войск имели 11 боестолкновений с отрядами японских войск. В результате были уничтожены 612 солдат и офицеров противника, взяты в плен 575 человек, захвачены три миномета, четыре ручных пулемета, два пистолета, семь клинков, несколько сотен винтовок и большое количество боеприпасов⁷⁸.

Большое значение имела служебно-боевая деятельность конвойных войск, которые проявили себя с самой лучшей стороны. В ходе боевых действий в геометрической прогрессии росло число военнопленных противника, общее количество которых превысило 640 тыс. человек. Одним из примеров того, как строилась работа с ними в первые часы и дни пленения, является деятельность по приему военнопленных и организации их обустройства в пунктах приема и последующему размещению во временных лагерях на хуньчунском направлении (территория Маньчжурии) штаба охраны войскового тыла (ОВТ) 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта и выделенного им конвоя. Понеся потери, здесь капитулировала 112-я японская пехотная дивизия. К исходу 16 августа 1945 г. штаб ОВТ 25-й армии получил распоряжение вывести военнопленных из района боевых действий в тыл. Конвоем из состава войск НКВД надлежало прибыть на командный пункт 386-й стрелковой дивизии к 7 часам утра 17 августа.

Штаб ОВТ выделил конвой в составе 60 человек (из них 10 офицеров) во главе с капитаном А. Пидуновым. На вооружении имелись три ручных пулемета, 38 автоматов, 19 винтовок, по две ручные гранаты у каждого военнослужащего⁷⁹. В штабе 386-й стрелковой дивизии капитан А. Пидунов был информирован о том, что по условиям капитуляции японская дивизия в полном составе должна прибыть к 8 часам утра 17 августа с оружием и обозом на пункт приема и разоружения (высота 516,0). Среди военнопленных могли быть женщины, легкораненые и больные. На конвой возлагалась задача разоружить и эвакуировать военнопленных на пункт сосредоточения (в 8 км от пункта приема) к р. Тумыньцзян (Тюмень-Ула), а затем в тыл. Эвакуацию надлежало производить по шоссе Мицзянтунь — Хуньчунь, а принятое оружие и имущество передать комиссии по сбору и учету трофейного оружия и имущества 386-й стрелковой дивизии.

17 августа в 7 часов 50 минут на пункт разоружения прибыли заместитель командира 112-й пехотной дивизии полковник И. Нисидзаки со своим штабом и около тысячи солдат и офицеров. Из его доклада стало известно, что вся дивизия двигается по дороге к пункту разоружения, а командир дивизии застрелился.

Начальник конвоя через переводчиков объявил порядок разоружения и этапирования личного состава японской дивизии. Вначале разоружение и эвакуация проходили без каких-либо трудностей, однако вскоре выяснилось, что командование дивизии не дало четких и строгих указаний о капитуляции и не только затягивало ее, но и скрытно противодействовало. Так, в 8 часов 40 минут явились делегаты от командиров батальонов японской дивизии договариваться об условиях капитуляции. Начальник конвоя потребовал от командования дивизии беспрекословного и быстрого выполнения условий капитуляции, а делегатам установил жесткие сроки прибытия подразделений на пункт сдачи оружия.

Большую настойчивость, упорство и распорядительность проявили офицеры и сержанты конвоя. Несмотря на трудности конвоирования, сильную жару, пыль, отсутствие питьевой воды, весь личный состав выполнял свои обязанности четко, с полным напряжением физических и моральных сил. Особенно отличились группы младших лейтенантов Андреева и Хоменко, которые в трудных условиях отконвоировали по четыре группы по 500–600 человек в каждой. При протяженности маршрута 8 км эти группы прошли пешком свыше 60 км.

Разоружение японской дивизии и сосредоточение ее севернее Шаншуйваньцзы было закончено к 20 часам 17 августа. Всего было принято 6228 военнослужащих, в том числе офицеров — 200, унтер-офицеров — 597, солдат — 5399 и женщин — 32; изъято автомашин — 28, повозок — 485, лошадей — 780, много различного оружия, боеприпасов и другого военного имущества. Вскоре капитан А. Пидунов получил распоряжение отконвоировать военнопленных на временный дивизионный пункт в район аэродрома Хуньчунь, расположить бивуаком и охранять их до особого распоряжения.

С прибытием колонн конвой стал выполнять функции войсковой охраны лагеря. Обстановка была весьма сложной: темная ночь и туман сокращали видимость не далее 20 м, средств для освещения бивуака не было, ограждение отсутствовало, сил и средств для охраны не хватало, а личный состав был сильно переутомлен. В окрестностях Хуньчуна действовали мелкие диверсионные группы смертников, которые нападали на наших военнослужащих и транспорт, совершали диверсии на коммуникациях, а в ночь на 16 и 17 августа обстреляли наши самолеты на аэродроме⁸⁰.

Ночью 18 августа вооруженная группа диверсантов из 15 солдат во главе с офицером обстреляла аэродром с западной стороны и одновременно открыла огонь по охране лагеря с целью завязать перестрелку между охраной аэродрома и лагеря, а затем совершить налет и освободить военнопленных. Благодаря распорядительности начальника охраны, дисциплинированности, выдержке и стойкости личного состава этот план противнику осуществить не удалось.

С рассветом силами военнопленных была обозначена граница лагеря, за черту которой запрещалось выходить. Из числа японских унтер-офицеров назначили ответственных лиц за поддержание установленного и объявленного режима и порядка на бивуаке, осуществления надзора за работами военнопленных по благоустройству лагеря. Группа успешно охраняла временный лагерь до 23 августа 1945 г., а затем по приказу начальника ОВТ 25-й армии передала по акту всех военнопленных для их дальнейшей охраны роте 108-го укрепленного района. Несмотря на все трудности, среди личного состава конвоя потерь не было.

Приведенный пример представляет интерес тем, что небольшое по численности подразделение в сложной обстановке и в короткий срок разоружило японскую пехотную дивизию, успешно отконвоировало военнопленных из района боевых действий в пункт сбора и на дивизионный пункт, обеспечило надежную охрану бивуака, ликвидировало нападение на охрану и пресекло попытки к бегству. Все это стало возможным благодаря умелому подбору личного состава конвоя, его высокой подготовке.

Успешному выполнению задачи способствовали настойчивость и решительность действий начальника конвоя при разоружении и регулировании движения по маршруту, четкая организация службы при конвоировании, взаимодействие между всеми группами конвоя, своевременная подготовка бивуака для приема военнопленных, целесообразное размещение различных контингентов на самом бивуаке, удачное распределение сил и средств охраны, взаимодействие между постами охраны и охраной аэродрома, умелое маневрирование резервом.

В целом, успешная боевая и служебная деятельность войск НКВД содействовала разгрому Квантунской группировки войск, ликвидации последнего очага войны на Дальнем Востоке.

Итак, Красная армия в течение трех недель провела Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию, в ходе которой во взаимодействии с силами Тихоокеанского флота и войсками НКВД полностью разгромила наиболее сильную стратегическую группировку японских вооруженных сил на материке — Квантунскую группировку войск. К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской группировки, армии Маньчжоу-Го, войск Внутренней Монголии и Суйюаньской армейской группы, а также освобождение Маньчжурии, Ляодунского полуострова и Северной Кореи до 38-й параллели.

Советские войска разоружили и пленили 28 пехотных дивизий, 10 пехотных бригад, одну моторизованную бригаду смертников, две танковые бригады (1-ю и 9-ю) и две авиабригады (15-ю и 101-ю) вооруженных сил Японии; одну пехотную (1-ю) и одну кавалерийскую

(2-ю Хинганскую) дивизии и 11 пехотных бригад армии Маньчжоу-Го; две кавалерийские дивизии (7-ю и 8-ю) и одну кавалерийскую бригаду (1-ю) армии Внутренней Монголии, а также много других соединений и частей различных родов войск и специального назначения. Наши войска захватили большие трофеи. Только по Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронтам они составили: 1565 орудий, 2139 минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, 9508 легких и 2480 тяжелых пулеметов, 2129 автомашин, 12 984 лошади, 679 различных складов и много другой боевой техники и военного имущества. Войска 2-го Дальневосточного фронта и силы Амурской военной флотилии захватили все корабли Сунгарийской военной речной флотилии противника.

Таких больших людских и материальных потерь и за такой короткий срок японские вооруженные силы не понесли ни в одной из операций, проведенных ими или против них в период Второй мировой войны. Это был подлинно молниеносный удар, мастерски осуществленный Вооруженными силами Советского Союза.

Маньчжурская стратегическая наступательная операция была успешно завершена. Советское военное искусство, мужество и героизм советских воинов вновь принесли победу в борьбе с серьезным противником, теперь уже на Дальнем Востоке.

Освобождение Южного Сахалина и Курил

В период проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции советские войска и силы флота с 11 августа вели боевые действия по освобождению Южного Сахалина и с 18 августа — Курильских островов.

Южно-Сахалинская наступательная операция войск 2-го Дальневосточного фронта и сил Тихоокеанского флота, проводившаяся с целью освобождения Южного Сахалина, принадлежавшего ранее России и отторгнутого японцами в 1905 г. после ее поражения в войне с Японией, была осуществлена так же стремительно, как и Маньчжурская стратегическая наступательная операция, хотя и носила крайне кровопролитный характер. Для ее осуществления в соответствии с приказом главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А. М. Василевского, отданным в 22 часа 10 августа 1945 г., был привлечен 56-й стрелковый корпус 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта. Перед корпусом ставилась задача перейти государственную границу, прорвать Котонский (Харамитогэский) укрепленный район и, развивая при поддержке Северной Тихоокеанской военной флотилии и авиации стремительное наступление на юг вдоль восточного побережья Южного Сахалина, овладеть им. Операцию планировалось провести в три этапа. На первом этапе, в период с 11 по 15 августа, войска корпуса при содействии авиации должны были прорвать первую полосу обороны противника, проходившую вблизи государственной границы. На втором этапе, с 16 по 18 августа, — овладеть Котонским укрепленным районом, являвшимся ключевой позицией японцев на главной оборонительной полосе. И на третьем этапе, начинавшемся 19 августа, развивая стремительное наступление на южном направлении, завершить разгром японских войск и освобождение Южного Сахалина⁸¹. За это время советским войскам предстояло пройти с боями 450 км.

К августу 1945 г. на Южном Сахалине дислоцировалась 88-я пехотная дивизия 5-го фронта японской армии (штаб на о. Хоккайдо), состоявшая из трех пехотных и артиллерийского полков и подразделений усиления. Штаб дивизии находился в г. Тойохара (Южно-Сахалинск). Личный состав японских войск на Сахалине насчитывал 19 тыс. солдат и офицеров и около 10 тыс. резервистов⁸². Боевых кораблей и авиации здесь Япония в то время не имела. На Южном Сахалине японцы создали мощные инженерные сооружения, построили 13 аэродромов, а также сеть шоссейных и железных дорог вдоль западного и восточного побережий, что в условиях военных действий обеспечивало им хороший маневр силами и средствами.

Для военных целей был приспособлен ряд портов, а также создана военно-морская база Отомари (Корсаков).

Японские части сухопутных войск на Южном Сахалине были сосредоточены преимущественно вблизи государственной границы, прикрывая единственную шоссейную дорогу в долине р. Поронай, по которой могли наступать советские войска, а также проселочные дороги и тропы, вдоль которых могли разворачиваться боевые действия. Основу японской обороны составлял Котонский (Харамитогэский) укрепленный район (5400 солдат и офицеров 125-го пехотного полка), располагавший отдельными узлами сопротивления в горах и несколькими опорными пунктами на флангах оборонительной полосы. Это была эшелонированная в глубину до 30 км оборона с предполем, главной и второй полосами, насыщенная дотами, дзотами, противотанковыми рвами, проволочными заграждениями. Фланги оборонительной полосы прикрывались с запада горным хребтом, а с востока — лесисто-болотистой местностью долины р. Поронай. Оборона других участков Южного Сахалина строилась японцами с учетом удержания портов.

В годы Великой Отечественной войны оборона Северного Сахалина, побережий Татарского пролива и Охотского моря возлагалась на соединения и части 16-й армии (командующий генерал Л. Г. Черемисов, штаб находился в Николаевске-на-Амуре). Поддержка ее с моря была возложена на Северную Тихоокеанскую военную флотилию (командующий вице-адмирал В. А. Андреев, штаб находился в Советской Гавани), с воздуха — на 255-ю смешанную авиационную дивизию (106 самолетов). В главной базе флотилии — Советской Гавани дислоцировались 113-я стрелковая бригада и 365-й отдельный батальон морской пехоты, а также девять подводных лодок, сторожевой корабль «Зарница», пять тральщиков, 24 торпедных катера, несколько отрядов сторожевых катеров и катеров-тральщиков. Базу прикрывала морская авиация флотилии (80 самолетов). На Северном Сахалине находился 56-й стрелковый корпус под командованием генерала А. А. Дьяконова⁸³.

Наступление войск 56-го корпуса началось 11 августа в 9 часов 35 минут, когда уже определился успех советских войск на главных направлениях Маньчжурской стратегической наступательной операции, ударами авиации флота по объектам Эсутору (Углегорск), Торо (Шахтерск), Котона (Победино) и другим населенным пунктам. Наступление 79-й стрелковой дивизии (командир генерал И. П. Батуров) велось на узком фронте вдоль заболоченной долины р. Поронай. Передовые подразделения дивизии сравнительно быстро преодолели сопротивление противника на переднем крае главной полосы Котонского укрепрайона. Укрепления японцев на высотах Лысая и Голая были захвачены внезапным налетом, раздались лишь несколько винтовочных выстрелов и пулеметная очередь.

Однако дорогу на Котон запирали опорный пункт Хандаса. Ночью с ходу батальон капитана Светецкого (165-й стрелковый полк), действовавший на направлении главного удара, повел атаку этого опорного пункта. Но японцы оказали сильное сопротивление, на батальон обрушился ливень огня. Тогда пятая и шестая роты пошли в обход и атаковали японцев с тыла. Бой был горячий, но скорый. Кольцо неумолимо сжималось, и к полудню опорный пункт пал, а его гарнизон был уничтожен. Поступили первые пленные, они вели себя дерзко и при допросах не отвечали.

Батальон Светецкого, выполнив свою задачу, открыл дорогу к укрепрайону. К исходу 12 августа 165-й стрелковый полк под командованием подполковника Н. Д. Курманова вплотную подошел к Харамитогэскому укреплению. На вспомогательных направлениях в это время также выполнялись боевые задачи: по побережью Татарского пролива — от Пильво и Амбецу — двигались отряд пограничников и отдельная стрелковая рота; по восточным склонам Камышовского хребта пробирался отряд под командованием майора Трегубенко. 179-й полк под командованием подполковника Кудрявцева наступал без дорог. Он не рассчитывал ни на танки, ни на артиллерию. Минометы приходилось тащить волоком. Солдаты двигались в пойме Поронайской долины по маршруту Муйка — Котон по пояс в болотной воде. Каждый шаг стоил огромных усилий, однако этот маневр позволял выйти в тыл укреплений противника, и он оказался по силам войскам полка⁸⁴.

Подразделения 165-го стрелкового полка занимают приграничный опорный пункт японцев на Южном Сахалине — полицейский пост Хандаса

Советские солдаты у трофеев, захваченных на Сахалине

В авангарде полка шел батальон капитана Л. В. Смирных. Взвод этого батальона, которым командовал лейтенант Хисматуллин, внезапно для противника ворвался в полицейское помещение в Муйке. Японский гарнизон был быстро уничтожен, и полк продолжал свое продвижение на юг. В районе железнодорожного моста разведчики обнаружили крупный опорный пункт, насчитывавший 18 дзотов, и атаковали его с ходу. В этом бою был тяжело ранен лейтенант Малышев. Ефрейтор Кривенко, рискуя жизнью, вынес своего тяжелораненого командира из-под огня. К исходу 12 августа разведка полка находилась уже у Котона. В это время отряд майора Трегубенко продвигался по лесным чащобам. На высоте Рыжая взвод под командованием лейтенанта Потемкина встретился с подразделением японцев. Завязался рукопашный бой, который закончился полным уничтожением противника. Отряд получил возможность продвигаться вперед. На другой день была найдена тропа, которая привела к неразведанному опорному пункту в районе высоты Безымянная. С ходу атаковать его не удалось, поскольку японцы обнаружили отряд еще до подхода. Ночью при поддержке пулеметов воины отряда пошли в атаку. Японцев было мало, всего несколько наблюдателей и обслуживающий персонал, но на выручку к ним спешила рота. Майор Трегубенко выбрал удачное место на пути ее подхода и устроил засаду, что и обеспечило победу.

15 августа начались бои по прорыву Котонского укрепрайона. Здесь было оборудовано 17 железобетонных дотов, 31 артиллерийский и 108 пулеметных дзотов, 28 артиллерийских и 18 минометных (гранатометных) позиций, до 150 убежищ⁸⁵. Особую роль в прорыве должна была сыграть артиллерия корпуса, однако некоторые артиллерийские части выходили на намеченные огневые позиции несвоевременно, автомашины с боеприпасами отстали. Артиллеристам предстояло наступать по бездорожью, на неразведанный огневой рубеж врага, засеянного в сопках. Когда одно из подразделений подошло к переднему краю укрепленного района, оно было встречено стеной заградительного огня. По заранее пристрелянным рубежам били пушки и минометы. Стоило наступающим подняться, как начинался неистовый ружейно-пулеметный огонь. Предстояло проделать брешь в укрепрайоне. Разведчики 79-й стрелковой дивизии добыли ночью точные сведения о расположении огневых точек противника⁸⁶.

Наступлению основных сил корпуса утром 16 августа предшествовала артиллерийская и авиационная подготовка, которая, несмотря на все усилия, оказалась малоэффективной. Главный удар наносила 79-я стрелковая дивизия в направлении перевала Харамы-Тогэ, овладение которым позволяло рассеять группировку противника. Второй эшелон составляли 2-я стрелковая бригада, 178-й и 678-й отдельные танковые батальоны. Тактика действий строилась с учетом особенностей местности. Впереди танков наступали пехотинцы, которые уничтожали истребителей танков (солдат-смертников), проделывали проходы в противотанковых препятствиях и настилали гати для техники в заболоченных местах. Продвигавшиеся вслед за пехотой и штурмовыми группами танки вели огонь прямой наводкой по амбразурам и артиллерийским позициям противника⁸⁷. Подрывники, прикрываемые пулеметным, артиллерийским и танковым огнем, с толовыми шашками и противотанковыми гранатами поползли к вражеским дзотам, которые вскоре один за другим начали взлетать в воздух. Сквозь образовавшуюся брешь устремились штурмовые отряды главных сил 165-го полка.

Бой по разгрому гарнизона Котонского укрепленного района длился трое суток. Японцы сопротивлялись отчаянно. Много подвигов совершили в эти дни наши воины. Именно в этом бою повторил знаменитый подвиг Александра Матросова сержант Антон Буюклы, закрывший своим телом амбразуру вражеского дзота. Именем героя названа одна из улиц Южно-Сахалинска.

На третий день наступающие подошли вплотную к горе Харамы-Тогэ и слышали артиллерийские залпы с юга — это полк подполковника Кудрявцева вел бой за железнодорожную станцию Котон. Поселок и одноименная железнодорожная станция несколько раз переходили из рук в руки. Батальону капитана Л. В. Смирных не удалось внезапно захватить станцию, поскольку с юга японцы подбросили свежие резервы. Силы противника росли, и батальону пришлось перейти к обороне. Для огневой поддержки подразделений полка подполковника

Кудрявцева в район железнодорожной станции был переброшен артиллерийский полк, которым командовал подполковник Б. И. Нехимчук. Полк своевременно поддержал действия батальона Смирных. Особенно отличилась батарея старшего лейтенанта П. Н. Сидорова, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

На другой день подошли главные силы полка. При поддержке артиллерии они ударили по противнику с юго-востока и выбили его из Котона. Здесь воины увидели страшную картину: все раненые советские солдаты, которых не успели вынести с поля боя, были зверски убиты — у некоторых отрезаны уши, выколоты глаза, многие обезглавлены. В боях за Котон погиб капитан Л. В. Смирных. Его бесстрашие восхищало и воодушевляло солдат. Он вместе с ними ходил на штурм, в разведку боем, не раз участвовал в рукопашной схватке. Погиб капитан от пули японского снайпера-«кукушки».

В день штурма горы Харамы-Тогэ, 16 августа, установилась летная погода. С утра над вражескими позициями появились наши бомбардировщики и штурмовики — взлетали на воздух укрепления. Одновременно велась артиллерийская подготовка. Первая линия вражеской обороны была прорвана, бойцы очищали окопы от смертников. Однако японцы упорно сопротивлялись — впереди находились еще две полосы огневых позиций. К концу дня неприятель был разбит. Главные силы на северной окраине Котона встретились с полком Кудрявцева.

18 августа японский полковник Кобаяси выслал парламентариев с изъявлением согласия на капитуляцию⁸⁸. Основные силы японцев сложили оружие, хотя укрепившийся на высоте к северо-западу от Котона противник продолжал сопротивляться. Однако поставленная корпусу задача была решена успешно — Котонский укрепленный район японцев, который они считали неприступным, 18 августа пал, и дорога на юг была открыта. В этих боях противник потерял только пленными 3300 солдат и офицеров⁸⁹.

Захватив Котонский укрепленный район, советские войска, опрокидывая заслоны противника и не давая ему возможности подготовить организованное сопротивление, продолжали наступление в южном направлении. Военный совет Тихоокеанского флота 10 августа поставил Северной Тихоокеанской военной флотилии задачу высадки десантов овладеть портами Южного Сахалина: Эсутору, Торо, Маока (Холмск), Отомари, чем содействовать войскам Южно-Сахалинской в проведении Южно-Сахалинской наступательной операции. Высадка десантов в тыл японским войскам должна была способствовать их полному окружению, лишению возможности получать через южно-сахалинские порты подкрепление.

С ночи на 11 августа и по 13 августа авиация Северной Тихоокеанской военной флотилии бомбила склады и другие военные объекты в районе портов Эсутору и Торо и в некоторых других районах. Воздушной разведкой, проведенной 12 и 13 августа, было установлено, что акватория на участке Торо — Эсутору противником не охраняется, береговых батарей и аэродромов там нет, ночной дозор не несется. В районе порта Эсутору были засечены всего лишь одна-две огневые точки. Наличие японских войск в этом районе установить не удалось. По-видимому, японское командование, зная, что других соединений и объединений Тихоокеанского флота на Северном Сахалине нет, не считало силы Северной Тихоокеанской военной флотилии достаточными для высадки десанта в южной части Сахалина.

В целях получения более полных данных о состоянии вражеской обороны в районе Эсутору, в частности о наличии и местонахождении батарей и системы охраны водного района на участке мыс Унари — Китахаяси, в ночь на 13 августа и днем была произведена разведка тремя группами катеров (по два-три торпедных катера и катера МО в каждой). Во время дневной разведки два катера произвели и перспективную фотосъемку побережья, а находившийся на одном из них командир 365-го отдельного батальона морской пехоты подполковник К. П. Тавхутдинов, назначенный командиром десанта, произвел рекогносцировку местности.

В порту Эсутору были обнаружены несколько солдат, что позволяло предполагать наличие здесь воинской части. Однако в целом результаты проведенной разведки не позволили в достаточной степени вскрыть систему обороны и силы противника в этом порту, что привело в последующем к принятию решения на высадку десанта в порт Торо и захват Эсутору с суши⁹⁰.

Колонна советских войск на марше. Справа — захваченный японский грузовик

Группа советских морских пехотинцев на фоне подбитого японского танка

Не имея информации об обстановке в Торо, командующий флотилией вице-адмирал В. А. Андреев решил высадить в порт сначала небольшую разведывательную группу, а затем основные силы 365-го отдельного батальона морской пехоты и 2-го батальона 113-й стрелковой бригады.

Для высадки были выделены свыше 30 вымпелов, в том числе сторожевой корабль «Зарница», транспорт «Петропавловск», два больших охотника, четыре тральщика, четыре катера МО, катер-тральщик и 21 торпедный катер. Корабли были сведены в пять отрядов. Руководство высадкой было возложено на командира бригады кораблей капитана 1 ранга А. И. Леонова; командиром десанта назначен подполковник К. П. Тавхутдинов; общее руководство десантом осуществлял командующий флотилией. Подготовка десанта проводилась в Советской Гавани и бухте Ванино с соблюдением скрытности. Особое внимание при подготовке было обращено на гидрографическое обеспечение. Одновременно велась воздушная разведка районов высадки. Кроме того, близ порта Маока с подводной лодки Щ-118 была высажена небольшая (пять человек) разведывательная группа.

Подготовка частей и кораблей началась с 14 часов 14 августа⁹¹. Для того чтобы дать некоторое время на подготовку частям и кораблям к операции, командующий СТОФ вице-адмирал В. А. Андреев высадку назначил на 4 часа 40 минут 16 августа, а не на рассвете 15 августа, как это намечалось ранее. И этого времени было явно недостаточно, чтобы тщательно подготовить операцию. Никаких тренировок войск не производилось, все приказания отдавались распорядительным порядком. В целях достижения внезапности предварительная артиллерийская подготовка места высадки не планировалась⁹².

Первый десантный отряд с разведчиками (140 человек) вышел в море 15 августа в 21 час 20 минут. Переход морем совершался ночью, корабли следовали в тумане с небольшими интервалами. 16 августа в 5 часов утра отряд неожиданно для противника прорвался в порт и высадил на мол и песчаную отмель десантников⁹³. Японцы, застигнутые врасплох, не оказали сопротивления, и десантники захватили порт.

Вслед за разведотрядом в порт Торо в 10 часов с торпедных катеров, совершивших стремительный марш-маневр из Советской Гавани, был высажен 365-й отдельный батальон морской пехоты, а к вечеру того же дня — второй эшелон десанта в составе 2-го батальона 113-й стрелковой бригады и минометный взвод (всего около 900 человек)⁹⁴. Несмотря на то что корабли шли в густом тумане, они были обнаружены японской береговой батареей, расположенной в районе порта Эсутору. Батарея открыла огонь, но попаданий не добились. Войдя в ковш порта Торо, корабли в 17 часов 22 минуты высадили бойцов на северную стенку.

В 23 часа 10 минут из бухты Ванино вышел четвертый отряд. К 9 часам 30 минутам он доставил в Торо тылы 365-го отдельного батальона морской пехоты и 2-го батальона 113-й стрелковой бригады⁹⁵. Преодолевая слабое сопротивление японцев, бойцы разведывательного отряда 365-го батальона морской пехоты (два взвода автоматчиков, взвод пеших разведчиков, взвод саперов, стрелковый взвод), высадившиеся в Торо 16 августа в 5 часов 17 минут с кораблей первого отряда, начали продвигаться вперед и уже к 6 часам очистили порт от противника.

В 6 часов 20 минут в районе высадки появилась авиация Тихоокеанского флота, которая по приказу командира десанта взяла под контроль шоссе и дороги порт Торо — Яма-Сигаи, г. Торо — Яма-Сигаи, Тайхэй — Яма-Сигаи, уничтожая подходящие по ним части противника; одновременно производилась авиационная обработка районов Эсутору, Яма-Сигаи, Тайхэй и г. Торо. Поддерживая действия десанта на берегу, штурмовики Ил-2 Северной Тихоокеанской военной флотилии совершили до 19 часов 20 минут 16 августа 21 самолето-вылет. Они действовали под прикрытием истребителей Як-9, которые также использовались для подавления огневых точек противника. Из шести групп самолетов четыре атаковали цели, указанные командиром десанта подполковником К. П. Тавхутдиновым, высадившимся в Торо в составе первого десантного отряда, остальные вели поиск и уничтожение противника самостоятельно. Для прикрытия кораблей в тот день было совершено 30 самолето-вылетов ЛаГГ-3⁹⁶.

В течение трех дней подразделения 365-го отдельного батальона морской пехоты и 2-го батальона 113-й стрелковой бригады, проводя артиллерийскую подготовку и при благоприятной погоде получая авиационную поддержку, овладели, встречая порой ожесточенное сопротивление (только в результате боя за Яма-Сигаи противник потерял убитыми 136 солдат и офицеров), названными портами и городами⁹⁷.

Таким образом, Северная Тихоокеанская военная флотилия, овладев японскими портами Торо и Эсутору и захватив на западном берегу плацдарм, перерезала японские коммуникации, проходившие по западному побережью острова, оказав тем самым содействие наступлению 56-го стрелкового корпуса, а следовательно, разгрому основной группировки противника в приграничной полосе Сахалина.

Не обошлось и без трагической ошибки. 17 августа в 8 часов 10 минут над г. Яма-Сигаи появилась шестерка Ил-2 под прикрытием четырех Як-9, но к этому моменту радиостанция офицера связи с авиацией вышла из строя. Летчики нанесли бомбоштурмовой удар по действующим огневым точкам противника на дальних подступах и уничтожили их. Однако при этом несколько бомб упало на позиции десантников, погиб офицер 2-го батальона 113-й стрелковой бригады⁹⁸.

С занятием плацдарма в районе Торо — Тайхэй — Яма-Сигаи — Эсутору флотилия получила возможность развивать наступление на юг в сторону более крупных японских портов Маока и Отомари.

В то время как шли бои за порты Торо и Эсутору, Военный совет 2-го Дальневосточного фронта дал в соответствии с директивой маршала А. М. Василевского указание командующим 16-й армией и Северной Тихоокеанской военной флотилией подготовить и высадить десант в японский порт Маока. Последними было принято решение высадить в порт десант в составе 113-й стрелковой бригады и сводного батальона морской пехоты общей численностью около 3450 человек. Командиром высадки был назначен капитан 1 ранга А. И. Леонов, а командование десантом возложено на командира бригады полковника И. З. Захарова.

Маока представлял собой крупный портовый город Южного Сахалина, связанный железными дорогами со всеми южными городами острова. После официального заявления японского правительства о согласии на безоговорочную капитуляцию городские власти Маоки, вопреки ее условиям, подготовили к отправке в метрополию воинские подразделения, боевую технику, крупные материальные ценности; готовилась эвакуация и его жителей, которые ждали прихода транспорта из Японии⁹⁹. Порт прикрывали два батальона 25-го пехотного полка 88-й японской пехотной дивизии. Для усиления пехоты им были приданы артиллерийские подразделения 88-го артполка, бронепоезд. Здесь же находились легкие силы японского флота.

Подготовка к высадке десанта началась с утра 16 августа. В отличие от подготовки десанта в порт Торо, в этот раз были разработаны указания кораблям десанта на переход морем, наставление десантным отрядам в бою за высадку, плановая таблица на десантную операцию. Высадке десанта должна была предшествовать артиллерийская подготовка. В боевом приказе № 07/оп от 18 августа 1945 г. командирам кораблей отряда огневой поддержки ставилась задача мощным артиллерийско-пулеметным огнем подавить огневые точки противника, обеспечить высадку десанта на берег с последующей поддержкой его на берегу¹⁰⁰. Но командующий СТОФ решил предварительную авиационную и артиллерийскую подготовку порта Маока отменить, произведя высадку десанта по принципу скрытности и внезапности для неприятеля. Принимались меры и для обеспечения скрытности перехода десантных отрядов морем. В указаниях на переход предусматривалось тщательное затемнение, запрещение курения на верхней палубе и пользования фонарями. Переговоры по радио разрешалось вести только по УКВ¹⁰¹.

В ночь на 18 августа в бухтах Постовая и Ванино (на материковой части Татарского пролива) были произведена посадка десанта на корабли, погружена и размещена на транспортных боевая техника. Передовой десант (297 автоматчиков) был посажен на семь сторожевых катеров, сводный батальон морской пехоты (820 человек) — на четыре тральщика, 113-я

стрелковая бригада (2334 человека) — на пять транспортов. Чтобы обеспечить предстоящую выгрузку и высадку людей с транспортов на рейде Маока, на них были подняты 13 моторных катеров типа «Кавасаки»¹⁰².

Для высадки десанта в порт Маока был сформирован отряд в составе сторожевого корабля, минного заградителя, двух больших охотников, пяти сторожевых катеров, четырех тральщиков, шести транспортов и четырех торпедных катеров. Все эти корабли были сведены в три десантных отряда и отряд охранения, в который вошли торпедные катера и отряд корабельной поддержки, состоявший из сторожевого корабля «Зарница» и минного заградителя «Океан»¹⁰³.

Замысел командующего Северной Тихоокеанской военной флотилией на высадку десанта в порт Маока сводился к скрытному переходу кораблей в ночное время и внезапной высадке. Она должна была начаться еще до наступления светлого времени и проводиться под прикрытием истребительной авиации непосредственно на причалы порта в такой последовательности: вначале передовой десант с задачей захвата плацдарма высадки, а затем основные силы двумя последовательными эшелонами. В целях лучшей организации взаимодействия десанта, кораблей и авиации штаб флотилии разработал плановую таблицу и специальное «Наставление кораблям десанта при бое за высадку», которое определяло последовательность действий в ходе боя за высадку десанта¹⁰⁴.

Предварительно была произведена воздушная разведка района Маока, которая, однако, из-за сложной метеорологической обстановки не позволила полностью раскрыть систему японской обороны в районе намечавшейся высадки. Для уточнения некоторых данных 18 августа с подводной лодки Щ-18 близ Маоки была высажена разведывательно-диверсионная группа из пяти человек, но и она из-за потери связи не выполнила поставленной задачи. Поэтому высадка десанта производилась без достаточной развединформации о противнике¹⁰⁵.

19 августа в 6 часов 50 минут корабли с десантом вышли из Советской Гавани и восьмизловым ходом направились к месту высадки. Вначале погода складывалась благоприятно для перехода кораблей морем, но затем ветер усилился до 6 баллов, и начался сильный дождь. К 6 часам 20 августа, когда корабли подошли к порту Маока, опустился густой туман, и кораблям пришлось прорываться в незнакомый порт в условиях крайне ограниченной видимости, что затрудняло для командиров кораблей ориентировку в определении мест высадки десанта¹⁰⁶.

Недостаточный опыт совместного плавания кораблей в сложных гидрометеорологических условиях с ограниченным использованием РЛС стал причиной того, что десантные отряды вышли на 17 миль севернее порта Маока. В результате было затрачено около трех часов на поиск входа в порт, поэтому высадку пришлось начинать в светлое время суток. На задержку с высадкой первого десанта повлияло то обстоятельство, что командир капитан 1 ранга А. И. Леонов приказал не высаживаться до рассеивания тумана. Хотя видимость в этот момент была хорошая, и вход в порт отчетливо виден, катера с подразделениями первого броска при видимости берега в дистанции 8—10 кабельтовых легли на обратный курс. Через 20 минут по приказанию командира высадки они снова начали движение на вход в порт Маока¹⁰⁷.

В 17 часов 33 минуты поступил сигнал к началу высадки, и спустя 25 минут катера под неорганизованным огнем противника ошвартовались к причалу¹⁰⁸ — в течение 42 минут было высажено 297 человек. Несмотря на то что высадка осуществлялась в светлое время суток, она оказалась внезапной для противника, благодаря чему практически не было потерь в личном составе. Катера устремлялись к причалам гавани, в течение 3—4 минут высаживали на причалы подразделения, после чего отходили на рейд и вместе с кораблями артиллерийской поддержки приступали к подавлению огневых точек противника. Тем временем бой за порт и город Маока принял напряженный характер. Преодолевая яростное сопротивление японцев, десантники одну за другой занимали причальные линии, расширяя захваченный плацдарм, на который с тральщиков и транспортов, вошедших в гавань, были высажены первый (к 10 часам), а затем и второй эшелоны основных сил десанта.

Заняв территорию порта, десантники завязали бои за город. Сводный батальон моряков вел наступление на центральную и восточную части города, а подразделения 113-й стрелковой бригады развивали наступление на северную и южную его части. Из-за неблагоприятной погоды (в море стоял туман) авиация флотилии была лишена возможности поддерживать десант с воздуха, а корабельная артиллерия по той же причине вела огонь с перерывами (видимость не превышала 50–60 метров). И тем не менее десантники сломали сопротивление врага и 20 августа к 14 часам овладели портом и городом Маока. Японцы, потеряв только в боях с морскими пехотинцами свыше 300 человек убитыми и 600 человек пленными, отступили в сторону железнодорожной станции Футомата. Советские потери составили в батальоне морской пехоты — 17 человек и в стрелковой бригаде — 60 человек убитыми и ранеными.

Десантники начали преследование противника, отходившего вдоль железной и шоссейной дорог, при этом японцы продолжали оказывать сильное сопротивление, мобилизуя для организации обороны на новых рубежах резервистов. Это объяснялось требованиями японского командования любой ценой выиграть как можно больше времени для эвакуации с Сахалина на Хоккайдо людей и материальных ценностей: в это время из Тойохары и Маоки по дорогам в Отомари следовали японские войска и население, перебрасывались различные грузы¹⁰⁹.

Чтобы задержать противника и не дать ему развернуться на новых позициях, сторожевой корабль «Зарница» и минный заградитель «Океан» 21 августа с дистанции 66 кабельтовых произвели артиллерийский обстрел отступавших частей противника и станций Футомата и Осака (Пятиречье). Огонь велся по площадям. В это же время по городам наносила бомбоштурмовые удары авиация флотилии, которая в течение 21 и 22 августа совершила для этой цели около 90 самолето-вылетов¹¹⁰.

Между тем в донесении командующего войсками 2-го Дальневосточного фронта на имя И. В. Сталина сообщалось, что 22 августа «разрушение мостов и переправ, поджоги городов и населенных пунктов со стороны японцев» на острове Сахалин продолжались¹¹¹. Не прекращалось и прямое вооруженное сопротивление японских войск.

В ночь на 23 августа 113-я стрелковая бригада после упорного боя овладела станцией Футомата и продолжала развивать наступление в сторону Отомари — последнего японского порта на юге Сахалина, связывавшего с метрополией. В бою за Футомату десантники проявили чудеса героизма. Артиллеристы поддерживали огнем штурмовые группы. Мужественно действовал орудийный расчет младшего сержанта Евгения Чапланова. Командир орудия и его боевые товарищи Кравчук и Петренко были ранены, но продолжали вести огонь. В этом бою Евгений Чапланов погиб. Ныне железнодорожная станция, где младший сержант пал смертью героя, носит его имя.

Тем временем в порт Отомари готовилась высадка морского десанта силами Северной Тихоокеанской военной флотилии. Для этой цели из Советской Гавани в порт Маока была переброшена сводная бригада моряков флотилии в количестве 1600 человек. 23 августа бригада, усиленная вернувшимся в Маоку 365-м отдельным батальоном морской пехоты, была посажена на корабли специально сформированного для этой цели отряда (командир капитан 1 ранга А. И. Леонов) в составе минного заградителя «Океан», восьми тральщиков, двух больших охотников, двух малых охотников и шести торпедных катеров. В 5 часов 30 минут отряд вышел из Маоки и направился к Отомари с задачей высадить там десант утром 24 августа¹¹².

На переходе морем, однако, корабли с десантом были застигнуты сильным штормом, и морякам всю ночь пришлось бороться с разбушевавшейся стихией. Чтобы не потерять торпедные катера, которые участвовали в переходе, отряд с разрешения командования зашел в порт Хонто (Невельск), овладев им без боя. Капитан 1 ранга Леонов принял капитуляцию японского гарнизона порта¹¹³. Когда шторм стал стихать, корабли вышли в море и утром 25 августа прибыли в Отомари. В это же время к порту с севера подошли части 113-й стрелковой бригады. Обреченный на поражение японский гарнизон численностью 3400 человек практически без сопротивления сложил оружие и сдался в плен.

К этому времени передовые части 56-го стрелкового корпуса вступили в административный центр Южного Сахалина г. Тойохара (Южно-Сахалинск). К полудню 25 августа японские вооруженные силы на Южном Сахалине прекратили организованное сопротивление и капитулировали.

Таким образом, войска 56-го стрелкового корпуса 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта и моряки Северной Тихоокеанской военной флотилии успешно решили поставленные перед ними задачи по освобождению Южного Сахалина. В упорных боях был уничтожен Котонский укрепрайон противника как главная преграда на пути продвижения советских войск на юг Сахалина. Занятие советскими моряками южносахалинских портов лишило японское командование возможности использовать их для организации подкрепления и эвакуации своих войск и имущества на остров Хоккайдо. В то же время это позволило командованию Северной Тихоокеанской военной флотилии перебазировать часть кораблей в порты Маока и Отомари и тем самым обеспечить в дальнейшем действия советских войск по освобождению Курильских островов и подготовку совместно с другими силами Тихоокеанского флота так и не осуществленной высадки на один из крупнейших островов Японского архипелага Хоккайдо.

Действия флотилии по овладению портом Маока протекали в крайне сложной метеорологической и навигационной обстановке: малая видимость, небольшие глубины, частые отмели и узкие фарватеры. Всё это и упорное сопротивление противника в период высадки и боя на берегу требовали высокого напряжения всех сил личного состава. Короткие сроки подготовки десанта, отсутствие боевого опыта явились причинами ряда недостатков при решении тактических задач. Так, было слабо отработано совместное плавание разнородных кораблей в условиях плохой видимости, не до конца продумано гидрографическое обеспечение высадки. В целом же флотилия успешно справилась с решением задачи по овладению портами Южного Сахалина, чем помогла войскам 56-го стрелкового корпуса ликвидировать группировку противника в этом районе.

В итоге Южно-Сахалинской наступательной операции советские войска при содействии Северной Тихоокеанской военной флотилии разгромили группировку противника, находившуюся на острове, и взяли в плен 18 320 японских солдат и офицеров¹¹⁴. России была возвращена важная часть русской земли — Южный Сахалин.

Курильская десантная операция, которая проводилась войсками 2-го, а в последующем и 1-го Дальневосточных фронтов совместно с моряками Тихоокеанского флота с 18 августа вплоть до окончания этой войны и завершения капитуляции войск 5-го японского фронта на Курильских островах явилась заключительным этапом боевой деятельности советских войск и сил флота в войне против Японии.

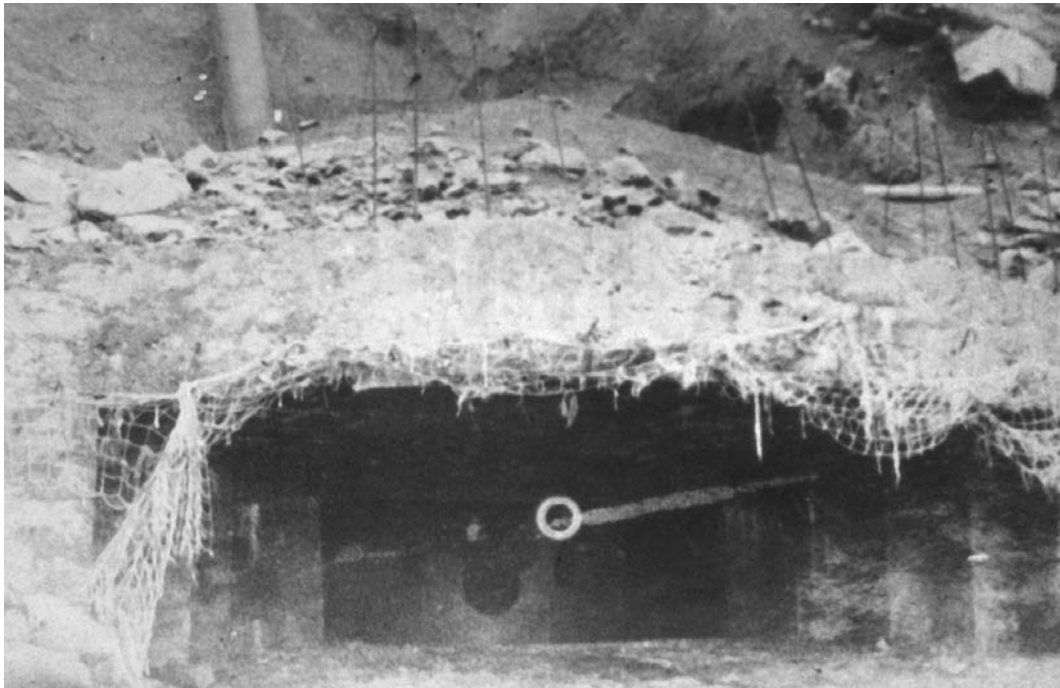
Освобождение Северных Курил. В соответствии с замыслом на Дальневосточную кампанию в ночь на 15 августа (учитывая разницу во времени в семь часов с Владивостоком и в девять часов с Камчаткой, в Москве это было еще 14 августа) главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский отдал распоряжение командующему войсками 2-го Дальневосточного фронта генералу М. А. Пуркаеву и командующему Тихоокеанским флотом адмиралу И. С. Юмашеву подготовить и провести наличными силами на Камчатке, не дожидаясь прибытия подкреплений, Курильскую десантную операцию с целью освобождения от японцев северной части Курильских островов¹¹⁵.

Выполнение этой операции на первом этапе по решению командующих войсками фронта и флотом было возложено на командующего Камчатским оборонительным районом (КОР) генерала А. Р. Гнечко и командира Петропавловской военно-морской базы (ПВМБ) капитана 1 ранга Д. Г. Пономарева. Первый был назначен командующим десантной операцией, второй — командиром высадки. Десант возглавил командир 101-й стрелковой дивизии генерал П. И. Дьяков¹¹⁶.

Во исполнение распоряжения маршала А. М. Василевского Военный совет 2-го Дальневосточного фронта 15 августа дал следующее указание командующему Камчатским оборонительным районом: «Используя благоприятную обстановку, необходимо занять острова

Советские бронбойщнки на позиции

Захваченный японский дот

Шумшу, Парамушир, Онекотан... Силы: два полка 101-й стрелковой дивизии, все корабли и плавсредства базы, наличные корабли торгфлота и погранвойск, 128-я авиадивизия. В качестве передового отряда иметь в готовности две-три роты морской пехоты Петропавловской военно-морской базы. Немедля приступить к подготовке плавсредств, стрелковых войск к погрузке, формированию отрядов морской пехоты, усилив моряков автоматчиками дивизии... Ближайшая задача — овладеть островами Шумшу, Парамушир, в последующем — островом Онекотан. Пункты высадки определить командиру базы — капитану 1 ранга Пономареву. Исходя из пунктов высадки, Вам надлежит определить объекты захвата на каждом острове и последовательность захвата»¹¹⁷. Одновременно Военный совет ТОФ направил аналогичные указания командиру ПВМБ: «Немедленно организовать из всех команд максимально возможной численности батальон морской пехоты... При содействии стрелковой дивизии и непосредственной помощи всей имеющейся камчатской авиации Красной Армии и пограничников, использовать в полной мере батарею на мысе Лопатка, — овладеть о. Шимуши (Шумшу. — *Прим. ред.*)»¹¹⁸.

Курильские острова, расположенные между Камчаткой и островом Хоккайдо, простираются на 1200 км. Вся гряда включает в себя свыше 30 более или менее значительных островов, свыше 20 малых островов и множество отдельных скал. Глубины в проливах между островами достигают 500 м, а в проливах Бусоль и Крузенштерна — 1800 м. Важной военно-географической особенностью Курильских островов является то, что они обеспечивают возможность контролировать пути из Охотского моря в Тихий океан и обратно.

Рассматривая Курильскую гряду как форпост для действий против Советского Союза и прикрытия островов собственно Японии, японцы в течение многих лет строили здесь военные сооружения. Наиболее укрепленным из этих островов был Шумшу, расположенный в 6,5 мили от южного побережья Камчатки. На этом острове японцы имели военно-морскую базу Катаока, приспособленную для базирования надводных сил вплоть до крейсеров. Японцы создали на острове сильную противодесантную оборону, состоящую из противотанковых рвов и эскарпов, а также дотов и дзотов, связанных между собой глубокими и протяженными подземными галереями. Глубина инженерных сооружений противодесантной обороны составляла 3—4 км. Около 10% всех подземных сооружений на Шумшу имели железобетонную облицовку, толщина стен дотов достигала 2,5—3 м. Всего на острове насчитывалось 34 дота и 24 дзота, около 100 орудий калибра до 180 мм, более 300 пулеметных огневых точек¹¹⁹. Столь же мощные укрепления были возведены в северо-восточной части Парамушира, примыкающей ко Второму Курильскому проливу. Больше всего их было возведено около военно-морской базы Касивабара и вдоль побережья пролива. Поэтому высадка десанта непосредственно в районе расположения баз была нецелесообразной. Удобными местами для высадки десантов на Шумшу рассматривались участки побережья в районе озера Беттобу и в северо-восточной части острова.

Японские гарнизоны на этих двух островах имели до 80 танков (60 — на Шумшу), на шести аэродромах могли базироваться до 500—600 самолетов. Японцы тщательно маскировали свои военные объекты на островах и устраивали ложные. На Шумшу, например, в ряде мест были установлены искусно оформленные макеты, которые советское командование на основании аэрофотосъемки принимало за береговую артиллерию¹²⁰.

Группировка японских войск на острове Шумшу состояла из 73-й бригады 91-й пехотной дивизии, 31-го полка ПВО, Курильского крепостного артиллерийского полка, подразделений 11-го танкового полка, специальных частей и подразделений — всего 8500 человек. Эта группировка могла быть быстро усилена за счет переброски войск с острова Парамушир через узкий Второй Курильский пролив. В северо-восточной части Парамушира занимала оборону 74-я бригада (без двух рот) 91-й пехотной дивизии, 18-й и 19-й mortarные дивизионы и подразделения 11-го танкового полка (17 танков). Такое расположение войск позволяло японцам в случае высадки десанта на Шумшу создать группировку на этом острове численностью до 23 тыс. человек из свыше 50 тыс., имевшихся на Курилах¹²¹. Основной рубеж обороны на Шумшу проходил в северо-восточной части острова, в районе высот 171

и 165. В случае захвата десантом участков побережья японцы имели возможность скрытно, по подземным галереям, отойти с этого рубежа в глубину острова. Кроме того, на Шумшу имела сеть разветвленная сеть шоссе и грунтовых дорог общей протяженностью до 120 км, что весьма много для небольшого острова. Созданные на острове подземные сооружения предназначались не только для маневров силами и средствами. В них были оборудованы всевозможные склады для хранения боеприпасов и продовольствия, госпитали, электростанции, телефонные станции и другие важные объекты. Глубина подземных сооружений достигала 50–70 м, что обеспечивало неуязвимость от ударов артиллерии и авиации.

Группировка советских войск на Камчатке значительно уступала по численности японской на Курильских островах. Войска Камчатского оборонительного района составляли 101-я стрелковая дивизия, 198-й стрелковый полк, 5-й и 7-й отдельные стрелковые батальоны и подразделения усиления, разбросанные по широкому фронту на побережье Камчатки. Петропавловская военно-морская база имела около 30 кораблей, преимущественно малых. С воздуха войска и корабли прикрывали 128-я авиадивизия (58 самолетов) и морской авиаполк (10 самолетов)¹²².

Уже днем 15 августа командующий операцией генерал А. Р. Гнечко, понимая важность и срочность выполнения поставленной задачи, шифротелеграммой доложил замысел операций по высадке десанта на остров Шумшу командующему флотом адмиралу И. С. Юмашеву. Высадку десанта на остров Шумшу планировалось произвести с 9 часов утра 16 августа на побережье между мысом Кокутан и южнее мыса Котомари. Время выполнения десантной операции: выход из Петропавловска — в 16 часов 15 августа, переход морем в течение 16 часов.

Однако времени на подготовку сил и средств к намеченному сроку практически не было, поэтому командир ПВМБ предложил перенести начало операции на сутки. В 19 часов 15 минут командующий флотом направил командиру Петропавловской ВМБ шифровку, которой утвердил план операции и приказал десанту выходить из Петропавловска с расчетом прибытия к месту высадки в 3–4 часа утра 18 августа¹²³. План операции заключался в том, чтобы внезапной высадкой десанта в северо-западной части остров Шумшу нанести удар по военно-морской базе Катаока, овладеть островом и, используя его в качестве плацдарма, освободить от противника Парамушир, Онекотан и остальные северные острова Курильской гряды¹²⁴.

Исходя из обстановки, наличия сил и поставленной задачи, советское командование приняло следующее решение на проведение Курильской операции: высадку десанта, состоящего из двух эшелонов, произвести в ночь на 18 августа в северной части острова Шумшу между мысами Кокутан и Котомари; в случае отсутствия сопротивления противника первому эшелону десанта на острове Шумшу второй эшелон высадить на остров Парамушир на военно-морскую базу Касивабара; высадку десанта предварить артиллерийской подготовкой силами 130-мм береговой батареи с мыса Лопатка (южная оконечность Камчатки) и ударами авиации; непосредственное обеспечение высадки десанта возложить на артиллерию отряда кораблей огневой поддержки и авиацию¹²⁵.

Решение высаживать десант на необорудованное побережье, где японцы имели более слабую противодесантную оборону, а не на сильно укрепленную военно-морскую базу Катаока было вполне оправданно, хотя это и затрудняло выгрузку боевой техники. А вот предварить высадку десанта 60-минутной артиллерийской подготовкой, нарушавшей внезапность, предусмотренную замыслом операции, вряд ли было на пользу делу.

Для овладения северными островами Курильской гряды были выделены два усиленных стрелковых полка и батальон морской пехоты, сформированный из береговых подразделений и 60-го морского пограничного отряда (всего 8824 человека, 205 орудий и минометов, тяжелые и легкие пулеметы, запасы всего необходимого для ведения боевых действий), корабли и мобилизованные суда Петропавловской военно-морской базы (всего 64 вымпела), 128-я авиадивизия и 2-й отдельный легкомобардировочный полк морской авиации. С мыса Лопатка высадку десанта на остров Шумшу должна была поддержать 945-я отдельная береговая артиллерийская батарея (четыре 130-мм орудия)¹²⁶.

Корабельные силы в составе до 60 вымпелов формировались в четыре отряда, имевшие следующий состав: отряд транспортов и высадочных средств — плавучая батарея «Север», гидрографические суда «Полярный» и «Лебедь», 14 транспортов, 15 десантных судов, две самоходные баржи, четыре высадочных судна типа «Кавасаки»; отряд охранения — 2-й и 3-й дивизионы сторожевых катеров типа МО-4 (восемь катеров); отряд траления — тральщики «Вега», № 155, 156, 525, катера-тральщики № 151 и 154; отряд огневой поддержки — сторожевые корабли «Дзержинский», «Киров» и минный заградитель «Охотск»¹²⁷.

В целом силы, выделенные на операцию, были незначительны. Как известно из теории военного искусства, при наступлении на укрепленные позиции соотношение сил должно быть не менее 3:1, то есть наступающие должны иметь трехкратное преимущество. Между тем здесь было наоборот: японцы имели на Шумшу и Парамушире 23 тыс. человек, а десант насчитывал всего 8800 человек.

На стороне противника было превосходство в живой силе и танках (десант танков не имел), а на стороне десантников — в авиации и артиллерии. Но при этом условия применения сил сторон были различными. Советским войскам предстояло высаживаться на побережье, когда вся полевая артиллерия находилась на борту кораблей и судов и могла быть использована только после ее выгрузки на берег (а это требовало много времени), тогда как противник опирался на сильные инженерные сооружения, и его артиллерия могла эффективно действовать по заранее пристрелянным участкам побережья. Относительным было и превосходство в авиации. Из-за постоянных туманов и большого удаления наших аэродромов от острова Шумшу действия ее были затруднены, и наоборот, базирование даже небольшого числа японских самолетов в районе высадки позволяло противнику максимально использовать их в бою. Наконец, наличие у противника танков и отсутствие их у десанта ставило японцев в еще более выгодное положение.

Вечером 16 августа командующий Тихоокеанским флотом адмирал И. С. Юмашев отдал приказ приступить к выполнению десантной операции.

Вследствие ограниченности времени подготовка к операции заключалась в осуществлении ряда технических и организационных мероприятий. Вопросы специальной подготовки выделенных для операции сил и средств, в том числе и отработка взаимодействия между ними, а также мероприятия по маскировке, практического разрешения не получили. И все же принимались меры по достижению скрытности подготовки операции. Так, для обеспечения скрытности перехода и внезапности подхода к острову Шумшу было решено никаких средств навигационного оборудования (огни, радиомаяки) не включать. С целью дезориентации противника знаком посадки был избран один из сигналов, применявшихся при проводке кораблей в Первом Курильском проливе¹²⁸. Так как с целью ускорения погрузки места посадки были в самом Петропавловском порту и в бухте Раковая, а войска находились на виду у города и индустриального поселка в течение двух дней, командир ПВМБ на время подготовки и перехода десанта к месту высадки запретил радиопереговоры и выход рыболовецких и других судов в море¹²⁹. Высадке десанта должна была предшествовать артиллерийская и авиационная подготовка, которую планировалось начать за 30 минут до начала высадки.

Искусная маскировка объектов на острове Шумшу не позволяла установить фактическую оборону острова. Авиация из-за низкой облачности и тумана не смогла произвести разведку и полностью изучить район предстоявшей операции. Тщательное изучение и критический анализ имевшихся данных не дали общей картины о столь широко развернутой сети оборонительных наземных и подземных сооружений, сделанных по последнему слову фортификационной техники, которая была обнаружена после занятия острова. И наоборот, предполагаемых морских береговых батарей на острове Шумшу не оказалось. К моменту высадки штаб не располагал точными данными о наличии у противника огневых средств, количестве и калибре пушек¹³⁰. Анализ изученных архивных материалов позволяет сделать вывод, что для десантников оказалось неожиданностью наличие довольно мощной артиллерийской батареи на полузатопленном танкере «Мариуполь». Положительную роль в период подготовки к операции, однако, сыграло то обстоятельство, что штабы командующего

Советские бойцы на палубе транспортного корабля во время перехода к острову Шумшу

операцией, командира высадки, командира десанта и командиров различных соединений кораблей были размещены в одном месте — в штабе Петропавловской ВМБ. Это способствовало быстроте отработки документов и согласованности действий между штабами, а также сохранению в тайне предстоявшей операции.

К 15 часам 15 августа 1945 г. корабли и десантные войска сосредоточились в пунктах посадки, а в 18 часов 16 августа посадка и погрузка передового отряда, первого и второго эшелонов десанта были закончены. В общей сложности на посадку было затрачено немногим больше суток. Сосредоточение кораблей и десантных войск в местах посадки и сама посадка обеспечивались постоянным барражированием истребительной авиации. 17 августа в 5 часов по сигналу командира высадки, соблюдая тишину и порядок, корабли снялись с якоря и, построившись в установленные порядки, начали под проводкой тральщиков «Вега» и ТЩ-525 движение из Авачинской губы к острову Шумшу. Видимость на всем переходе была переменная от 0,5 до 4 кабельтовых. При выходе из базы десантные суда применяли светосигнальные средства, что демаскировало движение отрядов, но после вмешательства командования работа светосигнальными средствами была прекращена¹³¹. С целью соблюдения скрытности перехода радиопередач на КВ не было, управление шло визуальными средствами и по УКВ, причем работа на УКВ была прекращена за 60 миль до острова Шумшу с проходом траверза мыса Инканюш¹³².

Пока десант совершал переход, авиация, а затем береговая артиллерия ТОФ нанесли ряд ударов по японской обороне на острове Шумшу. Через полчаса после выхода кораблей из Авачинской губы три самолета ПВМБ произвели разведку и бомбардировку противодесантной обороны острова. Затем до конца дня 17 августа самолеты 128-й авиадивизии наносили групповые бомбовые удары по военным объектам Шумшу.

18 августа в 2 часа 15 минут корабли десанта повернули в Первый Курильский пролив. Примерно в это время по участкам высадки, оборонительным сооружениям и боевым порядкам противника на острове Шумшу открыла огонь береговая батарея с мыса Лопатка. До 4 часов 50 минут она выпустила 200 снарядов.

Переход морем проходил в весьма трудных метеоусловиях: видимость снижалась порой до 0,5 кабельтовых, и корабли часто теряли друг друга в тумане. Управление на переходе усложнялось тем, что корабли имели различные ходовые качества, а в целом скорость отряда не превышала 8 узлов. Однако трудности перехода были преодолены, и к назначенным местам высадки все корабли прибыли в срок. В 4 часа 10 минут десантные корабли № 1, 3, 8 и 9 подошли к месту высадки, открыли артиллерийский огонь по берегу и начали высаживать передовой десант. Открытие огня было явно преждевременным, так как противник еще не обнаружил высадку. К тому же перегруженные десантные суда, имевшие большую осадку, вынуждены были остановиться в 100–150 м от берега на глубинах до двух метров. Многие десантники, прыгавшие за борт с тяжелой ношей за плечами, еще не успели доплыть до берега. Японцы, ответившие вначале беспорядочным ружейно-пулеметным огнем, наращивали противодействие. Тогда командир высадки приказал кораблям отряда огневой поддержки подавить корабельной артиллерией укрепленные огневые точки противника¹³³.

Корректировочные посты не сумели установить связь с кораблями из-за того, что при высадке радиоаппаратура намочила, и огонь велся вслепую. Из 22 радиостанций, доставленных на берег, работала только одна — радиостанция корректировочного поста сторожевого корабля «Держинский». Наблюдать падение снарядов в условиях тумана было невозможно. Высадка передового десанта продолжалась в течение 40 минут и закончилась захватом плацдарма на берегу, а к 7 часам 25 минутам началась и к 20 часам была завершена и высадка войск первого и второго эшелонов десанта¹³⁴.

Из-за неисправности радиостанций, выгруженных на берег, командующий операцией и командир высадки, находившиеся на ТЩ-334, не смогли установить надежной связи с высадившимися войсками и на некоторое время потеряли управление ими на берегу¹³⁵. Они не знали обстановки, в которой десанту пришлось вести боевые действия. Надежную связь удалось установить только через три часа после начала высадки. Непосредственное управле-

ние развертыванием и высадкой первого эшелона десанта также было потеряно: командир первого эшелона и его штаб находились в море на поврежденном корабле. Погода не позволяла использовать авиацию для непосредственной поддержки десантников на берегу. Всё это не могло не отразиться и на темпах высадки второго эшелона. От огня неподавленных японских батарей советские десантники несли значительные потери. В результате сильного огневого противодействия противника отряд кораблей потерял при высадке сторожевой катер, четыре десантных судна, а восемь десантных судов получили серьезные повреждения¹³⁶.

Подразделения первого броска, не имевшие потерь, за исключением двух легко и одного тяжело раненных, после высадки начали стремительное продвижение в двух направлениях: на укрепленные высоты 165 и 171 и в сторону мыса Котомари. Японцы встретили десантников сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем из замаскированных позиций; противник на высотах имел доты и дзоты. Попытки десантников уничтожить их гранатами успеха не имели, тогда были выделены специальные подрывные группы, которые и уничтожали доты и дзоты.

Выдвинув до 20 танков, японцы перешли в контратаку, но после потери 15 танков и большого числа пехоты вынуждены были отойти на прежние позиции. Отражению атаки частично содействовали корабельная артиллерия и береговая батарея с мыса Лопатка. В 5 часов 15 минут от огня наших кораблей загорелось здание маяка на мысе Кокутан. Гигантская огненная свеча послужила хорошим ориентиром в тумане для подходов судов с первым эшелонам десанта. Но как только в 5 часов 30 минут очередные суда подошли к берегу, японские доты и дзоты перенесли на них весь свой огонь. Особенно пагубным был огонь с мысов Кокутан и Котомари и с выброшенного на мель в 1943 г. танкера «Мариуполь», на котором было установлено около 20 орудий калибром до 75 мм. Японцы располагали большим запасом снарядов, по ним и сосредоточили огонь корабли артиллерийской поддержки десанта. Первыми же залпами удалось уничтожить хорошо видимые с моря батареи на танкере «Мариуполь». Стрельба же по 75-мм батареям, расположенным на мысах Кокутан и Котомари, оказалась безрезультатной. Укрытые в глубоких невидимых с моря капонирах, японские батареи были малоуязвимы. Не видя целей, наши комендоры вынуждены были вести огонь по площади и без корректировки.

Через два часа после отражения первой контратаки, сосредоточив значительные силы пехоты и шесть танков, противник вновь начал контратаковать десантников. Передовой отряд вынужден был оставить вершины высот, отойти на склоны и перейти к обороне.

Высадка на остров Шумшу главных сил также проходила в условиях нарастающего сопротивления неприятеля. Элемент тактической внезапности был окончательно утрачен, и японцы, оправившись после первого удара, открыли огонь по кораблям и десанникам. Чтобы выгрузить технику — артиллерию, танки, автомашины, пришлось под огнем противника построить причалы из спасательных плотиков и бревен. В 7 часов 26 минут десантное судно № 43, сильно поврежденное артиллерийским огнем противника, выбросилось на мель севернее мыса Котомари. На этом судне от попадания вражеских снарядов возник пожар, но команда продолжала выполнять боевое задание. Краснофлотец Андрощук находился у крупнокалиберного пулемета. Огонь пожара уже охватывал его боевой пост, но он продолжал непрерывно стрелять по японским батареям трассирующими пулями, указывая цели нашим кораблям прикрытия. Старшины Тарумов и Богомазов быстро организовали тушение пожара. На морях горела одежда, но они бесстрашно боролись с огнем, и пожар был ликвидирован.

В 8 часов 25 минут десантные суда второго эшелона закончили выгрузку техники и приступили к высадке частей Камчатского оборонительного района с транспортов второго эшелона. Противник вел ураганный огонь по десантным судам и по кораблям, стоявшим на рейде у места высадки.

В 9 часов 10 минут передовой отряд при поддержке артиллерийского огня батареи № 945 и сторожевого корабля «Дзержинский» возобновил наступление и, сломив сопротивление японцев, через 10 минут овладел высотой 171, правда, вновь временно. Взаимодействие с артиллерией стало возможно лишь благодаря старшему краснофлотцу Г. В. Мусорину, кото-

рому удалось сохранить единственную работоспособную радиостанцию корректировочного поста как раз со сторожевого корабля «Дзержинский». Мусорин вспоминал: «Я знал, что наши радиостанции боятся воды, и решил во что бы это ни стало сохранить свою рацию. Набрал в легкие воздуха, я оттолкнулся от трапа и, держа над головой свой груз, пошел под водой по каменистому грунту в направлении берега. Запаса воздуха хватило ненадолго, появились головокружение и звон в ушах. Короткие секунды казались вечностью. Мучительно хотелось оттолкнуться от грунта и всплыть, но я боялся подмочить рацию и сделал еще несколько шагов». Первый контакт этой радиостанции с кораблем состоялся уже через 35 минут после начала высадки¹³⁷.

В 10 часов 07 минут появился японский самолет, который, воспользовавшись туманом, подошел незамеченным, сбросил три бомбы в районе маневрирования десантных кораблей и обстрелял пулеметным огнем сторожевой корабль «Киров», ранив двух пулеметчиков. До 13 часов 20 минут японские самолеты одиночно и группами продолжали бомбить и обстреливать корабли десанта. Так, тральщик (командир старший лейтенант В. Д. Гусев), производивший разведку обороны противника в районе западного побережья острова Шумшу, был атакован восемью вражескими самолетами, два из которых удалось сбить зенитной артиллерией корабля. Одновременно тральщик обстреляли четыре 130-мм орудия противника¹³⁸.

Перегруппировав свои силы, японцы в 14 часов предприняли контратаку из района юго-западных скатов высоты 171 силами до двух пехотных батальонов при поддержке 18 танков. Противник рассчитывал расщепить силы десанта и затем уничтожить их по частям, но это ему не удалось. Командир десантного отряда сосредоточил на направлении японской контратаки до 100 противотанковых ружей и четыре 45-мм орудия — всё, чем располагал десант. Одновременно по заявке десантников корабли отряда артиллерийской поддержки и батарея с мыса Лопатка произвели мощный обстрел японских позиций. Понеся большие потери в людях и танках, японцы отступили. Только одному японскому танку удалось невредимым скрыться за восточным склоном высоты. О напряженности действий артиллеристов свидетельствует такой факт: по вызову с острова Шумшу в 14 часов 32 минуты батарея с мыса Лопатка в течение 26 минут выпустила 249 осколочно-фугасных снарядов.

Пока шла высадка главных сил десанта, подразделения первого броска вели упорные бои с превосходящими силами японцев, которые спешно подтягивали войска не только из других районов острова Шумшу, но и с Парамушира. В 16 часов главные силы соединились с подразделениями первого броска и возобновили наступление на высоты. После пятичасового упорного боя, в течение которого высоты трижды переходили из рук в руки, десантники окончательно овладели ими. К исходу дня десант вышел на рубеж западных скатов обеих высот и удерживал плацдарм на острове до 4 км по фронту и до 5–6 км в глубину¹³⁹.

Образцы отваги и мужества в боях за высоту 171 показали бойцы и офицеры десантников. С гранатами в руках они бросались на японские танки, на амбразуры дотов и дзотов и обеспечивали десанту продвижение вперед. Высокий героизм проявили младший сержант Георгий Баландин, старший техник-лейтенант А. М. Водынин, краснофлотцы Власенко и Кобзарь, сержант Рында и старший сержант Черепанов, которые во время танковой атаки противника со связками гранат бросились под танки и ценой своих жизней подорвали их¹⁴⁰. Старшина 1 статьи Н. А. Вилков и краснофлотец П. И. Ильичев во время штурма высоты закрыли своими телами амбразуры японских дотов. Обоим морякам посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Высота 171 ныне носит имя Вилкова.

Геройски действовали в этих боях командиры подразделений, умело руководившие своими подчиненными. Так, командир передового отряда десанта майор П. И. Шутов, имя которого носит ныне один из населенных пунктов острова Шумшу, будучи дважды ранен, мастерски управлял десантниками, и только после третьего, тяжелого, ранения его вынесли с поля боя. Личный пример героизма подавал морякам и командир батальона морской пехоты майор Т. А. Почтарев. Будучи ранен он продолжал командовать подразделением. За героизм и умелое руководство боем обоим командирам было присвоено звание Героя Советского Союза¹⁴¹.

Захваченное на острове Шумшу японское орудие

Разбитый японский дот на острове Шумшу

Исходя из сложившейся обстановки, генерал А. Р. Гнечко поставил в 20 часов 18 августа перед десантом задачу: с утра 19 августа возобновить наступление в общем направлении на военно-морскую базу Катаока и к исходу дня овладеть ею и всем островом. Артиллерийская и авиационная поддержка наступления возлагалась на корабли и 128-ю авиадивизию. По замыслу командующего операцией в наступлении должна была участвовать полевая артиллерия, выгруженная в течение ночи. Для этого специально созданным усиленным штурмовым ротам надлежало к 24 часам штурмом овладеть опорными пунктами противника на мысах Кокутан и Котомари, чтобы японцы не смогли помешать выгрузке боевой техники на берег. Однако штурмовые группы, действия которых проходили в условиях сильного артиллерийского, минометного и пулеметного огня, несмотря на решительные ночные атаки, когда противник прицельный огонь вести не мог, выполнили задачу по уничтожению этих опорных пунктов только к утру 19 августа¹⁴². К этому же времени в район боевых действий были доставлены самоходные баржи и кунгасы из ближайшего Озерновского рыболовецкого комбината, началась выгрузка тяжелой артиллерии, тракторов и автомашин. На берегу был построен причал, к которому могли подходить катера и кунгасы для разгрузки людей и боевой техники средних весов. Кунгасы с тяжелой техникой подходили кормой к берегу и разгружались по сходням, сделанным из бревен. Неприятель противодействия выгрузке не оказывал. К 16 часам 19 августа тяжелое вооружение и техника были в основном выгружены¹⁴³. В итоге 19 августа на Шумшу складывалось уже новое соотношение воюющих сил. И хотя японцы располагали еще значительными резервами, их командование начинало осознавать бессмысленность дальнейшего кровопролития.

Исходя из этого и в связи с объявлением о прекращении военных действий в Маньчжурии, командующий японскими войсками на Курильских островах командир 91-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки (в некоторых документах он назван Цусими Кусаки) в 9 часов 19 августа прислал к командиру десанта на острове Шумшу парламентаря с предложением начать переговоры о капитуляции. В результате последовавших за этим переговоров в 18 часов того же дня был подписан акт о безоговорочной капитуляции 91-й пехотной дивизии, оборонявшей острова Шумшу, Парамушир и Онекотан¹⁴⁴. На основании этого документа был разработан план пленения японских гарнизонов. Согласно достигнутой договоренности, на следующий день на аэродром Катаока перебрасывался полк морской авиации, а корабли Северной Тихоокеанской военной флотилии должен был встретить японский лоцман и провести их в военно-морскую базу Катаока с последующей переброской части десанта на Парамушир. Однако в назначенном месте лоцмана не оказалось, и командир отряда хотя и предположил, что японцы готовят провокацию, все же решил самостоятельно следовать в Катаоку.

При входе во Второй Курильский пролив отряд неожиданно подвергся сильному артиллерийскому обстрелу с островов Парамушир и Шумшу. Корабли открыли ответный огонь и, прикрываясь дымовыми завесами, отошли в море. Минный заградитель «Охотник» получил три прямых попадания 75-мм снарядами, в результате которых были убиты и ранены 15 человек и повреждено рулевое управление. На отходе отряд был безуспешно атакован японскими самолетами-торпедоносцами.

Получив известие о коварных действиях противника во Втором Курильском проливе, 20 августа в 13 часов десант перешел в наступление. Боевой порыв тихоокеанцев был настолько велик, что противника не спасли даже мощные оборонительные сооружения. Он был отброшен на 5–6 км в глубь острова. Одновременно 128-я авиадивизия нанесла массированные удары по базам Катаока и Касивабара: 61 самолет сбросил на военно-морские базы 211 бомб и причинил им серьезный урон¹⁴⁵. Это отрезвляюще подействовало на японцев. Командир 91-й пехотной дивизии генерал Ц. Фусаки поспешил заверить советское командование, что «японские войска в северной части Курильских островов прекращают всякие боевые действия, складывают оружие и сдаются в плен советским войскам»¹⁴⁶. Но и после этого японское командование на местах под любым предлогом медлило с разоружением. В этой обстановке советское командование решило временно приостановить действия, чтобы нарастить силы для решающего удара по северным островам Курильской гряды. Для усиления десанта было

решено перебросить кораблями Тихоокеанского флота два пехотных полка с полуострова Камчатка. Но с 14 часов 22 августа японцы начали складывать оружие. К исходу следующего дня советским войскам сдались в плен свыше 12 тыс. японских солдат и офицеров гарнизона острова Шумшу. Вслед за этим начался прием капитуляции и на Парамушире, куда в ночь на 24 августа стали перебазироваться советские войска. За время боев на Шумшу противник потерял убитыми и ранеными около 1020 солдат и офицеров.

В ходе боев за Шумшу понесли тяжелые потери и воины-тихоокеанцы. Только непосредственно на поле боя погибли 516 советских воинов — 48 офицеров, 95 младших командиров и 273 красноармейца и краснофлотца, не считая умерших от ран в лазаретах и госпиталях, а общие потери убитыми и ранеными составили 1567 человек. 123 человека пропали без вести. Четыре десантных судна и один катер погибли, восемь десантных судов были повреждены¹⁴⁷.

Длившиеся пять дней боевые действия на Шумшу носили характер штурма мощных укреплений на острове, который с полным основанием можно отнести к числу морских крепостей периода минувшей войны. Задача советских войск и сил флота облегчалась тем, что противник не ожидал их высадки на острова Курильской гряды, а готовился к отражению американского десанта. Этим объясняется его беспечность в ведении серьезной разведки в нашем направлении, даже радиолокация на мысе Кокутан не работала¹⁴⁸. Как признал командир японской дивизии генерал Ц. Фусаки, 18 августа для него стало «черным днем»¹⁴⁹.

Решительный характер действий частей Камчатского оборонительного района и сил Петропавловской военно-морской базы в боях за остров Шумшу обеспечил им относительно спокойное овладение большинством других островов Курильской гряды, к планированию которого командование ТОФ приступило, когда на Шумшу еще продолжались упорные бои.

В этой связи 19 августа командиру ПВМБ была направлена шифрограмма, в которой ему ставилась задача совместно с командующим Камчатским оборонительным районом до 25 августа занять остальные острова северной части Курильской гряды до острова Симушир включительно¹⁵⁰. Для выполнения этой задачи выделялись все оставшиеся силы и средства КОР и ПВМБ.

После занятия Шумшу и Парамушира штабы КОР и ПВМБ основное внимание переключили на остров Онекотан, который надлежало занять в соответствии с распоряжением Военного совета 2-го Дальневосточного фронта от 15 августа. Туда и направился командующий Курильской десантной операцией генерал А. Р. Гнечко на ТЩ-334 в сопровождении сторожевого корабля «Дзержинский». 24 августа при подходе к острову Онекотан он получил директиву Военного совета 2-го Дальневосточного фронта о незамедлительном разоружении, интернировании и эвакуации японских гарнизонов и гражданских лиц на островах к югу от Онекотана до Урупа включительно. Таким образом, начинался следующий этап Курильской десантной операции, и надо было срочно перегруппировать силы и средства для выполнения полученной директивы.

Принципиально новым являлось то, что японские войска, находившиеся на островах южнее Онекотана, подчинялись не подписавшему акт о капитуляции генералу Ц. Фусаки, а непосредственно командующему войсками 5-го фронта, штаб которого располагался на Хоккайдо. Кроме того, вспоминал впоследствии генерал А. Р. Гнечко, десантникам не было известно, какими силами и оборонительными сооружениями располагал противник на этих островах, они не имели точных карт побережий островов и не знали удобных мест для высадки¹⁵¹.

Для проведения *операции по занятию островов центральной части Курильской гряды* командование КОР и ПВМБ организовало из состава имевшихся в их распоряжении кораблей и воинских подразделений два разведывательных отряда и отряд главных сил десанта. Первому разведотряду ставилась задача произвести разведку курсов перехода и мест высадки десантных войск на островах Ширинка, Маканруши, Онекотан, Харимкотан, Экарма, Шиашкотан и Циринокотан; второму разведотряду — разведать оборону островов Матуа, Кетой, Симушир и впоследствии Уруп. Главные силы должны были, исходя из обстановки, занять острова и обеспечить капитуляцию японских войск.

К 2 часам 30 минутам 28 августа первый разведывательный отряд принял капитуляцию японских гарнизонов островов Онекотан, Харимкотан, Шиашкотан и, взяв на борт кораблей военнопленных и их вооружение, в полном составе направился в бухту Катаока. На островах Ширинка, Маканруши, Экарма и Циринкотан гарнизонов японских войск не оказалось, и высадка на них советских десантников не производилась¹⁵².

24 августа в 21 час 30 минут сторожевой корабль «Держинский» с десантом вышел из бухты Катаока для следования к острову Матуа. По пути наблюдением с моря за островом Райкоке было установлено, что он необитаем. На следующий день в 14 часов отряд прибыл на Матуа. Вручив через взятого на борт представителя командира 91-й японской пехотной дивизии начальнику гарнизона острова командиру 41-го отдельного смешанного полка полковнику Уэде приказ о капитуляции, разведотряд организовал прием пленных и вооружения японских войск и в полдень 26 августа вышел к острову Кетой. Убедившись, что на этом острове японских войск нет, командир отряда принял решение следовать к острову Симушир, и к середине следующего дня СКР «Держинский» вошел в бухту Симушир. Обследовав близлежащую часть острова, командир отряда убедился, что на его восточном побережье войск противника нет. Доложив об этом командующему КОР, он запросил разрешение следовать к острову Уруп¹⁵³.

Тем временем к выполнению боевой задачи приступили и главные силы десанта. 26 августа в 8 часов отряд кораблей под общим командованием командира ПВМБ капитана 1 ранга Д. Г. Пономарева вышел из бухты Катаока на юг для занятия островов Парамушир, Харимкотан, Экарма, Шиашкотан, Матуа, Расшуа, Кетой и Симушир. В 15 часов транспорты «Урицкий» и «Туркмен» в охранении двух тральщиков с десантом под командованием начальника разведывательного отделения штаба 101-й стрелковой дивизии майора Наруллина, отделившись от основного отряда, подошли к юго-восточной части острова Парамушир, где и приступили к высадке 2-го и 3-го батальонов 373-го стрелкового полка, а также 279-го артиллерийского полка (без двух дивизионов).

Между тем десантная операция развивалась стремительными темпами. 27 августа в 9 часов 45 минут генерал А. Р. Гнечко получил от Военного совета 2-го Дальневосточного фронта распоряжение о занятии в жесткий срок острова Уруп¹⁵⁴. В этой связи командующий КОР совместно с командиром ПВМБ капитаном 1 ранга Д. Г. Пономаревым решили высадить для разведки Итурупа одну роту 302-го стрелкового полка со сторожевого корабля «Киров» (флагманский корабль командира ПВМБ), а пароходы «Менжинский», «Рефрижератор № 2» и ДС-6 в охранении сторожевого корабля «Киров» и ТЩ-334 немедленно направить в район островов Симушир и Уруп, при этом с «Москальво», «Рефрижератора № 2» и ДС-6 высадить десант на Симушир.

27 августа в 15 часов командующий КОР отдал командиру 101-й стрелковой дивизии приказ о подготовке боевых частей для переброски с северо-западной части Парамушира в район Урупа. Во исполнение этого приказа 28 августа в 6 часов пароход «Волхов» в бухте Касивабара приступил к погрузке одного батальона 198-го стрелкового полка и двух дивизионов 279-го артполка. Тем временем к 9 часам 28 августа транспорты «Москальво», «Рефрижератор № 2» и ДС-6 в охранении сторожевого корабля «Киров» и ТЩ-334, вышедшие 26 августа из бухты Катаока (по пути от них отделился для высадки одного батальона 302-го стрелкового полка на о. Матуа транспорт «Менжинский»), при видимости 0,5 кабельтовых подошли к северной части Урупа. Не найдя удобного места для высадки десанта, корабли вышли в целях обследования острова с западного и восточного побережий к бухте Токотан, где в 13 часов 34 минуты стали на рейде. Из докладов высланной на Уруп разведгруппы стало известно, что на западном побережье острова японские воинские части отсутствуют и удобных мест для высадки десанта нет. Оценив обстановку, командующий КОР и командир ПВМБ отдали приказание транспортам с десантом главных сил сняться с якоря и следовать в порт Товано. По ранее отданному приказанию командующего КОР для усиления десантного отряда на острове Уруп в 20 часов в этот район из Парамушира прибыли десантники на пароходе «Волхов», который, однако, сел на мель в районе острова Харимкотан, где и высадил десант 31 августа.

Группа советских офицеров и политработников на Курильских островах

Захваченный японский плавающий танк

Утром 29 августа транспорты с главными силами десанта вошли в порт Товано, где в 12 часов 35 минут встретились с прибывшими сюда же сторожевым кораблем «Киров», ТЩ-334 и ДС-6. Высаженная на берег разведгруппа установила, что помещения и оборудование порта японцами брошены. Исходя из полученных данных разведотрядов с островов Уруп и Симушир, командующий КОР совместно с командиром ПВМБ решили высадить в порт Товано острова Уруп 6-ю стрелковую роту 302-го стрелкового полка с парохода «Менжинский», обеспечив ее десятисуточным запасом продовольствия; сторожевой корабль «Киров» с 5-й ротой того же полка, принятой с парохода «Менжинский», отправить на остров Симушир и высадить ее в одноименной бухте с задачей подключиться к обследованию острова (к тому времени там находился разведотряд в составе одного взвода со сторожевого корабля «Держинский»); десантному отряду быть в готовности на рейде порта Товано.

30 августа в 10 часов 20 минут десантный отряд с ТЩ-334, на борту которого теперь были и командующий КОР, и командир ПВМБ, вновь прибыли к северной части острова Уруп¹⁵⁵. Тральщик спустил катер с разведгруппой, возглавляемой флагштурманом ПВМБ, которая была направлена на берег с задачей разведки мест высадки. Разведгруппа установила, что в этой части острова дислоцируется крупный японский воинский гарнизон. Взяв двух пленных, она возвратилась на борт тральщика. Вскоре после этого для уточнения места высадки на берег была выслана вторая разведгруппа во главе с заместителем начальника оперативного отдела штаба КОР майором Радужановым, который взял с собой переводчика и двух пленнх японцев. Встретившись с вышедшими к пирсу японскими парламентарями, Радужанов установил, что на острове Уруп дислоцируется 129-я отдельная смешанная бригада под командованием генерала Сусуми Ниho. Майор Радужанов потребовал, чтобы командир бригады к 20 часам 30 августа прибыл на борт ТЩ-334 к командующему советскими войсками. Однако к указанному времени на борт тральщика прибыл только адъютант командира 129-й отдельной смешанной бригады с группой японских офицеров. Командующий КОР генерал А. Р. Гнечко отправил их на берег и потребовал прибытия на борт корабля командира японской бригады.

Высаженные на остров Уруп с пароходов «Москальво» и «Рефрижератор № 2» два батальона (без одной роты) 302-го стрелкового полка к 6 часам 31 августа заняли линию обороны в радиусе 500–600 м от пирса¹⁵⁶. Командующий КОР через командира десанта на берегу еще раз передал командиру бригады требование прибыть на борт корабля. В тот же день в 9 часов утра командующий КОР совместно с командиром ПВМБ собрали командиров подразделений десанта, кораблей и капитанов транспортов, перед которыми была поставлена следующая задача: произвести выгрузку десанта на северную часть острова Уруп, немедленно организовать оборону и ускорить разоружение 129-й отдельной смешанной бригады. В полдень 31 августа командующий КОР на борту ТЩ-334, незадолго до этого подошедшего к пирсу бухты Миссири острова Уруп, принял японского генерала, которому установил порядок, места и время сосредоточения войск и вооружения бригады, а также ознакомил его с порядком взаимоотношений с начальником гарнизона советских войск заместителем командира 302-го стрелкового полка майором Савичевым. К 20 часам 31 августа в районе пирса бухты Миссири были сосредоточены пленные и вооружение японской 129-й отдельной смешанной бригады, которые вскоре были на «Рефрижераторе № 2» отправлены на остров Шумшу.

Задача, поставленная Главным командованием советских войск на Дальнем Востоке, по освобождению от японских войск островов северной и центральной частей Курильской гряды была выполнена. В итоге силами Камчатского оборонительного района и частями Петропавловской военно-морской базы были разоружены и пленены 91-я пехотная дивизия, 129-я отдельная смешанная бригада и 41-й отдельный смешанный полк японцев. Японских военнопленных насчитывалось 30 442 человека, в том числе генералов — 4, офицеров — 1280, унтер-офицеров — 4045, солдат — 25 113 человек¹⁵⁷. Военные трофеи составили: пушек и гаубиц всех калибров — соответственно 165 и 37 единиц, минометов — 101, танков — 60, автомашин — 138, самолетов — 7, легких, тяжелых и зенитных пулеметов — соответственно 429, 340 и 58 единиц, винтовок — 20 108 штук¹⁵⁸.

Таким образом, начавшиеся 18 августа боевые действия по освобождению островов Курильской гряды в северной и центральной ее частях 31 августа были полностью завершены. Что же касается *южнокурильских островов*, то овладение ими началось на несколько дней позднее, когда 27 августа с Сахалина на остров Итуруп был отправлен первый разведывательный отряд. При этом развитие операции на Южных Курилах во многом зависело от того, каким образом решится вопрос о высадке на Хоккайдо.

На первых порах продолжение Курильской десантной операции в южном направлении намечалось осуществлять теми же силами, которые ее начинали. Поэтому в конце второй декады августа внимание советского командования было обращено на подготовку высадки крупного десанта на северную часть острова Хоккайдо и овладение его территорией вплоть до линии, идущей от г. Кусиро до г. Румоэ. В связи с этим закономерен вопрос: если планировалась оккупация Советским Союзом части территории собственно Японии, как об этом говорилось в документах, раскрывающих замысел военных действий на Дальнем Востоке¹⁵⁹, то почему только до этой линии? Как представляется, названный рубеж мог быть лишь ближайшей задачей десантной операции на остров Хоккайдо. Решение ее определило бы последующую задачу советских войск. В случае, если Япония отказалась бы от безоговорочной капитуляции или стала сопротивляться, принятие решения на последующую задачу войскам, высадившимся на острове Хоккайдо, не заняло бы много времени. Целью военных действий на территории собственно Японии в замысле как раз и было названо — «вынудить ее капитулировать»¹⁶⁰. План операции командованию Тихоокеанского флота требовалось доложить 19 августа не позднее 20 часов. Анализ архивных документов¹⁶¹ позволяет вскрыть замысел и порядок подготовки десантной операции на Хоккайдо и Южные Курилы.

В соответствии с первоначальным планом маршала А. М. Василевского, флот должен был осуществить высадку на Хоккайдо стрелкового корпуса в составе до трех стрелковых дивизий, предварительно сосредоточив их в портах Отомари и Маока на Южном Сахалине. Поставленная задача значительно отличалась от тех, которые флоту приходилось решать раньше. Иными были масштаб и условия проведения операции, да и сам характер десанта. Главное заключалось в том, что теперь предстояло высаживаться на территорию собственно Японии. Как известно, американцы считали такую высадку чрезвычайно сложной, требующей длительной подготовки и связанной с большими потерями. Правда, после разгрома Квантунской группировки войск и выказанной готовности Японии капитулировать обстановка существенно изменилась. И все же можно было ожидать серьезного противодействия как во время перехода, так и при бое за высадку на самом Хоккайдо.

Учитывая это, народный комиссар Военно-морского флота СССР адмирал флота Н. Г. Кузнецов считал целесообразным вторжение на остров Хоккайдо произвести после освобождения Южного Сахалина через пролив Лаперуза, о чем им было доложено маршалу А. М. Василевскому 19 августа. Но это предложение сначала не было принято, вероятно, в связи с тем что действия на Сахалине еще только разворачивались, а ставка главнокомандующего и поэтому первоначально требовала проведения операции в период с 19 августа по 1 сентября.

Согласно указаниям ставки А. М. Василевского, операцию по овладению северной частью острова Хоккайдо и южными островами Курильской гряды планировалось провести следующим образом: 87-й стрелковый корпус высадить непосредственно в порт Румоэ (центральная часть острова Хоккайдо) тремя последовательными эшелонами, по одной дивизии в каждом. Соответственно намечались три этапа операции: на первых двух предполагалось овладеть портом и городом Румоэ, а на третьем — высадить дивизию для последующего наступления через Хоккайдо на южные острова Курильской гряды. В случае серьезного противодействия японцев вся высадка в целом в большой степени зависела бы от успеха первого броска десанта, поэтому командование Тихоокеанского флота сочло необходимым в составе первого эшелона, непосредственно перед высадкой головной 355-й стрелковой дивизии 87-го стрелкового корпуса, высадить 354-й отдельный батальон морской пехоты, имевший соответствующую подготовку и опыт десантных действий, который должен был овладеть портом и подготовить его для высадки основных сил десанта и базирования кораблей флота.

Переброску десанта морем намечалось осуществить крупными транспортом и кораблями отряда легких сил флота. Переход, высадка и бой на берегу должны были обеспечиваться разнородными силами флота и авиации. Первый бросок в составе 354-го отдельного батальона морской пехоты и одного стрелкового полка должен был завершить переход морем на шести десантных судах в охранении четырех эскадренных миноносцев и шести торпедных катеров. Последним надлежало выйти из бухты Владимира. В случае противодействия японцев эскадренные миноносцы предназначались для использования в качестве кораблей артиллерийской поддержки. Торпедные катера при благоприятных условиях могли быть использованы в качестве высадочных средств первого броска. Выход рассчитывался так, чтобы первому броску быть в районе Румоэ на два часа раньше подхода основных сил стрелковой дивизии. Основные силы дивизии предполагалось перевезти на транспортах в охранении четырех фрегатов, четырех тральщиков и четырех катеров БО.

Чтобы лишить противника возможности внезапно ввести в Японское море корабельную группировку из тихоокеанских баз, со стороны проливов Сангарского и Лаперуза на четырех позициях развертывались четыре подводные лодки с задачей разведки и уничтожения японских боевых кораблей. На аэродромах Владимиро-Ольгинской военно-морской базы было сосредоточено до полка бомбардировщиков ДБ-23, полк Як-9 и 20 самолетов Як-9Ю. Десант на всем пути следования и при бое за высадку должен был прикрываться истребительной авиацией. Начиная с 19 августа планировалось вести разведку, преимущественно воздушную, портов и военно-морских баз южной части Сахалина, острова Хоккайдо, Сангарского пролива и подходов к западному побережью Хоккайдо с таким расчетом, чтобы корабли противника не могли пройти, не будучи обнаруженными.

Особо решался вопрос о действиях бомбардировочной авиации. Исходя из предположения, что неприятель не собирался оказывать сопротивление, предварительную воздушную подготовку проводить не планировалось, чтобы не допустить ненужных разрушений и жертв среди населения. Учитывая это, предусматривалось, что бомбардировочная и торпедоносная авиация в момент подхода кораблей к Румоэ займет зону ожидания над портом и удар будет наноситься лишь в случае необходимости по сигналу командира высадки. Для этого выделялся авиационный полк, а два других находились на аэродромах в готовности.

В соответствии с изложенным планом Военный совет Тихоокеанского флота в полдень 19 августа отдал боевой и организационный приказы. Последний устанавливал состав сил и организацию командования. Для перевозки войск выделялось шесть десантных судов и шесть транспортов, в качестве сил охранения и поддержки назначались лидер «Тбилиси», три эскадренных миноносца («Резвый», «Разящий», «Рьяный»), четыре сторожевых корабля, четыре тральщика типа АМ, четыре катера БО и шесть торпедных катеров. Командиром высадки был назначен контр-адмирал И. Г. Святов, флаг которого должен был находиться на лидере «Тбилиси», командиром высадки войск первого эшелона — капитан 3 ранга М. Г. Беспалов (флаг — на СКР-9).

Начать десантирование войск на Хоккайдо предполагалось на рассвете 24 августа, что было связано с расчетами завершить к этому времени освобождение Южного Сахалина, поэтому срок готовности кораблей и десантных частей был определен 18 часами 20 августа. Учитывая время, необходимое на рассылку приказа и отдачу предварительных распоряжений, на подготовку частям и кораблям оставалось менее суток. Однако в 9 часов 21 августа боевой и организационный приказы были отменены и отданы новые.

Дело в том что 18 августа маршал А. М. Василевский, не имея подтверждения со стороны Верховного главнокомандующего относительно конкретных сроков проведения операции, напомнил о предварительных указаниях И. В. Сталина в шифрограмме на имя членов Ставки ВГК Н. А. Булганина и А. И. Антонова. Однако в течение двух дней никакого ответа не последовало. Тем временем необходимые приготовления начались¹⁶².

О ходе подготовки десантной операции на Хоккайдо маршал А. М. Василевский систематически докладывал лично Верховному главнокомандующему И. В. Сталину. Так, в очередной шифровке от 20 августа 1945 г., переданной в 8 часов утра, говорилось: «В настоящее

время я и командование первым Дальневосточным фронтом серьезно заняты подготовкой десантной операции на остров Хоккайдо. Сейчас ведем морскую разведку, готовим авиацию, артиллерию, пехоту и транспортные средства. С Вашего разрешения морскую операцию здесь начнем после занятия южной части Сахалина, ориентировочно 22.8.45»¹⁶³. 20 августа после полудня И. В. Сталин подтвердил указание подготовить 87-й стрелковый корпус для участия в десантной операции на остров Хоккайдо¹⁶⁴. Маршал А. М. Василевский, реализуя указания Ставки ВГК, в 14 часов дал указание командующим войсками 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, командующему Тихоокеанским флотом и командующему Военно-воздушными силами на Дальнем Востоке быть готовыми к проведению операции на Хоккайдо к исходу 23 августа¹⁶⁵. Однако А. М. Василевский подчеркнул, что «срок начала операции по высадке наших войск в северной части острова Хоккайдо и южной части Курильских островов будет дополнительно указан Ставкой Верховного Главного Командования»¹⁶⁶.

Таким образом, десантная операция на остров Хоккайдо могла быть начата при благоприятном стечении обстоятельств не раньше 25 августа. Как описано выше, Южно-Сахалинская наступательная операция войск 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта во взаимодействии с Северной Тихоокеанской военной флотилией проводилась 11–25 августа 1945 г. Бои были упорными. Сломить сопротивление 21 августа, как планировалось, не удалось. Официально днем окончания этой операции считается 25 августа, когда Северной Тихоокеанской военной флотилией был высажен десант в составе сводной бригады моряков в порт Отомари, а войска 16-й армии вступили в административный центр Южного Сахалина г. Тойохара. Очаговые бои мелких групп японских войск и после этого еще продолжались. Следовательно, об участии в каких-либо других операциях можно было говорить только после перегруппировки войск, участвовавших в боях, и их пополнении.

Вместе с тем обстановка в районе Курильских островов, где с 18 августа началась десантная операция, оставалась сложной. Японские войска гарнизона острова Шумшу оказывали упорное сопротивление советским десантникам. Их разоружение было завершено лишь 23 августа. Стало ясно, что «закончить оккупацию... островов северной части Курильской гряды до острова Симуширу-то (Симушир. — *Прим. ред.*) включительно» до 25 августа, как того требовала шифрограмма маршала А. М. Василевского от 18 августа¹⁶⁷, не удастся (это было сделано лишь 28 числа).

Несмотря на все приготовления, И. В. Сталин 22 августа (между 10 и 13 часами, точное время по документам установить не удалось) приказал маршалу А. М. Василевскому приостановить подготовку к высадке на Хоккайдо, а последний продублировал это приказание шифротелеграммой в тот же день в 14 часов 55 минут народному комиссару Военно-морского флота СССР адмиралу флота Н. Г. Кузнецову и командующему Тихоокеанским флотом адмиралу И. С. Юмашеву. В шифротелеграмме говорилось: «От операции по десантированию наших войск на остров Хоккайдо необходимо воздержаться впредь до особых указаний Ставки». Одновременно маршал А. М. Василевский попросил моряков предусмотреть переброску головной дивизии 87-го стрелкового корпуса с острова Сахалин на южные Курильские острова Кунашир и Итуруп, «минуя остров Хоккайдо»¹⁶⁸. А 27 августа начальник штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке генерал-полковник С. П. Иванов разослал приказ главкома: «Во избежание создания конфликтов и недоразумений по отношению союзников категорически запретить посылать какие бы то ни было корабли и самолеты в сторону о. Хоккайдо»¹⁶⁹.

Что же произошло? Почему десантная операция на остров Хоккайдо была И. В. Сталиным отложена, а затем и отменена? Ответ на эти вопросы дает анализ сложившейся военно-политической и оперативной обстановки на Дальневосточном ТВД во второй половине августа 1945 г.

Нет сомнений в том, что И. В. Сталин рассматривал высадку советских войск на о. Хоккайдо, где располагался штаб японского 5-го фронта, отвечавшего за оборону Южного Сахалина, Курильских островов и Хоккайдо, как акцию, не только имевшую военное значение, но и преследовавшую далеко идущие политические цели. Поэтому, несмотря на то

что согласованная в последние дни Потсдамской конференции линия разграничения зон военных действий советских и американских вооруженных сил проходила севернее острова Хоккайдо¹⁷⁰, Верховный главнокомандующий еще до начала военных действий отдал предварительные распоряжения о подготовке к высадке советских войск на этом острове Японского архипелага. Это не противоречило договоренностям с союзниками, которые предусматривали, что в зависимости от обстановки граница советской зоны ответственности могла быть изменена по согласованию с командованием США¹⁷¹. Именно так была, как отмечалось, уточнена граница зон оккупации советских и американских войск в Корее.

Получив 15 августа от президента США Г. Трумэна для согласования текст проекта так называемого «Общего приказа № 1», регламентировавшего процедуру принятия капитуляции вооруженных сил Японии, И. В. Сталин на следующий день обратился к американскому президенту с предложением включить в район сдачи японских войск советским войскам северную половину острова Хоккайдо. При этом он обосновал свое требование необходимостью учета русского общественного мнения. «Как известно, — писал Сталин Трумэну, — японцы в 1919—1921 годах держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории»¹⁷². 18 августа от Г. Трумэна была получена телеграмма с отказом внести коррективы в отношении капитуляции японских войск на Хоккайдо и указанием на то, что задача ее принятия возложена на американские оккупационные войска¹⁷³.

Однако упорное сопротивление, несмотря на объявленную японским императором 15 августа капитуляцию, вооруженных сил Японии советским войскам в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курилах вынуждали советское командование продолжать развертывание наступления на всех направлениях (военные действия союзниками, за исключением ограниченных по масштабам операций китайцев, в августе не велись). Очевидно, все вышеназванные обстоятельства и побудили И. В. Сталина подтвердить 20 августа приказ о подготовке высадки советских войск на Хоккайдо, которая, поскольку война еще не была закончена, рассматривалась с военной точки зрения как составная часть продолжавшихся военных действий, как мера, направленная на окончательный слом японского сопротивления.

Тем временем военные действия советских войск против Японии стали носить все более очаговый, хотя порой и ожесточенный характер. Фактически война была японцами проиграна, и в начале третьей декады августа стало известно, что не позднее 3—4 сентября будет подписан акт о капитуляции Японии. Однако в отличие от других фронтов войска японских гарнизонов на Южном Сахалине, а также на Курильских островах, насчитывавшие к началу Курильской десантной операции в общей сложности более 80 тыс. солдат и офицеров, продолжали оказывать ожесточенное сопротивление, о чем свидетельствовали события на острове Шумшу. Сложность гидрологии моря в районе Курильских островов, надежность их оборонительных сооружений, высокий морально-боевой дух японских солдат и офицеров не позволяли советским войскам надеяться на завершение этой операции ни к исходу 23 августа (лишь к концу этого дня была начата переброска войск на самый крупный остров в северной части Курильских островов — Парамушир, к счастью, обошедшаяся без жертв), ни даже к 25—26 августа 1945 г. В связи с этим сложилась парадоксальная ситуация: Квантунская группировка войск капитулировала, пленение ее личного состава завершалось; Северная Корея к середине последней декады августа была освобождена, примерные сроки капитуляции Японии согласованы, а многие японские гарнизоны Южного Сахалина и Курильских островов еще не были разоружены. И что же могло произойти, если бы акт о капитуляции Японии был подписан до того, как удалось разгромить или нейтрализовать гарнизоны на островах, а ближайшая задача войск на острове Хоккайдо еще не была выполнена? При этом могла сложиться весьма невыгодная для Советского Союза ситуация: во-первых, пришлось бы прекратить боевые действия на Хоккайдо и отвести свои войска на Сахалин, где обстановка окончательно стабилизировалась лишь к 29—30 августа 1945 г.; во-вторых, южная часть Курильских островов могла остаться в ведении Японии или США.

Это существенно затрудняло выход в Мировой океан кораблей Тихоокеанского флота, так как Советский Союз остался бы без незамерзающих проливов, что, кстати, создавало для него огромные трудности на протяжении всей Великой Отечественной войны.

В связи с этим интерес представляет заметка историка В. И. Измозика, в которой он передает высказывания в беседе с ним в апреле 1971 г. бывшего командующего Тихоокеанским флотом адмирала И. С. Юмашева¹⁷⁴. Дело в том что командующий имел свой план высадки десанта на Хоккайдо и докладывал о нем маршалу А. М. Василевскому, однако тот «строжайше запретил подобные действия». Это происходило после 15 августа 1945 г. В 1947 г., получив назначение на пост военно-морского министра, И. С. Юмашев в беседе с И. В. Сталиным вспомнил этот эпизод и признался, что не решился после разговора с А. М. Василевским позвонить Верховному главнокомандующему и настоять на своем. В ответ Сталин, по словам Юмашева, сказал примерно следующее: «Напрасно, товарищ Юмашев. Если бы получилось — наградили бы... если бы не вышло — наказали бы». Видимо, нерешительность и Юмашева, и Василевского, хорошо знавших нрав Верховного, не в последнюю очередь была связана с приведенной в воспоминаниях адмирала дилеммой И. В. Сталина. На решение же самого Сталина влиял гораздо больший круг факторов, в том числе перспектива многократного увеличения числа жертв со стороны советских войск при действиях на территории собственно Японии и осложнения отношений с союзниками, в которых и без того стали проявляться затруднения. Как бы то ни было, 22 августа было принято решение: от десантной операции на остров Хоккайдо воздержаться, а часть предназначенных для нее сил и средств перебросить на южные Курильские острова с целью их захвата к первым числам сентября 1945 г.

Между тем переброска войск 87-го стрелкового корпуса из Приморья на Сахалин уже началась. Штаб Тихоокеанского флота, руководствуясь жесткими указаниями маршала А. М. Василевского о необходимости немедленной переброски частей корпуса на Южный Сахалин, в 9 часов 21 августа издал оперативный приказ:

«1. На море противник активных боевых действий не ведет. На острове Сахалин десантные части СТОФ овладели портом и городом Маока. Противник прекратил сопротивление¹⁷⁵.

2. В районе Маока действуют корабли СТОФ.

3. Задача — высадить одну сд в порт Маока.

Решил: сд перевезти на транспортах в охранении боевых кораблей.

Приказываю:

А. Командиру высадки — капитану 3 ранга Беспалову высадить в порт Маока одну сд. Выход из пролива Босфор Восточный в 14.00 21.08.45 г.

Б. Командиру сд высадиться в порт Маока и в дальнейшем действовать согласно приказу командующего 1-м ДВФ.

В. Командующему ВВС генерал-лейтенанту авиации Лемешко: прикрыть десант на переходе морем и в районе высадки¹⁷⁶.

355-я стрелковая дивизия 87-го стрелкового корпуса перевозилась в порт Маока на пароходах «Дальстрой», «Невастрой», «Новороссийск», «Менделеев», «Урал», четырех десантных судах — двух типа ДС и двух типа ТДС. В охранение были выделены два эскадренных миноносца, два сторожевых корабля, два тральщика и два больших охотника. 25 августа конвой прибыл в Маоку¹⁷⁷. В последующие дни в порт Маока были направлены еще две стрелковые дивизии 87-го корпуса. Так, 23 августа на пароходах «Плеханов», «Новосибирск», «Самарканд», «Ташкент», «Смольный», «Ногин», «Находка» и «Сталинград» в охранении двух эсминцев, двух сторожевых кораблей, двух тральщиков и двух больших охотников из бухты Золотой Рог на Сахалин ушли 342-я стрелковая дивизия и 215-я артиллерийская бригада 87-го стрелкового корпуса в составе отряда под командованием капитана 3 ранга П. А. Чичерина, которому подчинялись десантный отряд и отряд поддержки. 26 августа в 14 часов 25 минут конвой прибыл в порт Маока¹⁷⁸.

25 августа из Приморья в том же направлении отправился третий десантный отряд с частями 264-й стрелковой дивизии 87-го корпуса в количестве 7429 человек на пароходах «Жан-Жорес», «Джурма», «Лев Толстой» и «Ломоносов». В отряд охранения вошли по два эсминца,

сторожевых корабля, тральщика и больших охотника. Командиром высадки был назначен капитан 2 ранга Шеркнис. Из-за поломки транспорта «Лев Толстой» конвой задержался в заливе Владимира и прибыл в Маоку без этого судна лишь 31 августа в 13 часов 30 минут¹⁷⁹. Уже в ближайшие дни порту Маока предстояло стать одной из баз для развертывания формирований советских войск на освобожденных Курильских островах и острове Сахалин.

С занятием порта Отомари командование ТОФ продолжало подготовку к высадке десантов на острова южной части Курил. 26 августа в 5 часов 40 минут капитану 1 ранга А. И. Леонову была поставлена задача провести разведку Кунашира и Итурупа, выделив для этого по одному тральщику и одной роте на каждый остров и назначив «наиболее ответственных офицеров»¹⁸⁰.

27 августа в 12 часов 50 минут два тральщика из состава кораблей, находившихся в Отомари (ТЩ-589 с ротой 3-го батальона 113-й стрелковой бригады в количестве 177 человек и ТЩ-590 с другой ротой этого батальона в количестве 166 человек), под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Брунштейна и командира десанта капитана Овчинникова вышли на выполнение задания¹⁸¹.

Днем раньше командующий ТОФ своим приказом потребовал выслать воздушный десант на двух самолетах типа «Каталина» с заданием захватить аэродром на острове Итуруп и удерживать его до подхода корабельного десанта. Оба самолета вылетели по назначению в 13 часов 30 минут, но из-за тумана спустя шесть часов смогли совершить посадку на воду вблизи Итурупа. 30 автоматчиков из состава 364-го отдельного батальона Владимиро-Ольгинской ВМБ выбрались на берег и отправились на поиск аэродрома¹⁸². 28 августа еще одна группа автоматчиков (109 человек) десантировалась с самолетов «Каталина» в районе мыса Така (остров Уруп) и впоследствии была взята на борт ТЩ-589, с которого и высадилась на остров Итуруп в бухте Рубецу. В 13 часов 15 минут оба тральщика вошли в бухту и встали на якорь на расстоянии 1,5 кабельтовых от берега. Корабельными шлюпками был доставлен передовой отряд с задачей разведать места высадки и захватить плавсредства. Через 20 минут к стоявшим в бухте тральщикам краснофлотцы с берега подвели пять самоходных японских барж, которые были использованы как высадочные средства. ТЩ-589 немедленно приступил к высадке десанта, а ТЩ-590 находился в состоянии готовности к огневой поддержке. Перехода к боевым действиям, однако, не потребовалось. К этому времени к месту высадки десанта прибыли японские офицеры-парламентеры от начальника гарнизона острова Итуруп с заявлением о готовности его войск к капитуляции. Из переговоров с парламентариями было установлено, что на островах Итуруп, Кунашир, Шикотан и нескольких мелких островах дислоцируется 89-я пехотная дивизия общей численностью 13 500 солдат и офицеров во главе с генерал-лейтенантом Кэйто Угавой. Для пленения гарнизона Итурупа, насчитывавшего около 9 тыс. человек, требовались значительные силы, и командир высадки капитан-лейтенант Брунштейн с согласия командира бригады капитана 1 ранга А. И. Леонова отправил на остров десант с обоих кораблей, что сдвинуло срок высадки на остров Кунашир¹⁸³.

Вслед за отказом Ставки Верховного главнокомандующего от высадки десанта на Хоккайдо и запрещением 27 августа посылать в сторону собственно Японии корабли и самолеты, на следующий день в бухту Золотой Рог были возвращены находившиеся на позициях на подходах к порту Румоэ подводные лодки С-52 и Л-12. Еще одна подводная лодка Л-19 в ночь на 23 августа пропала без вести (предположительно погибла на японских минах при форсировании пролива Лаперуза). В свою очередь, еще в период активной подготовки к высадке наших войск на Хоккайдо 22 августа подводные лодки Л-12 (командир капитан-лейтенант П. З. Щелганцев) и Л-19 (командир капитан 3 ранга А. С. Кононенко) потопили на подходе к порту Румоэ: первая — японский корабль береговой обороны (фрегат № 75 водоизмещением 745 тонн) и вооруженный транспорт водоизмещением 5950 тонн, а вторая — транспорт водоизмещением 8 тыс. тонн, которые покинули Сахалин вопреки требованиям приказа маршала А. М. Василевского и условиям капитуляции. Еще один транспорт подводной лодкой Л-19 был поврежден, но смог добраться до места назначения. Кроме того, крупный японский транспорт был потоплен в тот же день советской авиацией¹⁸⁴.

В новой обстановке в целях сведения под единое командование войск, действовавших на Камчатке, Сахалине и Курильских островах, главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке рано утром 28 августа приказал:

«1. Командующему 1 ДВФ все войска, прибывающие из 1 ДВФ, к 24 час. 00 мин. 30 августа передать в состав 2 ДВФ. До 31 августа овладеть и закрепить за собой острова Кунасири (Кунашир. — *Прим. ред.*), Итуруп (в южной части Курильской гряды). Для обеспечения передаваемых войск завезти и создать на острове Сахалин 10-месячный запас продфуража и не менее 20 заправок ГСМ.

2. Командующему 2 ДВФ принять передаваемые войска на острове Сахалин и Курильских островах с указанным запасом по актам. Объединить все войска, действующие на Камчатке, Курильских островах и острове Сахалин в руках командующего 16-й армией, штаб которого разместить в южной части острова Сахалин, обеспечив надежными средствами связи и сообщения с войсками.

Части расположить: 255 сд — на полуострове Камчатка; 101 сд — на северной группе Курильских островов; от 87 ск — одну сд и 113 сбр расположить в южной части Курильских островов, другие две сд разместить на Южном Сахалине, с усилением их одной танковой бригадой за счет войск фронта; в северной части Сахалина — одну сд, две сборные и части УР, объединив их в состав 56 ск.

План наземной артиллерийской обороны и ПВО представить к 5 сентября»¹⁸⁵.

Между тем события продолжали быстро развиваться. 28 августа в 21 час 50 минут командующий Северной Тихоокеанской военной флотилией получил шифрограмму Военного совета ТОФ № 12 146: «Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке приказал: на остров Итуруп и остров Кунасири перевести 355 сд (перевезена Беспаловым в Маока), 113 сбр, пушечный полк. Погрузку частей произвести в порту Отомари. Из состава 355 сд два полка высадить на Итуруп, один полк — на Кунасири. Для проведения этой операции выделяются: отряд Чичерина в полном составе, два ДС, три ТДС, транспорты «Новороссийск», «Сталинград», «Находка», «Новосибирск». Командование операцией возложить на Вас. Вам надлежит:

1. Установить связь с командиром 87 СК и решить все вопросы.
2. Перевести отряд Чичерина и назначенные транспорты в Отомари, обеспечив надежную проводку за тралами.
3. Закончить операцию 3.09.45 г.»¹⁸⁶.

Реализация полученных флотом указаний требовала значительных организационных усилий и соответствующего материально-технического обеспечения. Одной из главных задач моряков-тихоокеанцев в последние дни войны против Японии стало осуществление крупномасштабных фронтовых перевозок войск и грузов, что не могло не сказаться на замедлении темпов овладения островами Южно-Курильской гряды. Тем не менее операция по очищению Южных Курил от японских войск находилась под пристальным вниманием командования флота.

В связи с задержкой высадки на остров Кунашир командующий флотом 30 августа в 17 часов 25 минут отдал приказание одному из тральщиков, находившихся на острове Итуруп, немедленно принять на борт одну из рот и перевезти ее на Кунашир. Спустя 35 минут это приказание было направлено капитану 1 ранга А. И. Леонову, который, в свою очередь, передал его содержание капитан-лейтенанту Брунштейну. В ответ на это последний донес, что ранее 1 сентября высадить роту на Кунашир не сможет. Объяснение было простым: «На острове Итуруп взято в плен 6000 человек, 3000 человек находятся на своих местах — некому пленить»¹⁸⁷. Вышеизложенное явилось причиной задержки выполнения на одни сутки задачи, поставленной главноком 28 августа.

Тем временем командование ТОФ, установив, что ход капитуляции японского гарнизона на Итурупе идет успешно, продолжало требовать ускорения захвата острова Кунашир. Во исполнение этого приказания командир ВМБ Отомари распорядился: командиру высадки капитан-лейтенанту Брунштейну принять одну роту автоматчиков на ТЩ-590 на острове Итуруп и следовать на Кунашир.

В то же время в порту Отомари формировались другие отряды для отправки на Кунашир. Рано утром 31 августа десантный отряд под командованием капитана 3 ранга Б. И. Виниченко закончил погрузку подразделений 113-й стрелковой бригады на десантные суда: на ДС-31 — один батальон автоматчиков, разведроту, всего 216 человек, два 45-мм орудия; на ДС-34 — санитарную роту, всего 186 человек. Для навигационного и боевого обеспечения десанта был выделен сторожевой корабль ЭК-4. В 5 часов 40 минут 1 сентября на подходе к бухте Фурукомаппу острова Кунашир десантный отряд капитана 3 ранга Виниченко соединился с ТЩ-590, который следовал с задачей высадки десанта на этот же остров. В 6 часов 40 минут они вместе вошли в бухту и приступили к высадке десанта. В 10 часов 05 минут десантный отряд Виниченко закончил высадку, организовал круговую оборону, выставил корабельный дозор и приступил к приему военнопленных, вооружения и техники складывавшего оружие противника.

В сфере внимания командования ТОФ продолжал оставаться также вопрос об освобождении еще одного крупного острова Курильской гряды — Шикотана. Для осуществления этой операции в порту Отомари был сформирован десантный отряд из состава 2-го батальона 113-й стрелковой бригады под командованием капитана 3 ранга А. И. Вострикова, который погружен: на ТЩ-596 — одна стрелковая рота, рота автоматчиков и санитарный взвод, всего 200 человек; на минный заградитель «Гижига» — одна стрелковая рота, минометная рота, рота ПТР, тыл батальона, взвод ПТО, всего 396 человек. В 2 часа 30 минут 31 августа отряд в полном составе вышел из порта Отомари курсом на остров Шикотан и в 9 часов 1 сентября достиг его. Сопrotивления неприятель не оказывал. После высадки первого броска прибыли японские офицеры-парламентеры, которые сообщили, что на острове Шикотан дислоцируются 4-я пехотная бригада и полевой арtdивизион численностью 4800 солдат и офицеров под командованием генерал-майора Дзиро Дои. Гарнизон готов сложить оружие. К исходу 1 сентября капитуляция была принята¹⁸⁸.

С захватом крупнейших островов южной части Курил — Итурупа, Кунашира и Шикотана — настал черед освобождения остальных, более мелких островов этой гряды, объединенных под названием Хабомаи. 2 сентября в 10 часов 40 минут командующий Северной Тихоокеанской военной флотилией вице-адмирал В. А. Андреев отдал приказание капитану 1 ранга А. И. Леонову привлечь для выполнения этой задачи десантный отряд капитана 3 ранга П. А. Чичерина.

В 11 часов 1 сентября десантный отряд под командованием Чичерина закончил погрузку частей 113-й стрелковой бригады в порту Отомари на пароход «Всеволод Сибирцев»: личного состава — 632 человека, лошадей — 100, орудий — 7, автомашин — 30, боезапаса и продовольствия — 65 тонн; на пароход «Новосибирск»: личного состава — 1847 человек, лошадей — 90, орудий — 20, автомашин — 26, боезапаса и продовольствия — 280 тонн. В состав десантного отряда для боевого обеспечения и навигационного лидирования были выделены сторожевой корабль ЭК-6, тральщики типа АМ № 273 и № 274. В 4 часа 3 сентября на Кунашир в бухту Фурукомаппу прибыл десантный отряд капитана 3 ранга Чичерина, а утром 4 сентября — еще один отряд кораблей под командованием капитана 3 ранга Успенского и высадил новые подразделения 113-й бригады в количестве 1300 человек с необходимым запасом вооружения, боеприпасов и продовольствия.

Из-за неудовлетворительной радиосвязи капитан 3 ранга П. А. Чичерин воспринял переданное командиром бригады приказание командующего СТОФ как руководство к немедленным действиям. Уже через два часа после прибытия в бухту Фурукомаппу он приступил к формированию двух десантных групп, имевших по одному тральщику и одному десантному судну в каждой.

В 3 часа 50 минут 4 сентября обе группы десантного отряда во главе с П. А. Чичериным прибыли в район островов Хабомаи. Первой группе кораблей командир отряда поставил задачу занять острова Суйсио, Юри, Акиюри, второй — острова Тараку, Сибоцу, Харукару¹⁸⁹. Противодействия японские войска не оказывали, минной опасности в районе островов обнаружено не было. П. А. Чичерин, доложив об этом по радио командиру ВМБ Отомари, приступил к высадке десанта, которая была завершена к 19 часам 30 минутам.

На острове Сибоцу находился гарнизон японцев в составе 420 солдат и офицеров, на остальных островах (кроме острова Харукару, где войск и населения не оказалось) были меньшие по численности гарнизоны. К исходу 4 сентября японские войска были разоружены и взяты под охрану. На этом Курильская десантная операция завершилась.

В последующие дни корабли ТОФ продолжали планомерно перевозить войска на освобожденные Курильские острова, усиливая там советское присутствие. Одновременно осуществлялась эвакуация японских военнопленных на Сахалин, вывозились боевая техника и оружие.

Итак, Курильская десантная операция была проведена советскими войсками и силами флота в период с 18 августа по 4 сентября 1945 г. Ожесточенные бои с японскими войсками отмечались лишь на острове Шумшу. Разоружение и принятие капитуляции войск на остальных крупных островах, включая главный остров Малой Курильской гряды Шикотан, было завершено 1 сентября 1945 г. После подписания 2 сентября 1945 г. Акта о безоговорочной капитуляции Японии перед союзными армиями на огромных территориях Азиатско-Тихоокеанского региона, еще остававшихся к тому времени под оккупацией японских вооруженных сил, а также на собственно Японских островах стали проводиться мероприятия по разоружению многочисленных группировок войск империи, которая уже перестала существовать. К примеру, оккупационные войска США прибыли для этих целей на территорию Южной Кореи лишь через неделю после подписания Акта о капитуляции Японии, а разоружение японских войск там надолго затянулось. Советскому Союзу потребовалось всего два дня, чтобы завершить в соответствии с договоренностями с союзниками, отраженными в Общем приказе № 1, прием капитуляции японских войск на небольшой группе Курильских островов Хабомаи. Всего на Курильских островах были пленены 50 442 японских солдата и офицера, в том числе на Южно-Курильских островах — около 20 тыс. человек¹⁹⁰.

Таким образом, мощные удары по сосредоточенной близ границ Советского Союза и Монгольской Народной Республики крупной группировке японских сухопутных войск привели к ее быстрому разгрому, потере контроля Японии над Маньчжурией и Северной Кореей, коренному изменению военно-политической обстановки в Азии, сделали невозможным продолжение войны и вынудили Японию капитулировать.

В течение 25 дней Вооруженные силы СССР во взаимодействии с Монгольской Народной армией провели Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию и наголову разбили Квантунскую группировку войск, являвшуюся наиболее сильным стратегическим объединением японской армии, а также разгромили или принудили к капитуляции войска 5-го японского фронта на Сахалине и Курильских островах. Были освобождены Северо-Восточный Китай, Внутренняя Монголия, Северная Корея, а также ранее отторгнутые Японией русские земли — Южный Сахалин и Курильские острова, захвачены большие трофеи.

Противник потерял около миллиона солдат и офицеров японской и марионеточных армий, из них только в составе регулярных японских войск 83 737 убитыми и 640 276 пленными¹⁹¹, подавляющее большинство которых — 609 448 человек были этническими японцами¹⁹². ВМС Японии потеряли потопленными и поврежденными свыше 50 кораблей и судов, все корабли Сунгарийской военно-речной флотилии. Таких больших людских и материальных потерь и за столь короткий срок японские вооруженные силы не понесли ни в одной из операций Второй мировой войны.

Победа далась нелегко: Вооруженные силы СССР потеряли в войне с Японией убитыми, ранеными и пропавшими без вести 36 456 человек, в том числе 12 031 человека — безвозвратно. В числе общих потерь — 1298 военнослужащих Тихоокеанского флота (из них 903 человека убитыми или смертельно ранеными) и 123 моряка Амурской военной флотилии (в том числе 32 человека убитыми и получившими смертельные ранения)¹⁹³. Вместе с тем людские потери советских войск и сил флота были в 18,6 раза меньше, чем аналогичные потери японцев, и составили менее 0,1% от численности всего личного состава, принявшего участие в кампании¹⁹⁴, что говорит о высоком уровне боевого мастерства воинов армии и флота и превосходящем военном искусстве советских командиров и штабов.

Капитуляция Японии: политические расчеты и фактор непреодолимой силы

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» состоялась церемония подписания Акта о капитуляции милитаристской Японии в войне в Восточной Азии и на Тихом океане. Одновременно ставилась последняя точка в продолжавшейся ровно шесть лет и один день Второй мировой войне с устоявшейся в мировой историографии даты ее начала 1 сентября 1939 г. Для китайского народа борьба сопротивления японской агрессии длилась долгие 14 лет. Более 35 лет под пятой японских колонизаторов жил и боролся за свое освобождение корейский народ.

От имени императора, японского правительства и императорской ставки акт был подписан министром иностранных дел М. Сигэмицу и начальником генерального штаба японской армии Ё. Умэдзу. Там, в частности, сказано: «Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации». От имени всех союзных держав, находившихся в состоянии войны с Японией, акт подписал американский генерал Д. Макартур; от имени отдельных стран — адмирал Ч. Нимиц (США), генерал Су Юнчан (Китай), адмирал Б. Фрейзер (Великобритания), генерал-лейтенант К. Н. Деревянко (СССР), генерал Т. Блэйми (Австралия), полковник Н. Мур-Кострейв (Канада), генерал Ф. Леклер (Франция), адмирал К. Хелфриг (Нидерланды) и вице-маршал авиации Л. Исит (Новая Зеландия).

Подписав Акт о капитуляции, Япония полностью приняла условия Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., к которой 8 августа присоединился и Советский Союз. Согласно акту, военные действия с ее стороны прекращались немедленно, все японские и находившиеся под контролем Японии вооруженные силы безоговорочно капитулировали, оружие, военное и гражданское имущество сохранялись без повреждения. Японскому правительству и генштабу предписывалось немедленно освободить союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц. Все японские гражданские, военные и морские официальные лица обязывались повиноваться Верховному командованию союзных держав и выполнять его приказы и указания. Подотчетной ему становилась также деятельность императора и правительства Японии по управлению государством. Верховный командующий союзных держав наделялся правом «предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимыми для осуществления условий капитуляции»¹⁹⁵. Назначение Верховным командующим представителя США (им стал генерал Д. Макартур) явилось отражением той роли, которую сыграли Соединенные Штаты в общих усилиях союзников в многолетней борьбе против Японии.

Примечательно, однако, что среди подписавших Акт о капитуляции был и генерал-лейтенант К. Н. Деревянко, представлявший Советский Союз, вооруженные силы которого участвовали лишь в заключительной фазе войны против Японии, но смогли тем не менее внести решающий вклад в разгром континентальной группировки японских сухопутных сил, нанеся ей сокрушительное поражение в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) и Северной Корее. Если в зачитанном 15 августа 1945 г. по радио рескрипте о принятии условий капитуляции император Хирохито в качестве оправдания решения сложить оружие указывал среди прочих причин на применение противником нового оружия, то в менее известном императорском обращении «К солдатам и матросам» от 17 августа он, не упоминая атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, признал, что основной причиной капитуляции стало вступление в войну Советского Союза. Хирохито заявил: «Теперь, когда в войну против нас вступил Советский Союз... продолжение войны было бы безрассудным, принося нам лишь дополнительный урон и ставя под угрозу саму основу существования империи»¹⁹⁶.

Даже непримиримые критики политики СССР вынуждены признавать определяющее влияние вступления Советского Союза в войну на решение императора Японии принять условия безоговорочной капитуляции. Так, профессор Калифорнийского университета

Американский линкор «Миссури»

Моряки американского линкора «Миссури» наблюдают за началом церемонии подписания Акта о капитуляции Японии

этнический японец Хасэгава Цуеси в вышедшем в год 60-летия окончания Второй мировой войны многостраничном труде о причинах капитуляции милитаристской Японии писал: «Сброшенные на Хиросиму и Нагасаки две атомные бомбы не являлись определяющими при принятии Японией решения капитулировать. Несмотря на сокрушительную мощь атомных бомб, их было недостаточно для изменения вектора японской дипломатии. Это позволило сделать советское вторжение. Без вступления Советского Союза в войну японцы продолжали бы сражаться до тех пор, пока на них не были бы сброшены многочисленные атомные бомбы, не осуществилась бы успешная высадка союзников на острова собственно Японии или продолжались бы бомбардировки в условиях морской блокады, что исключало бы возможность сопротивления»¹⁹⁷.

Следует признать, что быстрое принятие (после того как Япония осознала масштабы сокрушительных ударов Красной армии на крупнейшем и решающем континентальном ТВД сухопутных войск в Маньчжурии) условий капитуляции перед всеми союзными силами, хотя императорская армия могла бы в течение определенного времени вести оборонительные бои на собственном Японских островах, было одним из наиболее продуманных и далеко идущих шагов японской реакции последнего года войны. Адмирал Ч. Нимиц свидетельствовал, что с начала оккупации американцы «увидели островную империю с почти нетронутой, хорошо оснащенной армией, располагающей большой авиацией... Империю, которая капитулировала еще до вторжения»¹⁹⁸. Этим Япония в отличие от Германии смогла уберечь от уничтожения миллионы военнослужащих и гражданских лиц, сохранить подавляющую часть военно-экономического потенциала страны. Это означало также, что императорская ставка в отличие от ставки Гитлера предпочла позор капитуляции, когда еще не все средства сопротивления были исчерпаны, перспективе физической ликвидации всех человеческих и материальных ценностей японского милитаризма, безвозвратной гибели всей военной структуры государства.

Реакционная военно-политическая верхушка милитаристской Японии хорошо понимала и то, что решающей предпосылкой для планировавшегося уже в то время военного возрождения страны после войны является сохранение в ней существовавшего строя и традиционной национальной идеологии. Она уделяла все большее внимание нейтрализации усиливавшегося недовольства японского народа их политикой в ходе длившейся уже 14 лет войны. Решение японского императора о капитуляции, принятое после вступления СССР в войну с Японией, в значительной мере было обусловлено желанием правящих кругов заранее подготовиться к тому, чтобы не допустить революционного взрыва в результате краха милитаризма. Об этом свидетельствует, в частности, меморандум трижды занимавшего пост главы правительства Японии принца Ф. Коноэ императору, представленный 14 февраля 1945 г., за полгода до принятия Хирохито решения о капитуляции. По сути дела возражая против развернувшейся в стране тотальной мобилизации для «решающего сражения», этот влиятельный политический деятель Японии призывал японского монарха «как можно скорее закончить войну». При этом, пугая императора коммунистической революцией, которая может произойти в результате вступления Красной армии в войну, Коноэ настоятельно рекомендовал до «вмешательства Советского Союза во внутренние дела Японии» капитулировать перед США и Великобританией¹⁹⁹.

Коноэ, на совести которого лежат фашизация Японии и развязывание в период его руководства японским правительством тотальной войны против Китая, убеждал императора: «Хотя поражение, безусловно, нанесет ущерб нашему национальному государственному строю, однако общественное мнение Англии и Америки еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя... Следовательно, одно только военное поражение не вызывает особой тревоги за существование нашего национального государственного строя. С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением»²⁰⁰. Больше всего в связи с этим Коноэ опасался прихода на Японские острова советских войск. Лорд-хранитель печати при

Японская делегация подписывает Акт о безоговорочной капитуляции Японии

императорском дворе К. Кидо также предупреждал в памятной записке, что в случае отказа от принятия условий Потсдамской декларации «нас постигнет участь Германии, и обстоятельства могут так сложиться, что мы не сможем даже сохранить национальную форму правления»²⁰¹.

Руководство Японии панически боялось, что в случае продолжения сопротивления на территорию собственно Японии могут прийти советские войска. Основания для такого беспокойства, безусловно, были. Подтверждением тому являются приведенные выше данные о подготовке высадки советских войск на Хоккайдо — один из четырех крупнейших островов собственно Японии. Если бы высадка состоялась, нетрудно было бы представить политические последствия оккупации Хоккайдо советскими войсками для его населения, послевоенного устройства Японии и военно-политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Очевидно, предполагая вероятность развития событий в этом направлении, император Японии Хирохито принял в ночь на 15 августа 1945 г. решение о немедленном прекращении военных действий, заявив, что такой «вариант капитуляции не угрожает длительному существованию императорской системы в Японии. В обратном случае нация (имелась в виду монархо-капиталистическая система. — *Прим. ред.*), — предупредил Хирохито, — будет уничтожена»²⁰². И власти Японии, почувствовав настроения американской стороны, искавшей пути принуждения противника к капитуляции с минимальными для себя издержками и потерями, пошли в отличие от гитлеровского руководства Германии на позор капитуляции именно в целях предотвращения «коммунистической революции» в стране, сохранения власти в руках представителей тех сил, которые привели страну к войне. Во главе этих сил, как и прежде, оставался символ милитаристской страны Ямато — «божественный» микадо (император).

Предвидя, особенно в связи с денонсацией 5 апреля 1945 г. Советским Союзом Пакта о нейтралитете, вероятность его вступления в войну против Японии после разгрома Германии, японское руководство предприняло колоссальные усилия на дипломатическом фронте в целях предотвращения такого развития событий. Все планы и приготовления к «решающему сражению» исходили из того, что противником в нем будут англо-американские войска, а союзный США и Великобритании СССР сохранит в отношении Токио нейтралитет. Однако мысль о возможности оказания Советским Союзом помощи американцам в скорейшем разгроме Японии не давала покоя политическому и военному руководству страны.

Во время проходившей в ноябре — декабре 1943 г. Тегеранской конференции глав трех великих держав — Ф. Рузвельта, И. В. Сталина и У. Черчилля — советский лидер, отвечая на настойчивые просьбы союзников, пообещал оказать военную помощь в войне против милитаристской Японии после разгрома гитлеровской Германии. Нельзя исключать, что японской разведке удалось получить сведения о таком обещании. Неслучайно японское правительство в марте 1944 г. приняло трудное для себя решение удовлетворить требование СССР о ликвидации нефтяных и угольных концессий на Сахалине, что было предусмотрено при заключении советско-японского Пакта о нейтралитете 1941 г., но упорно не выполнялось Японией.

Начались и дипломатический зондаж позиции СССР, и первые попытки выторговать у него обещание в любых условиях сохранять нейтралитет. Во время состоявшейся 2 февраля 1944 г. беседы с послом США А. Гарриманом И. В. Сталин отмечал, что «японцы очень перепуганы, они очень беспокоятся за будущее». Он сообщил: «Наши люди, имеющие дело с японцами, сообщают, что японцы всячески стараются расположить нас в их пользу. Японцы идут на большие уступки»²⁰³.

Осознание неизбежности поражения стран оси в войне крепло не только у политиков, но, что было весьма важно, и у высших военных чинов. Особую активность в поисках пути достижения почетного мира проявил назначенный 22 июля 1944 г. военным министром фельдмаршал Х. Сугияма, ранее занимавший пост начальника генерального штаба армии. Он предлагал не отказываться от идеи японского посредничества на переговорах о прекращении

советско-германской войны. 5 сентября 1944 г. на заседании Высшего совета по руководству войной он следующим образом оценил ситуацию и шансы на успех посреднической роли Японии: «Командование сухопутных сил, основываясь на данных разведки, считает, что Советский Союз с начала войны с Германией уже потерял более 15 миллионов человеческих жизней, лишился большей части материальных средств и испытывает усталость от войны. К тому же международная обстановка такова, что наблюдаются противоречия между СССР и Великобританией в Средиземном море, в Юго-Восточной Европе, районе северных морей и других местах. Не исключена даже возможность военного столкновения между США и СССР. С другой стороны, хотя Гитлер вновь планирует наступление на восточном фронте, он вполне сознает невыгодность продолжения войны с СССР. Таково реальное положение, существующее между Германией и Советским Союзом. Именно поэтому складывается благоприятный момент для активной посреднической помощи Японии в достижении перемирия между Германией и СССР»²⁰⁴.

Однако попытки японцев предложить Москве свои посреднические услуги были отвергнуты. Советское правительство не пожелало принять японскую специальную миссию для обсуждения подобных предложений Токио. Это еще более обеспокоило японское руководство, которое знало, что союзники, особенно американцы, всячески склоняют И. В. Сталина выступить против Японии. В этом случае у Японии не оставалось другого выхода, кроме капитуляции. Стремясь не допустить столь неблагоприятного для себя развития обстановки, японское правительство решило прибегнуть к активной дипломатии на других направлениях. Были предприняты попытки заключить компромиссный мир с Китаем, а также с США и Великобританией, однако они не увенчались успехом. Поэтому родилась идея попытаться использовать СССР для организации перемирия в Тихоокеанской войне. Считалось, что, даже если этот план провалится, Москве будет продемонстрировано стремление Токио к установлению мира.

По мнению японского правительства, сам факт участия СССР в переговорах об окончании войны исключал бы его вступление в военные действия против Японии. Министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу рекомендовал правительству «в случае разгрома Германии или заключения ею сепаратного мира... не теряя времени, предпринять усилия для изменения обстановки в лучшую сторону, используя с этой целью Советский Союз»²⁰⁵.

Японские лидеры стали изыскивать способы заинтересовать советское правительство уступками, на которые могла бы пойти Япония в обмен на сохранение Советским Союзом нейтралитета и согласие выступить посредником в переговорах о перемирии с США и Великобританией. Перечень таких уступок был разработан японским МИД еще в сентябре 1944 г.: разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару; заключение между Японией, Маньчжоу-Го и Советским Союзом соглашения о торговле; расширение советского влияния в Китае и других районах «сферы сопроцветания»; демилитаризация советско-маньчжурской границы; использование Советским Союзом Северо-Маньчжурской железной дороги; признание советской сферы интересов в Маньчжурии; отказ Японии от договора о рыболовстве; уступка Южного Сахалина, Курильских островов; отмена Анτικο-минтерновского и Тройственного пактов. Согласие на те или иные уступки предусматривалось в зависимости от хода советско-японских переговоров. Так, отказ от Южного Сахалина и Курильских островов допускался в крайнем случае, а именно «при резком ухудшении советско-японских отношений» и возникновении опасности вступления Советского Союза в войну против Японии²⁰⁶.

С февраля 1945 г. японское правительство стало предпринимать практические шаги с тем, чтобы втянуть СССР в качестве посредника в переговоры о достижении перемирия. Это объяснялось беспокойством, которое испытывало японское правительство в связи с Ялтинской конференцией глав союзных держав. В японских средствах массовой информации сразу после окончания Ялтинской конференции высказывались тревожные догадки и предположения о том, что на конференции обсуждался вопрос о совместном ведении тремя державами войны против Японии.

Существуют указания на то, что японская разведка действительно располагала сведениями о договоренностях в Крыму, касавшихся Японии. Так, в 1985 г. в Японии были опубликованы воспоминания жены военного разведчика Ю. Онодэра, выполнявшей обязанности шифровальщицы в японском дипломатическом представительстве в Стокгольме. Автор утверждала, что разведывательная информация о содержании достигнутых на Ялтинской конференции договоренностей по поводу участия СССР в войне против Японии была лично ею зашифрована и своевременно передана в японский МИД²⁰⁷. 15 февраля руководители японской разведки проинформировали участников заседания Высшего совета по руководству войной о том, что «Советский Союз намерен обеспечить себе право голоса в решении вопросов будущего Восточной Азии». Прозвучало предупреждение, что к весне СССР может расторгнуть Пакт о нейтралитете и присоединиться к союзникам в войне против Японии. На следующий день об этом говорил императору Хирохито министр иностранных дел М. Сигэмицу: «Дни нацистской Германии сочтены. Ялтинская конференция подтвердила единство Великобритании, США и Советского Союза». Он рекомендовал не полагаться на Пакт о нейтралитете. Генерал Х. Тодзио также предупреждал японского монарха о возможности выступления СССР против Японии, оценивая такую возможность как 50 на 50²⁰⁸.

Сомнения охватывали и императора. Хирохито, по сути отвергнув предложение Ф. Коноэ об окончании войны, сказал ему: «Если мы выстоим, то сможем и победить в войне», выказав, однако, при этом беспокойство по поводу того, «сможет ли народ терпеть до победы»²⁰⁹.

Хотя далеко не все японские руководители верили в успех привлечения СССР на сторону Японии в ее стремлении выторговать почетные условия мира, ситуация требовала незамедлительных действий. 15 февраля 1945 г. японский генеральный консул в Харбине Ф. Миякава по заданию правительства под благовидным предлогом посетил советского посла в Токио Я. А. Малика и, не без основания рассчитывая на передачу в Москву содержания беседы, в прозрачной форме попытался изложить японское предложение о посредничестве.

Посол Я. А. Малик докладывал в НКВД СССР:

«Миякава распространялся на тему о расширении, углублении и развитии максимально дружественных отношений между СССР и Японией. Вы, конечно, подозреваете, сказал он при этом, что это для нас основной и главный вопрос. Я прошу Вас понять, что японский народ хочет жить, мы жить хотим. Он также пытался доказать, что в истории японо-советских отношений было немало достойных сожаления недоразумений, но что теперь никаких подобного рода недоразумений быть не должно, постепенно все предрассудки в отношении Советского Союза в Японии изживаются...

В процессе беседы он много и настойчиво говорил и дважды возвращался к вопросу о том, что в развитии войны сейчас настал такой момент, когда кто-либо из наиболее выдающихся международных деятелей, пользующийся достаточным престижем, авторитетом и располагающий необходимой силой для убедительности, должен выступить в роли миротворца, потребовать от всех стран прекратить войну. Таким авторитетным деятелем, по мнению Миякава, может быть только маршал Сталин. Если бы он сделал такое предложение, то Гитлер прекратил бы войну, а Рузвельт с Черчиллем не осмелились бы возражать против подобного предложения Сталина»²¹⁰.

Так как Я. А. Малик никак не отреагировал на фактическое предложение о посредничестве И. В. Сталина в деле прекращения войны, японский зондаж позиции СССР был продолжен. С этой целью в марте советское посольство посетил президент японской крупной рыболовецкой компании «Нитиро» С. Танакамару. Он также намекал на то, что с инициативой о посредничестве между США и Великобританией может и должна выступить именно советская сторона. При этом японцы пытались «сохранить лицо» и не оказаться стороной, просящей о мире. Однако советский посол по указанию Москвы продолжал избегать прямых ответов.

Готовясь к войне с Японией, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. 5 апреля 1945 г. правительству Японии было объявлено о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете. Тем самым Москва за четыре месяца до вступ-

От имени СССР Акт о капитуляции Японии подписывает генерал К. Н. Дервянко

ления в войну фактически информировала японское правительство о возможности участия СССР в войне с Японией с целью скорейшего завершения Второй мировой войны. Официальное объявление о денонсации пакта рассматривалось как серьезное предупреждение Токио, призванное убедить его в бесполезности «решающего сражения» и целесообразности незамедлительно прекратить военные действия.

Переброска частей, соединений и объединений советских войск и сил на Дальний Восток не осталась незамеченной японским руководством, которое регулярно получало информацию о передислокации советских войск по разведывательным каналам. В середине апреля сотрудники аппарата военного атташе японского посольства в Москве докладывали в Токио: «Ежедневно по Транссибирской магистрали проходит от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну с Японией неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется приблизительно два месяца»²¹¹. Об этом же сообщал и штаб Квантунской группировки войск.

20 апреля министр иностранных дел Японии С. Того высказал Я. А. Малику пожелание о личной встрече с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, чтобы попытаться предложить советской стороне вышеуказанный «набор уступок», который разработал его предшественник на министерском посту.

Попытки «договориться» с Советским Союзом заметно активизировались после капитуляции Германии, когда Япония осталась одна перед коалицией союзных держав. Настаивавшее на проведении «решающего сражения» на территории метрополии японское командование возлагало немалые надежды на войска Квантунской группировки войск, которые при резком осложнении положения планировалось перебросить на Японские острова²¹². Поскольку вступление в войну СССР могло нарушить эти планы, японское военное командование решительно требовало от правительства сделать все возможное, чтобы разрешить все связанные с Советским Союзом вопросы дипломатическим путем. Однако, хотя японцы заявляли советским представителям о стремлении видеть СССР посредником в переговорах с США и Великобританией о завершении войны, в действительности речь шла лишь о том, чтобы выиграть время. В день капитуляции Германии, 9 мая, премьер-министр К. Судзуки заявил, что Япония вместе с союзниками по восточноазиатскому блоку будет продолжать войну.

15 мая на заседании Высшего совета по руководству войной было принято решение добиваться начала официальных японо-советских переговоров. Для этого считалось необходимым продемонстрировать Советскому Союзу «позитивный характер» политики нейтралитета и склонять СССР к посредничеству в деле окончания войны на приемлемых для Японии условиях²¹³. Вслед за этим японское правительство демонстративно аннулировало все японо-германские соглашения и дало указание прессе поддерживать дипломатические шаги Токио в отношении СССР. Однако обстановка складывалась явно не в пользу Японии. Советское правительство, понимая существо японских замыслов, продолжало уклоняться от попыток правительства Японии вовлечь СССР в официальные переговоры.

6 июня на очередном заседании Высшего совета по руководству войной была дана весьма пессимистичная оценка складывавшегося положения. В представленном членам совета анализе ситуации говорилось: «Путем последовательно проводимых мер Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против Империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия против Японии... Советский Союз может вступить в войну против Японии после летнего или осеннего периода»²¹⁴.

Тем не менее у японского правительства и командования оставались надежды на резкое ухудшение советско-американских и советско-английских отношений. Участники совещания с нескрываемым удовлетворением отмечали, что «после окончания войны против Германии сотрудничество между США и Англией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой, ослабевает»²¹⁵. При этом японские лидеры тешили себя надеждой на то, что в конце кон-

цов советское руководство поймет выгоду для себя от затягивания войны между Японией и западными союзниками, в которой обе стороны лишь ослабляют друг друга. Поэтому ставилась задача использовать все возможности для поиска какой-либо договоренности с Советским Союзом.

«Мирная дипломатия» Японии в отношении СССР преследовала цель избежать капитуляции, сохранить в стране существующий режим во главе с императором и продолжать войну до тех пор, пока США и Великобритания не пойдут на уступки в определении условий перемирия. Понимая, что в то время у США и Великобритании не было достаточных сил для решительного наступления на Японию, в Токио всерьез рассчитывали на принятие Вашингтоном и Лондоном компромиссных условий мира, которые, в частности, предусматривали сохранение за Японией Кореи и Тайваня.

Разъясняя на совещании 6 июня дипломатический курс страны, министр иностранных дел Японии С. Того уделил особое внимание вовлечению в переговоры Советского Союза. Он отметил, что, «исходя из военного положения Японии в настоящее время, будет довольно трудно вести переговоры с Советским Союзом, чтобы воспрепятствовать его вступлению в войну. Однако не отрицается возможность не допустить участия СССР в войне против Японии». При этом министр сделал важное заявление: «Сейчас, когда империя сражается против США и Великобритании, наше положение зависит от того, вступит ли в войну Советский Союз. Министерство иностранных дел Японии предпринимает все усилия с тем, чтобы заставить СССР сохранить нейтралитет»²¹⁶.

Осуществление дипломатических контактов с советскими представителями было возложено на бывшего премьер-министра, а ранее посла Японии в Москве К. Хироту, который 3 июня 1945 г. на встрече с послом Я. А. Маликом заявил о желании японского правительства достигнуть с СССР взаимопонимания «для сохранения стабильности на Дальнем Востоке». После того как советский посол отказался вести неофициальные переговоры, Хирота 24 июня вновь посетил советское посольство и передал от имени правительства конкретные предложения, в частности по вопросу о поставках в СССР некоторых стратегических материалов в обмен на экспорт в Японию советской нефти. Он пытался также предложить заключение между Японией и СССР соглашения об «оказании друг другу поддержки в сохранении мира в Восточной Азии»²¹⁷. Одновременно были даны указания японскому послу в Москве Н. Сато обратиться с этими предложениями непосредственно к советскому правительству²¹⁸.

10 июля 1945 г. министр иностранных дел С. Того после соответствующих консультаций с младшим братом императора принцем Такамацу, председателем Тайного совета К. Хиранумой и премьер-министром К. Судзуки предложил направить в Москву в качестве специального посланника императора бывшего премьер-министра Японии князя Ф. Коноэ. Согласие самого Коноэ на выполнение дипломатической миссии Того получил 7 июля во время личной встречи. 12 июня поездку официально санкционировал император Хирохито²¹⁹.

Однако среди японских лидеров не было достигнуто согласия по главному вопросу — с чем должен был направиться в Москву Коноэ. Между военным министром К. Анами, с одной стороны, и министром иностранных дел С. Того — с другой, возник спор по поводу перспектив Японии в войне. Военный министр утверждал, что «пока речь не идет о поражении Японии». Его оппоненты же считали, что «необходимо проявить заботу на случай худшего развития ситуации»²²⁰. Учитывая эти разногласия, Ф. Коноэ не пожелал связывать себя той или иной позицией и заявил: «Мне не нужны никакие инструкции, я намерен ехать без заранее принятых решений. Я намерен по итогам поездки в Москву непосредственно передать императору то, что думает Сталин»²²¹.

Мнение противников капитуляции было учтено при составлении послания императора, которое 13 июля посол Н. Сато вручил заместителю наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовскому. Послание было составлено в общих словах о стремлении императора «положить конец войне». Указывалось, что ввиду требования США и Великобритании о безоговорочной капитуляции Япония вынуждена вести войну до конца, что неизбежно приведет «к усиленному кровопролитию». В заключении император «изъявил пожелание,

чтобы на благо человечества в кратчайший срок был восстановлен мир». К этому времени советское правительство было официально проинформировано послом Н. Сато о желании и готовности японского правительства «идти на заключение соглашения вплоть до пакта о ненападении»²²².

Перед поездкой в Москву Ф. Коноэ и его ближайший советник генерал К. Сакаи разработали «Принципы проведения мирных переговоров». При этом Коноэ изъявлял готовность в обмен на сохранение императорской системы власти уступить союзникам все заморские территории, в том числе Окинаву, острова Бонин и южную часть Сахалина. Известно послевоенное признание императора Хирохито о том, что «если бы они (СССР) согласились поставлять нам нефть, мы были готовы уступить им Карафуту (Южный Сахалин) и Маньчжурию»²²³. Среди уступок фигурировали и Курильские острова. Посол Я. А. Малик информировал Москву: «Можно с известной долей основания считать, что в виде компенсации за договор (о ненападении) с СССР японцы могли бы в качестве максимальной уступки пойти на возвращение нам Южного Сахалина, отказ от рыболовства в советских конвенционных водах и, возможно, даже на передачу нам части Курильских островов»²²⁴.

Согласие на приезд Ф. Коноэ в Москву в качестве специального посланника императора означало бы начало официальных советско-японских переговоров. Сталин же счел целесообразным уклониться от любых контактов с представителями японского руководства. Верное данным обязательствам советское правительство информировало руководителей союзных держав о подозрительных маневрах японских дипломатов.

Последняя попытка привлечь СССР к «посредничеству» с целью затруднить его вступление в войну была предпринята Токио уже после обнародования 26 июля 1945 г. Потсдамской декларации об условиях капитуляции Японии перед США, Великобританией и Китаем. После обсуждения ее текста на совещании Высшего совета по руководству войной министр иностранных дел С. Того телеграфировал 27 июля послу Н. Сато: «Позиция, занятая Советским Союзом в отношении Потсдамской совместной декларации, будет с этого момента влиять на наши действия». Послу предписывалось срочно выяснить, «какие шаги Советский Союз предпримет против Японской империи»²²⁵. Как известно, 28 июля японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию, заявив о намерении «неотступно идти вперед и вести войну до конца»²²⁶.

6 августа 1945 г. по решению президента США Г. Трумэна на г. Хиросима была сброшена атомная бомба. Затем, в точном соответствии с обещанием, данным на Ялтинской конференции, ровно через три месяца после капитуляции Германии правительство Советского Союза 8 августа объявило Японии войну.

Японское военно-политическое руководство оказалось перед дилеммой — продолжать готовиться к «решающему сражению» на территории метрополии или пойти на капитуляцию. Мнения разделились. В оппозиции сторонникам незамедлительного окончания войны находилось командование императорской армии, которое, страшась ответственности за совершенные преступления, не соглашалось с условиями Потсдамской декларации, прежде всего с требованием о наказании японских военных преступников. Их позиция сводилась к тому, чтобы оговорить капитуляцию Японии четырьмя условиями, а именно: сохранение существующего государственного строя, наказание военных преступников самими японцами, самостоятельное разоружение, недопущение оккупации Японии союзниками, а если оккупация неизбежна, то она должна быть непродолжительной, осуществляемой небольшими силами, не затрагивая г. Токио²²⁷.

В случае отказа союзников принять эти условия высшее командование армии было готово продолжать сопротивление, вести войну «до последнего японца». На заседании кабинета министров 9 августа, в день атомной бомбардировки Нагасаки и начала наступления советских войск в Маньчжурии и Корее, военный министр К. Анами и начальник генерального штаба армии Ё. Умэдзу пытались убедить правительство в том, что Япония якобы еще в состоянии дать «решающее сражение». «Условия безоговорочной капитуляции невыносимы, — заявил Анами. — Конечно, если учитывать такие факторы, как наличие у противника атомной

бомбы и вступление СССР в войну, нам трудно надеяться на победу. Но пока великая японская нация продолжает бороться за свое достоинство, у нее есть кое-какие шансы. Нельзя допустить разоружения японской армии. Фактически у нас нет другого выхода, кроме как продолжать войну»²²⁸.

Противники окончания войны утверждали, что, если четыре условия не будут выдвинуты, Япония окажется в совершенно безвыходном положении, при котором нельзя гарантировать сохранение императорского государственного строя. При голосовании предложения министра иностранных дел С. Того о принятии Потсдамской декларации лишь с одним условием — сохранение в Японии императорской системы правления — К. Анами выступил против. Военно-морской министр, министры юстиции, сельского хозяйства и торговли, вооружения, транспорта и связи, просвещения и министр без портфеля поддержали Анами. Пять членов кабинета воздержались. Поскольку за предложение Того проголосовали лишь шесть из четырнадцати министров, окончательное решение не было принято²²⁹.

В ночь на 10 августа в бомбоубежище императорского дворца спешно было созвано совещание в присутствии императора, на котором премьер-министр К. Судзуки зачитал заранее подготовленный проект заявления: «Японское правительство принимает условия, выдвинутые совместной декларацией трех держав от 26 июля, понимая их в том смысле, что они не содержат требований, затрагивающих суверенитет императора в управлении страной»²³⁰. Так как в предложенном проекте отвергались требования командования армии о выдвигании дополнительных условий, военный министр и начальник генерального штаба категорически выступили против него. К. Анами заявил, что если уж принимать условия декларации, то необходимо выдвинуть четыре условия, выполнить долг перед императором, даже если вся нация погибнет, не может быть сомнения в том, что надо вести войну до последней возможности и для этого достаточно сил. Начальник генштаба Ё. Умэдзу полностью согласился с мнением военного министра. Он заявил, что «проведена подготовка к решающему сражению на территории собственно Японии. Хотя вступление Советского Союза в войну создало для нас невыгодную обстановку, все же не следует отказываться от благоприятного случая для нанесения последнего удара по Соединенным Штатам и Великобритании. Души наших павших героев не простят нам безоговорочной капитуляции. Как минимум должны быть выдвинуты четыре условия»²³¹. За продолжение военных действий выступил также начальник морского генштаба С. Тоёда.

Тогда премьер-министр К. Судзуки решился на беспрецедентный шаг. Он возложил ответственность за принятие судьбоносного решения на императора Хирохито. Поднявшись, он сказал: «Я полагаю, все присутствующие полностью высказали свое мнение, и сожалею о том, что мы не смогли прийти к какому-либо соглашению. Учитывая жизненную важность вопроса, у нас не остается другого выхода, кроме как положиться на мнение Его Величества». Затем он обратился к императору: «Требуется Ваше решение о том, какой проект следует принять: проект МИД или четыре условия военных». Хирохито был подготовлен к такому ходу событий и с волнением изрек: «Я согласен с планом министерства иностранных дел. Я долго размышлял над ситуацией в стране и за рубежом и заключил, что продолжение войны означает разрушение нации, продолжение бессмысленного и жестокого кровопролития. Те, кто ратует сегодня за продолжение войны, однажды уверили меня в том, что новые батальоны и их обеспечение будут готовы на побережье Кудзикури (близ Токио) к июню. Теперь я вижу, что этого не будет даже к сентябрю. Тем, кто хочет вступить в последнюю битву на нашей собственной земле, позвольте мне напомнить о расхождении в их предыдущих планах с тем, что получилось на самом деле. Я не могу больше смотреть на страдания невинного народа. Окончание войны является единственным способом установить мир во всем мире и освободить нацию от ужасного бедствия. Я не могу без грусти вспоминать о людях, которые служили мне верой и правдой, солдатах и моряках, убитых и раненых в далеких битвах, о семьях, потерявших все свое имущество и родных во время авиационных налетов. Мне невыносимо будет видеть разоружение храбрых солдат японской армии, так же как и невыносимо сознавать, что люди, состоящие у меня на службе, будут

наказаны как зачинщики войны. Тем не менее время пришло, и мы должны взять на себя это неподъемное бремя»²³².

Хотя совещание завершилось словами императора о том, что он «принял решение прекратить эту войну», командование армии не спешило довести это решение до войск и народа. Оно все еще надеялось, прибегнув к ожесточенному сопротивлению, выторговать у союзников ослабление требований Потсдамской декларации, в частности по вопросу о наказании японских военных преступников. Вопреки решению императора 10 августа ставка направила в войска директиву следующего содержания: «Ставка намерена по-прежнему вести основные военные действия против Соединенных Штатов и одновременно развернуть действия с целью последующего разгрома Советского Союза, чтобы сохранить государственный строй и защитить землю императора». Вторым пунктом директивы главнокомандующему Квантунской группировкой войск предписывалось «сосредоточить основные усилия против Советского Союза, разбить противника и защитить Корею»²³³. Для выполнения этой директивы был отдан приказ о переброске в Маньчжурию и Корею части сил и военных материалов из состава японских войск в Китае. Одновременно военный министр К. Анами выступил с воинственным обращением к генералам, офицерам и солдатам сухопутных сил, призывая «бороться до последней капли крови», продолжать решительную «священную войну в защиту нашей святой земли»²³⁴.

После императорского совещания японское правительство передало по телеграфу правительствам нейтральных Швеции и Швейцарии уведомление о согласии Японии принять условия Потсдамской декларации. Узнав об этом из радиопередачи из Токио на английском языке, главнокомандование японских Экспедиционных сил в Китае направило подчиненным войскам предупреждение: «Иностранные телеграфные агентства сообщают, что Япония якобы приняла условия Потсдамской декларации. К этим сообщениям следует относиться с недоверием и рассматривать их как политическую диверсию со стороны противника»²³⁵.

Получив 11 августа подтверждение императорской ставки о том, что мирные переговоры действительно начаты, но «японские солдаты должны быть по-прежнему готовы с честью умереть за родину и императора», командующие японскими войсками за рубежом информировали военного министра и начальника генерального штаба о твердом намерении продолжать войну. Главнокомандующий японскими Экспедиционными силами в Китае генерал Я. Окамура телеграфировал 12 августа в Токио: «Тяжело переживать создавшуюся угрозу государственному строю и территории империи. Понимаем, что вступление в войну Советского Союза еще более ухудшило положение. Однако, имея на территории собственно Японии до 7 млн человек и экспедиционную армию на материке до 1 млн человек, боевой дух которых по-прежнему высок, готовы к решительному разгрому противника. Именно теперь сухопутная армия стала главной опорой империи. Твердо уверены, что, несмотря на успешное наступление противника и внутренние трудности внутри страны, вся армия готова с честью погибнуть в бою, но добиться достижения целей войны этой осенью. Судьба императорской армии решается в Маньчжурии. Будучи горячо преданным родине, осмеливаюсь доложить свое мнение и надеюсь, что будут приняты твердые решения»²³⁶. Генерал Я. Окамура, привыкший к размеренным, позиционным, очаговым военным действиям на вверенном ему Китайском ТВД, очевидно, не мог за первые дни наступления советских войск на соседнем, Дальневосточном ТВД осознать бесперспективность сопротивления действительно мощной и такой же крупной, как и его Экспедиционные силы, Квантунской группировки войск закаленной в сражениях Великой Отечественной войны Красной армии и был полон решимости продолжать войну.

Делающая последнюю ставку на «решающее сражение» милитаристская верхушка страны, не желая прислушиваться к стонам и мольбам японцев о скорейшем окончании войны, хотя и сознавало, что положение страны стало чрезвычайно опасным, до последнего призывало народ «погибнуть как один» за императора и его империю. Именно этот безрассудный курс обрек японцев еще на одно небывалое в истории испытание — атомные бомбардировки беззащитного населения Хиросимы и Нагасаки, в одночасье испепелившие в общей сложности

более 150 тыс. человек. Не снимая ответственности за этот акт вандализма с правительства США, следует признать, что вина за бессмысленную гибель в атомном огне сотен тысяч мирных жителей — детей, женщин, стариков — лежит и на японских политиках и военщине, не пожелавших своевременно капитулировать и предоставивших тем самым американцам предлог для испытания на людях нового чудовищного оружия. Лишь 15 августа 1945 г. в 12 часов пополудни японцы впервые услышали по радио голос своего императора. Хирохито зачитал рескрипт о принятии условий Потсдамской декларации и «священном решении» закончить войну. В рескрипте не содержалось ни единого слова об ответственности перед своим народом и народами оккупированных стран за понесенные жертвы и лишения. Согласно рескрипту, Япония заканчивала войну не в результате поражения, а вследствие того, что обстоятельства сложились не в ее пользу.

Для многих японцев выступление по радио императора было как гром среди ясного неба. Понимая неизбежность поражения, японцы тем не менее не могли себе представить, что конец будет таким бесславным. Многие считали, что японская нация все же даст последний бой на своей территории. Неожиданная безоговорочная капитуляция потрясла всех японцев, явилась психологическим шоком, независимо от того, желали они окончания войны или нет. С другой стороны, в то время как часть военщины и ультраправые элементы устраивали шумные демонстрации с криками: «Никакого мира, сопротивление до последнего!», простой народ не реагировал на эти призывы и переживал случившееся как трагическую неизбежность. Среди готовившихся к сражению за метрополию военных также не было единства: часть из них была готова бунтовать, но большинство изъявляло желание поскорее вернуться домой к своим семьям. В армейских частях отмечались случаи самороспуска и коллективного дезертирства. При этом многие прихватывали армейское казенное имущество, считая его бесхозным. В целом спокойно проходившее впоследствии разоружение также свидетельствовало об усталости солдат от войны, желании поскорее вернуться в родные места.

Однако так было не везде — на многих участках зарубежных театров военных действий война 15 августа не окончилась, здесь продолжались хотя и локальные, но довольно ожесточенные сражения. Многие офицеры не желали верить сообщениям о капитуляции и отказывались сложить оружие. И лишь направление на фронты членов императорской фамилии заставило полевых командиров смириться с позором поражения. Не все смогли это пережить: следуя самурайским традициям и кодексу чести бусидо, многие фанатики покончили с собой, совершив обряд сэппуку (харакори). Уходили они из жизни, однако, зачастую отнюдь не из-за острого переживания поражения (в течение последних трех лет японская армия теряла одну позицию за другой) и не из-за чувства ответственности за совершенные военные преступления, а из страха получить смерть в качестве сурового наказания за эти преступления от рук противника уже после войны. Поэтому едва ли стоит считать этих «ритуальных самоубийц» героями, оставшимися до конца верными присяге и императору, как это подчас представляется в Японии.

* * *

Таким образом, уже в ходе войны японской военщине удалось продумать и претворить в жизнь такой курс на капитуляцию, который обеспечивал условия для сохранения в значительной мере прежних экономических, политических и идейных основ военной политики, на которых стала базироваться в последующем новая военная доктрина и политика ремитализации государства, позволившая вывести Японию по совокупной военной мощи на первое место среди неядерных держав, а по объему военных расходов обойти даже такие крупные ядерные державы, как Англия и Франция.

Исследуя причины капитуляции Японии, было бы, однако, неправильно сводить их только к политическим интересам правящих классов Японии того времени. Решение о капитуляции еще долго не было бы принято, если бы Япония не почувствовала всей мощи ударов по главным силам японской армии со стороны Вооруженных сил СССР. Удары Кра-

сной армии парализовали волю Японии к сопротивлению. То, чего союзники стремились, несмотря на обладание атомной бомбой, достичь в лучшем случае через год-полтора войны, было осуществлено в результате быстротечной Советской военной кампании на Дальнем Востоке. Япония капитулировала.

Пример того, что после принятия Японией капитуляции и полного прекращения ее войсками сопротивления Красной армии СССР отказался от оккупации острова Хоккайдо, красноречиво свидетельствует, во-первых, об уважительном отношении Советского Союза к интересам союзников и, во-вторых, полностью опровергает утверждения о том, что Советское государство стремилось к «кровавому разделу» чужой территории, в чем его пытаются обвинить некоторые современные японские историки и официальные лица. Если бы основным мотивом вступления СССР в войну были территориальные приобретения, то их можно было бы достичь и без войны, точнее при отказе от нее и выступлении в роли посредника на переговорах — японское руководство прилагало к этому все усилия, не жалея взамен ни своих, ни чужих территорий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8. Л. 231–233.
- ² Новая и новейшая история Китая. Краткий очерк. М., 1950. С. 252.
- ³ Гарнизоны Чуньхуа, Уцзяцхы и Сиокаку располагались в районе Хуньчунь.
- ⁴ Сборник оперативных приказов по объединенной группировке. Военно-научная библиотека ГШ. Инв. № 20418. С. 25, 46.
- ⁵ Там же. С. 47.
- ⁶ Цит. по: Победа на Дальнем Востоке: Историко-мемуарные и документально-художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 года. Хабаровск, 1985. С. 507.
- ⁷ Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 161–239.
- ⁸ *Внотченко Л. Н.* Победа на Дальнем Востоке. М., 1971. С. 242.
- ⁹ Цит. по: Внешняя политика СССР: Сборник документов (июнь 1941 — сентябрь 1945). М., 1947. Т. 5. С. 754.
- ¹⁰ Там же. С. 394.
- ¹¹ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3131. Д. 128. Л. 250; Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986. С. 106–116.
- ¹² *Гусаревич С. Д., Сеоев В. Б.* На защите дальневосточных рубежей. М., 1982. С. 79–80.
- ¹³ Победа на Дальнем Востоке. С. 156.
- ¹⁴ ЦАМО. Ф. 294. Оп. 7164. Д. 1. Л. 154–155.
- ¹⁵ 5-я армия потеряла только убитыми до 40 тыс. человек, то есть 2/3 своего состава (Журнал боевых действий 1-й Краснознаменной армии. ЦАМО. Ф. 220. Оп. 20837. Д. 49. Л. 89).
- ¹⁶ ЦАМО. Ф. 220. Оп. 29358. Д. 2. Л. 155–156.
- ¹⁷ Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1962. С. 430–431.
- ¹⁸ Там же. С. 428; Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 93.
- ¹⁹ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 94.
- ²⁰ Там же. С. 94–95; Победа на Дальнем Востоке. С. 164.
- ²¹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 11. М., 1980. С. 249–251.
- ²² Действия ВВС по разгрому японской армии в 1945 г. М., 1951. С. 116.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Победа на Дальнем Востоке. С. 170.
- ²⁵ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 118.
- ²⁶ Победа на Дальнем Востоке. С. 163.
- ²⁷ Там же. С. 7, 164.
- ²⁸ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1075. Д. 18. Л. 20.
- ²⁹ Там же. Ф. 210. Оп. 3131. Д. 128. Л. 250; Победа на Дальнем Востоке. С. 165.
- ³⁰ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3131. Д. 128. Л. 250–251.
- ³¹ Там же. Оп. 3116. Д. 265. Л. 49–52.
- ³² Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 118.
- ³³ ЦАМО. Ф. 294. Оп. 6961. Д. 15–18. Л. 71.
- ³⁴ Там же. Ф. 238. Оп. 170249. Д. 1. Л. 27.

- ³⁵ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 243.
- ³⁶ *Гусаревич С. Д., Сеоев В. Б.* На страже дальневосточных рубежей. С. 75–76.
- ³⁷ Там же. С. 75.
- ³⁸ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 122–123.
- ³⁹ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. М., 1962. С. 470.
- ⁴⁰ ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 13. Л. 238–239; ЦВМА. Ф. 218. Д. 17712. Л. 43–44; История военно-морского искусства. М., 1970. С. 502–504.
- ⁴¹ История военно-морского искусства. С. 502–504.
- ⁴² Краснознаменный Тихоокеанский флот. 3-е изд. М., 1981. С. 191.
- ⁴³ Там же. С. 192–193.
- ⁴⁴ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 34.
- ⁴⁵ История военно-морского искусства. С. 505.
- ⁴⁶ Военная история. М., 1983. С. 431.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 194.
- ⁴⁹ Там же. С. 196.
- ⁵⁰ История военно-морского искусства. С. 505.
- ⁵¹ Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 201.
- ⁵² Там же. С. 202.
- ⁵³ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 476–477.
- ⁵⁴ Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 204.
- ⁵⁵ Там же. С. 201; ЦАМО. Ф. 238. Оп. 170249. Д. 1. Л. 27.
- ⁵⁶ Цит. по: *Козлов И. А.* Боевые действия подводных лодок Военно-морского флота СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л., 1989. С. 127.
- ⁵⁷ История военно-морского искусства. С. 507.
- ⁵⁸ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 278.
- ⁵⁹ ЦВМА. Ф. 129. Д. 17669. Л. 5.
- ⁶⁰ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. М., 1949. С. 49.
- ⁶¹ ЦВМА. Ф. 129. Д. 17669. Л. 6–7.
- ⁶² Цит. по: Тихоокеанский флот в боях против японских захватчиков. Владивосток, 1946. С. 19.
- ⁶³ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 57.
- ⁶⁴ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 491.
- ⁶⁵ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 280.
- ⁶⁶ Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 183.
- ⁶⁷ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 492.
- ⁶⁸ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1075. Д. 18. Л. 20.
- ⁶⁹ ЦВМА. Ф. 129. Д. 17669. Л. 60–67; Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 492.
- ⁷⁰ Победа на Дальнем Востоке. С. 343.
- ⁷¹ Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов. М., 1968. С. 671.
- ⁷² Цит. по: Победа на Дальнем Востоке. С. 508.
- ⁷³ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 125.
- ⁷⁴ Цит. по: Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. С. 673–674.
- ⁷⁵ Победа на Дальнем Востоке. С. 507.
- ⁷⁶ *Новожилов В. Ю., Марценюк Ю. А., Климов А. А., Ченцов А. С. и др.* Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). М., 2011. С. 79.
- ⁷⁷ Войска называются внутренними. М., 1982. С. 318–319.

- ⁷⁸ *Новожилов В. Ю., Марценюк Ю. А., Климов А. А., Ченцов А. С. и др.* Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 161.
- ⁷⁹ *Климов А. А., Ченцов А. С.* Конвой на сопках Маньчжурии // *Войсковой вестник*. 2010. № 6. С. 71.
- ⁸⁰ Там же. С. 76.
- ⁸¹ ЦАМО. Ф. 234. Оп. 310119. Д. 1. Л. 8; Оп. 310124. Д. 1. Л. 18.
- ⁸² Там же. Ф. 16. Оп. 92362. Д. 6. Л. 42; Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. Ч. 2. С. 296.
- ⁸³ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 285.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же. С. 284.
- ⁸⁶ Победа на Дальнем Востоке. С. 371.
- ⁸⁷ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 286.
- ⁸⁸ Победа на Дальнем Востоке. С. 373.
- ⁸⁹ *Багров В. Н.* Южно-Сахалинская и Курильская операции. Август 1945 г. М., 1959. С. 69.
- ⁹⁰ *Мотрохов В. А.* Советский Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия в войне с империалистической Японией в 1945 году. Л., 1987. Ч. 2. С. 43.
- ⁹¹ ЦВМА. Ф. 129. Д. 40159. Л. 17.
- ⁹² Там же. Ф. 307. Д. 20295. Л. 6.
- ⁹³ Там же. Л. 13; Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 209–210; *Багров В. Н.* Южно-Сахалинская и Курильская операции. С. 19.
- ⁹⁴ *Багров В. Н.* Южно-Сахалинская и Курильская операции. С. 71.
- ⁹⁵ Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 210.
- ⁹⁶ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 83–84.
- ⁹⁷ *Багров В. Н.* Южно-Сахалинская и Курильская операции. С. 74; Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 90–91.
- ⁹⁸ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 91.
- ⁹⁹ *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А.* История флота государства Российского. В 2-х т. М., 1996. Т. 2. С. 594.
- ¹⁰⁰ ЦВМА. Ф. 307. Д. 17779. Л. 77.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 40158. Л. 160; Там же. Ф. 129. Д. 20314. Л. 2.
- ¹⁰² Там же. Ф. 291. Д. 24087. Л. 81.
- ¹⁰³ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 494.
- ¹⁰⁴ Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 213.
- ¹⁰⁵ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 494–495.
- ¹⁰⁶ ЦВМА. Ф. 129. Д. 20314. Л. 10.
- ¹⁰⁷ Там же. Ф. 307. Д. 20289. Л. 4.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 17779. Л. 19.
- ¹⁰⁹ Там же. Ф. 291. Д. 24087. Л. 81.
- ¹¹⁰ Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 215.
- ¹¹¹ ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 2704. Л. 47–49.
- ¹¹² Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 215.
- ¹¹³ ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 2704. Л. 47–49.
- ¹¹⁴ ЦАМО. Ф. 129. Оп. 310119. Д. 1. Л. 21.
- ¹¹⁵ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 2; *Багров В. Н.* Победа на островах. С. 70.
- ¹¹⁶ Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 219.
- ¹¹⁷ Цит. по: *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А.* История флота государства Российского. Т. 2. С. 598.
- ¹¹⁸ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 3.
- ¹¹⁹ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 496; ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 213.
- ¹²⁰ ЦАМО. Ф. 234. Оп. 310119. Д. 2. Л. 5; ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 62.

- ¹²¹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 290.
- ¹²² ЦАМО. Ф. 234. Оп. 352680. Д. 10. Л. 14; ЦВМА. Ф. 129. Д. 17521. Л. 5–6.
- ¹²³ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 5.
- ¹²⁴ Морской сборник. 1985. № 9. С. 59.
- ¹²⁵ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 497.
- ¹²⁶ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 159. Л. 26–27.
- ¹²⁷ Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 234.
- ¹²⁸ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 12, 14.
- ¹²⁹ Там же. Л. 9.
- ¹³⁰ ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 62.
- ¹³¹ Там же. Л. 72.
- ¹³² ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 17.
- ¹³³ Там же. Л. 18; ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 72.
- ¹³⁴ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 408.
- ¹³⁵ ЦАМО. Ф. 234. Оп. 310119. Д. 1. Л. 49.
- ¹³⁶ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 499.
- ¹³⁷ Там же. С. 606.
- ¹³⁸ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 100–101; Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 227.
- ¹³⁹ Там же. С. 607.
- ¹⁴⁰ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 100–101; Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 229.
- ¹⁴¹ Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 229.
- ¹⁴² Багров В. Н. Победа на островах. С. 84–85, 87–90, 92–95.
- ¹⁴³ ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 77.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ ЦАМО. Ф. 234. Оп. 352680. Д. 11. Л. 69.
- ¹⁴⁶ Там же. Д. 10. Л. 41.
- ¹⁴⁷ Там же. Д. 11. Л. 100, 105; Морской сборник. 1975. № 9. С. 27; ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 40–42.
- ¹⁴⁸ ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 99.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 46.
- ¹⁵⁰ Там же. Ф. 129. Д. 17777. Л. 5.
- ¹⁵¹ Акшинский В. С. Курильский десант. Петропавловск-Камчатский, 1984. С. 134.
- ¹⁵² Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А. История флота государства Российского. Т. 2. С. 609.
- ¹⁵³ Акшинский В. С. Курильский десант. С. 108.
- ¹⁵⁴ ЦВМА. Ф. 129. Д. 17777. Л. 134.
- ¹⁵⁵ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 134.
- ¹⁵⁶ Зимонин В. П. Последний очаг Второй мировой. С. 316–317.
- ¹⁵⁷ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 135; Морской сборник. 1975. № 9. С. 27.
- ¹⁵⁸ Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А. История флота государства Российского. Т. 2. С. 611.
- ¹⁵⁹ Вторая мировая война 1939–1945 гг. М., 1958. С. 798.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 2, 3, 4, 8, 9 и др.
- ¹⁶² Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А. История флота государства Российского. С. 613.
- ¹⁶³ ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 31–32.
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 34–37.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 37.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 34.

- ¹⁶⁷ ЦВМА. Ф. 129. Д. 17777. Л. 2.
- ¹⁶⁸ ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8. Л. 379–380.
- ¹⁶⁹ Там же. Д. 9. Л. 61.
- ¹⁷⁰ Там же. Д. 2. Л. 391–393; Д. 8. Л. 154–155.
- ¹⁷¹ ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 2. Л. 392.
- ¹⁷² Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1989. С. 285.
- ¹⁷³ Там же. С. 286.
- ¹⁷⁴ Известия. 1992. 2 апреля.
- ¹⁷⁵ Это утверждение оказалось, как показали последующие события, преждевременным.
- ¹⁷⁶ Цит. по: *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А.* История флота государства Российского. Т. 2. С. 616.
- ¹⁷⁷ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 120, 127.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 122, 128.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 127, 134.
- ¹⁸⁰ ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 292.
- ¹⁸¹ *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 325.
- ¹⁸² Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 129.
- ¹⁸³ Там же. С. 617.
- ¹⁸⁴ *Дмитриев В. И.* Советское подводное кораблестроение. М., 1990. С. 226; Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 119–120; Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 234.
- ¹⁸⁵ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 131.
- ¹⁸⁶ ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 294.
- ¹⁸⁷ Там же. Л. 293.
- ¹⁸⁸ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 136–137.
- ¹⁸⁹ *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 329.
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 30; ЦВМА. Ф. 291. Д. 24087. Л. 191.
- ¹⁹¹ Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 374–375.
- ¹⁹² Там же. С. 375; ЦАМО. Ф. 234. Оп. 310119. Д. 1. Л. 21; ЦВМА. Ф. 291. Д. 24087. Л. 191; Ф. 129. Д. 17777. Л. 30; Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 504–505.
- ¹⁹³ Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. С. 177; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 223, 303.
- ¹⁹⁴ Подсчитано по: Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. С. 177, 374–375.
- ¹⁹⁵ Военная энциклопедия. М., 1995.
- ¹⁹⁶ Цит. по: *Сэнда Како.* Тэнно-но тёкуго то сёва си (Высочайший рескрипт императора и история периода Сёва). Токио, 1983. С. 394.
- ¹⁹⁷ См. подробнее: *Hasegawa Tsuyoshi.* Racing the Enemy. Stalin, Truman, and the Surrender of Japan. Cambridge, Massachusetts. L., 2005.
- ¹⁹⁸ Цит. по: *Яковлев Н. Н.* 3 сентября 1945 года. М., 1971. С. 174.
- ¹⁹⁹ История войны на Тихом океане / Пер. с япон. В 6-ти т. Т. IV. М., 1958. С. 252–258.
- ²⁰⁰ Цит. по: История войны на Тихом океане / Пер. с англ. В 5-ти т. Т. 4. М., 1958. С. 252; см. также: *Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С.* История современной Японии / Пер. с япон. М., 1955. С. 265.
- ²⁰¹ Цит. по: *Брукс Л.* За кулисами японской капитуляции / Сокр. пер. с англ. М., 1971. С. 148.
- ²⁰² *Ноут Е.* Closing the Circle: War in the Pacific. 1945. N. Y., 1982. P. 197.
- ²⁰³ Цит. по: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Т. 2. М., 1984. С. 20–21.
- ²⁰⁴ Цит. по: *Кудо М.* Ниссо тюрицу дзёяку-но кёко (Ложная сущность японо-советского Пакта о нейтралитете). Токио, 2011. С. 171.

- ²⁰⁵ Цит. по: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 524.
- ²⁰⁶ *Кудо М.* Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю. С. 219–220.
- ²⁰⁷ *Онодэра Ю.* Барутокай хотори нитэ (У Балтийского моря). Токио, 1985. С. 148.
- ²⁰⁸ *Vix H. P.* Hirohito and the Making of Modern Japan. N. Y., 2001. P. 490.
- ²⁰⁹ Ibid.
- ²¹⁰ Цит. по: Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 19 (77). С. 45–46.
- ²¹¹ Цит. по: Дайтоа сэнсо кокан сэнси. Т. 73. С. 325.
- ²¹² *Фудзивара А.* Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения о войне на Тихом океане). Токио, 1982. С. 200.
- ²¹³ *Нисидзима А.* Гэмбаку-ва надзэ токасарэта-ка (Почему была сброшена атомная бомба?). Токио, 1985. С. 220.
- ²¹⁴ Цит. по: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 541.
- ²¹⁵ Цит. по: там же. С. 545.
- ²¹⁶ Цит. по: там же.
- ²¹⁷ *Кошкин А. А.* Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. М., 2012. С. 283–292.
- ²¹⁸ *Фудзивара А.* Тайхэйё сэнсо си рон. С. 201.
- ²¹⁹ Сюээн сироку. Гаймусё хэн (Документы истории окончания войны. Составитель — Министерство иностранных дел Японии). Токио, 1977. Т. III. С. 129–130.
- ²²⁰ Цит. по: там же. С. 131.
- ²²¹ Цит. по: там же.
- ²²² Цит. по: Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 19 (77). С. 54.
- ²²³ *Vix H. P.* Hirohito and the Making of Modern Japan. P. 505–511.
- ²²⁴ Цит. по: Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 19 (77). С. 49.
- ²²⁵ FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. Vol. II. Wash., 1960. P. 1292–1293.
- ²²⁶ Цит. по: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 555.
- ²²⁷ Сюээн сироку. Т. IV. С. 107–109.
- ²²⁸ Цит. по: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 561.
- ²²⁹ *Butow R.* Japan's Decision to Surrender. Stanford, California, 1954. P. 170.
- ²³⁰ Цит. по: История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 264.
- ²³¹ Цит. по: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 563.
- ²³² Цит. по: *Крейг У.* Падение Японии / Пер. с англ. М., 1999. С. 140.
- ²³³ Цит. по: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 559.
- ²³⁴ Цит. по: там же. С. 565.
- ²³⁵ Цит. по: там же. С. 572.
- ²³⁶ Цит. по: там же. С. 573.